

Институт Истории Академии Наук Азербайджана

Искендерова Марзия Сабир гызы

БАКИНСКОЕ ХАНСТВО

БАКУ - 1999

Редакторы: доктор исторических наук Т.Т.Мустафазаде, кандидат исторических наук Г.Н.Мамедова

Рекомендовано к печати Ученым Советом Института истории АН Азербайджанской Республики

Искендерова М.С. Бакинское ханство. Баку: Чашыоглы. 1999, 212 с.

İsgəndərova M.S. Bakı xanlığı: Bakı, Çaşioğlu, 1999, 212 s.

В книге на основе многочисленных архивных данных, значительная часть которых впервые вводится в научный оборот, освещается социально-экономическая и политическая история одного из важных в геополитическом отношении ханств Азербайджана - Бакинского. В работе раскрывается отличительная роль Бакинского ханства как во внутренней, так и внешней торговле Азербайджана во II половине XVIII - начале XIX вв. Дается новая трактовка позиции бакинских правителей, в частности, таможенной политики Гусейн-Гулу-хана, его неординарных взаимоотношений с Россией. Показывается завуалированность действий России по отношению к Бакинскому ханству, итогом чего было окончательное его завоевание в начале XIX в. Книга рассчитана на историков и широкий круг читателей.

И 0503020200-146
082-99

© Искендерова М.С.

© Издательство «Чашыоглы», 1999

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

ГЛАВА I

ОБРАЗОВАНИЕ БАКИНСКОГО ХАНСТВА

ГЛАВА II

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

§1.ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

§ 2 СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ПОДАТНАЯ СИСТЕМА

§3. ТОРГОВЛЯ

ГЛАВА III

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

ГЛАВА IV

ЗАВОЕВАНИЕ БАКИНСКОГО ХАНСТВА РОССИЕЙ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ПРИМЕЧАНИЯ

XÜLASƏ

SUMMARY

ВВЕДЕНИЕ

В жизни каждого народа - определенные этапы истории сыграли свою предопределяющую роль в его развитии, определили его дальнейшую судьбу. Такие эпохальные периоды, среди которых особо знаменательна II половина XVIII в., не обошли стороной и азербайджанский народ, кровью вписавший страницы независимости в историю своей страны. Именно во II половине XVIII - начале XIX вв. развернувшиеся в регионе события положили конец иранскому владычеству в Азербайджане и способствовали созданию на его территории самостоятельных государственных образований, в той или иной степени положительно повлиявших на ход его социально-экономического, политического и культурного развития. Образовавшиеся здесь около 20 полунезависимых и независимых ханств, олицетворяли государственность Азербайджана и хотя на исторической арене они представляли собой феодально-раздробленную структуру, но фактически являлись самостоятельными и каждое из ханств заняло достойное место в истории Азербайджана.

В наши дни, когда Азербайджан вновь восстановил свою государственную независимость, экскурс в историческое прошлое объективно способствует всестороннему выяснению и изучению государств и государственных образований в виде ханств, возникших на его территории в середине XVIII в. и ликвидированных в начале XIX века. Среди них особое, своеобразное место занимало Бакинское ханство, расположенное на выгодной волжско-каспийской магистрали, что, в свою очередь, обуславливало ему тесные торгово-экономические и политические взаимоотношения со многими странами, в том числе и с Россией. Как известно, Русское государство еще со времен Петра I, учитывая геополитическое значение города с его удобной безопасной гаванью и природными богатствами, в частности нефтью, прянощами, рыбой, икрой и др., стремилось превратить Баку в центр русско-восточной торговли по Каспию. Считая Баку «ключом ко всему делу в Прикаспийском крае»¹ Петр I стремился занять доминирующее положение в торговле с Западом и Востоком через волжско-каспийский путь и добиться того, чтобы Европа торговала с Ираном и Индией не через Средиземное море и Турцию, а через Россию и Каспийское море. Поэтому овладение бакинским портом должно было укрепить торговые и стратегические позиции России и продолжить путь в Индию и другие страны Востока.² Бакинскому порту надлежало сыграть роль ключевой позиции на западном берегу Каспия. В 1722 г. Петр I начал так называемый Персидский поход,³ закрепивший за Россией города Дербент и Баку со всеми к ним принадлежащими и по Каспийскому морю лежащими землями и местами, а также провинции Гилян, Мазандаран и Астрабад.⁴

Однако после смерти Петра I (1725 г.) последующие правители России не только не придавали серьезного значения прикаспийским провинциям, но даже тяготились ими. Поскольку содержание этих провинций требовало огромных материальных расходов, русское правительство не принимало действенных мер для упрочения за Россией указанных областей. Да и сложившаяся здесь политическая обстановка - усиление Иранского государства во главе с Надирханом Афшаром - вынудило Россию покинуть регион. Согласно заключенным в 1732 г. Рештскому, а затем в 1735 г. Гянджинскому мирным договорам между Россией и Ираном все прикаспийские земли, в том числе и город Баку, были возвращены Ирану.⁵ Однако впоследствии широкое развитие мануфактурной промышленности в России и потребности в дешевом сырье не снимали с повестки дня вопроса о каспийской торговле, тем более, что во второй половине XVIII в. центр русско-восточной торговли стал перемещаться из Ирана в города Азербайджана, и в частности Баку. Поэтому претворение в жизнь завещания Петра I в отношении азербайджанских земель оставалось одним из основных лейтмотивов всей восточной политики России во II половине XVIII в.

С восшествием на престол Екатерины II Русское государство активизировало свои действия в регионе, при этом стараясь ни в коей мере не допустить влияния какой-либо иной державы, в особенности Ирана и Турции. Политическая раздробленность азербайджанских ханств потворствовала этим внешнеполитическим притязаниям русского правительства, стремившегося утвердить свои позиции в Бакинском ханстве. Следствием всех усилий Русского государства явились захват и ликвидация Бакинского ханства наряду с другими северными ханствами Азербайджана в I трети XIX в.

С захватом Азербайджана Россией началась новая веха в многовековой истории азербайджанского народа. Всестороннее и глубокое исследование истории каждого ханства, в частности Бакинского, поможет понять всю трагичность положения, в котором оказался азербайджанский народ с претворением в жизнь колониальной политики русского царизма и, в свою очередь, явится очередным шагом к выяснению истоков взаимоотношений Азербайджана с Россией.

Нахождение в составе бывшего СССР вынуждало решать все вопросы истории Азербайджана в одностороннем и тенденциозном порядке. Не составило исключение и оценка проблем истории Азербайджана II половины XVIII в. Ныне, когда страна добилась былой независимости, азербайджан-

скими историками предпринимаются определенные шаги в восстановлении справедливости истории - объективном подходе к тем или иным событиям и фактам.⁶ В этой связи не случаен и выбор нами актуальной проблемы - изучение социально-экономической, политической и культурной истории одного из выгодных в геополитическом отношении ханств - Бакинского ханства.

С сожалением приходится констатировать, что отсутствие местных архивов ханств, которые из-за плохой сохранности и халатности до нас просто не дошли, фактический материал по проблеме приходилось собирать по крупицам. Поэтому при рассмотрении хозяйственной и политической жизни Бакинского ханства неоспоримую ценность представляют труды русских авторов XIX в. С.Броневского,⁷ П.Зубова,⁸ В.С.Легкобытова,⁹ И.Березина,¹⁰ Н.Ф.Дубровина,¹¹ В.Потто¹² и др. Особо следует выделить фундаментальный груд современника описываемых событий П.Г.Буткова¹³ который приводит целый ряд недошедших до нас документов и источников. Но следует отметить, что наряду с огромным количеством богатого фактического материала в этих трудах выпячивается субъективный, исходящий из чисто узкоклассовых интересов подход к истории. Естественно, что находившиеся на русской службе авторы должны были восхвалять и оправдывать имперскую политику царизма в отношении азербайджанских ханств, в том числе Бакинского.

Как было отмечено, расположение на выгодной волжско-каспийской магистрали и наличие удобной гавани способствовало сосредоточению в Баку значительного количества купечества и широкому развитию торговых отношений с многими странами, в том числе и с Россией. В этой связи большую ценность представляют ведомости астраханской таможни, где, правда, зафиксирован не полный перечень, в количественном отношении, ввозимых из России в Азербайджан и вывозимых обратно товаров. Данные ведомостей позволяют проследить за последовательным ведением в исследуемый период русско-азербайджанской торговли через бакинский порт и судить о транзитном значении Баку.

Наряду с этим в трудах многих исследователей периода основное внимание уделено торговле, как доминирующему фактору в развитии и расширении торговых отношений Бакинского ханства с Россией. Кстати, некоторые авторы пытались придать торговым отношениям Бакинского ханства с Россией чуть ли не главенствующую роль в усилении т.н. «русской ориентации» среди населения. Тогда как таможенная политика Гуссейн-Гулу-хана, полностью опровергающая их доводы, не раз служила причиной конфликтов Бакинского ханства с Россией и ответом на несправедливые действия царизма по отношению к местному купечеству. Аналогичную мысль повторяют находившиеся на русской службе азербайджанские историки-хронисты XIX в. А.Бакиханов,¹⁴ Мирза-Адыгезал-бек,¹⁵ Мирза Джамал Джаваншир Карабаги.¹⁶ Следует отдать должное кропотливой работе этих авторов в выявлении и изложении богатого фактического материала по истории Азербайджана исследуемого периода. Среди них особо следует выделить труд А.Бакиханова «Гюлистан-Ирам», в котором впервые в азербайджанской историографии излагаются события по истории Азербайджана, начиная с древнейших времен вплоть до заключения Гюлистанского мирного договора (1813 г.) между Россией и Ираном.

В целом, учитывая познавательную и источниковедческую ценность трудов азербайджанских хронистов, несмотря на их нарративный характер, односторонность, тенденциозность, можно сказать, что вышеуказанные авторы были первопроходцами в изучении азербайджано-русских отношений, в том числе и отношений Бакинского ханства с Россией, в изучаемый период. Кстати, труды вышеуказанных хронистов на основе критического анализа впервые были использованы в фундаментальных работах азербайджанских исследователей, внесших значительный вклад в отечественную историографию по изучаемой проблеме.

Среди них следует прежде всего назвать труды И.П.Пе-фушевского,¹⁷ В.Н. Левиатова,¹⁸ К.А.Пажитнова,¹⁹ А.С.Сумбатзаде,²⁰ О.П.Марковой,²¹ Г.Б.Абдуллаева,²² М.А.Исмайлова,²³ С.Б.Ашурбейли,²⁴ Ф.М.Алиева,²⁵ и ряда других.²⁶ В работе Г.Б.Абдуллаева «Азербайджан в XVIII в. и взаимоотношения его с Россией» на основе огромного количества фактического материала показаны исторические условия возникновения, особенности, хозяйственно-экономическое и политическое положение каждого из азербайджанских ханств, в том числе Бакинского. Особое внимание уделено русской консульской службе на Востоке и роли Баку в азербайджано-русской торговле.

Интересна и работа О.П.Марковой «Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII веке». Автор, отмечая деградацию русско-иранской торговли во второй половине XVIII в., говорит о возрастающем удельном весе азербайджанских городов, в особенности Баку в русско-восточной торговле по Каспию.

Немаловажное значение при разработке темы имели работы Ф.М.Алиева, в которых на основе многочисленных архивных материалов и данных источников исследованы вопросы торговли и внутреннего устройства азербайджанских городов во II половине ХУТII в., в частности Баку. В работе

«Антиранские выступления и борьба против турецкой оккупации в Азербайджане в первой половине XVIII века» рассмотрены вопросы развития русской ориентации в Бакинском ханстве на заре его образования.

В монографии С.Б.Ашурбейли «Очерки истории средневекового Баку (VII -начало XIX в.)» соответствующая глава посвящена социально-экономической и политической истории Баку II пол. XVIII - нач. XIX вв. В главе определенное место уделено торговым взаимоотношениям Баку с Россией, роли Баку как крупного торгового центра на Востоке и главной базы снабжения русских войск. Примерно то же самое повторяется и во вновь изданной книге С.Б.Ашурбейли по истории города Баку (История города Баку. Период средневековья. - Баку, 1992 г.). Наряду с вышеприведенным историей ханств, в том числе и Бакинского, их взаимоотношения с Россией отражены и в русской историографии. В этой связи двойной интерес представляют груды таких современников как М.Чулкова,²⁷ С.Д.Бурнашева,²⁸ К.И.Габлица,²⁹ путешественников С.Г.Гмелипа,³⁰ Маршала фон Биберштейна³¹ и других, посетивших Азербайджан, в частности Бакинское ханство во II половине XVIII в. Претворявшие в жизнь интересы России и побывавшие в Азербайджане с целью изучения края эти авторы собрали богатый материал о хозяйственно-экономическом положении, политических событиях, о топографии, населении, природных богатствах страны в исследуемый период. Большую ценность по исследуемой теме представляют так же архивные материалы, собранные в различных фондах архивов России: Архива внешней политики России (АВПР), фонд «Сношения России с Персией» (СРП) и фонд «Главный архив», Центрального государственного военно-исторического архива (ЦГВИА), фонд №52 (Потемкинский) и Военно-учетный архив (ВУА), Центрального государственного архива древних актов (ЦГАДА), фонд Ермолова (№1406), Центрального государственного исторического архива (ЦГИА), фонд №1268, Государственного архива Астраханской области (ГААО), фонды №1, 394, 476, Центрального Государственного архива Военно-морского флота (ЦГАВМФ), фонды №166, 172, 198, 212, 227, Государственного исторического архива Азербайджанской Республики (ГИА Азерб. Рес-ки), фонды №24, 30, 32, 79, 144, Центрального государственного исторического архива Грузинской Республики (ЦГИА Груз. Рес-ки), фонды №1, 2, Научного архива Института истории Академии наук Азербайджанской Республики (НАИИ АН Азерб. Респ. При написании темы были использованы и опубликованные источники, среди которых особо следует выделить «Акты, собранные Кавказской Археографической Комиссией» (АКАК), изданные под редакцией А.Берже.³² Сосредоточенные в них архивные документы, среди которых наиболее важными являются письма бакинских правителей, в частности Мирза Мухаммед-хана II и Гусейн-Гулу-хана к русскому правительству и русским главнокомандующим на Кавказе Гудовичу, Цицианову и другим официальным представителям России - представляют познавательную ценность для освещения различных вопросов истории Бакинского ханства, в том числе и экономических.

Немалый интерес представляют материалы, опубликованные в сборнике «Архив Государственного Совета»³³, в котором показывается торгово-экономическое положение Бакинского ханства, и особое внимание уделяется Баку как одному из лучших портов на Каспийском море, его торговому значению. В сборнике «Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20-60-х гг. XIX в.»³⁴ (далее - «Колониальная политика») собраны документы, отражающие вопросы феодального землевладения и податной системы в Азербайджане в целом и в Бакинском ханстве в частности. Следует отметить, что данная проблема не была предметом специального исследования, хотя отдельные её аспекты затрагивались в трудах упоминаемых ранее азербайджанских и русских историков. На основе анализа и обобщения широкого круга разнообразных источников и многочисленных архивных материалов, большинство которых вводится в научный оборот впервые, в монографии делается попытка более полного и глубокого освещения вопросов, связанных с социально-экономической и политической историей Бакинского ханства. Только всестороннее и объективное изучение истории азербайджанских ханств, в частности Бакинского, поможет приблизить нас к исторической истине, создать правдивую историю азербайджанского народа, дать ясные перспективы на будущее. На современном этапе происходившие в стране события, в частности восстановление государственной независимости Азербайджана - наложили свой неизгладимый отпечаток на развитие и общественных наук, в том числе и истории, в которой произошли концептуальные изменения по многим её аспектам, в особенности в отношении захватнической и колониальной политики России, доселе преподносимой как добровольный акт присоединения Азербайджана к России.

В этой связи с целью комплексного изучения истории Бакинского ханства мы оказались перед необходимостью не только нового взгляда на эту проблему, но и окончательного искоренения прежних представлений и догм, избавления от старых стереотипов, ложных исторических концепций.

В заключение автор считает своим долгом выразить глубокую признательность и благодарность руководству Института истории Академии Наук Азербайджанской Республики во главе с членом-

корреспондентом АН Азербайджана И.Г.Алиевым, покойному профессору Ф.М.Алиеву, редактору книги профессору Т.М.Мустафаде, особенно ученому секретарю Института истории АН Азербайджанской Республики кандидату исторических наук Г.Н.Мамедовой и доценту кафедры Истории Азербайджанской Государственной Нефтяной Академии Дж.М.Мустафаеву за ценные научные советы при подготовке монографии к печати и всем, кто в той или иной степени помогал в процессе работы.

ГЛАВА I

ОБРАЗОВАНИЕ БАКИНСКОГО ХАНСТВА.

Образование Бакинского ханства явилось прежде всего объективным результатом дальнейшего развития феодальных отношений и было подготовлено еще в период владычества сефевидов. Политический и экономический упадок Сефевидского государства, под властью которого находился Азербайджан, под натиском афганских племен в начале XVIII в. и ширванского восстания 1721 года под предводительством Гаджи Давуда стал еще глубже. Рост крупного феодального землевладения явился основой отхода феодалов от центральной власти как в Иране, так и в Азербайджане. А в период правления Надир-шаха Афшара (1736-1747) он явился базой дальнейшего усиления феодального сепаратизма. Фактически полунезависимые при сефевидах от центральной шахской власти правители феодальных владений - беглярбегств, в том числе наследственного олькэ Баку,¹ которые присваивали значительную часть налогов, при Надир-шахе еще более укрепили свое экономическое и политическое положение, наживаясь на войнах и грабежах внутри страны, хотя в целях усиления влияния центральной власти на местах Надир-шах почти в каждом большом и малом городе назначал своих представителей. Правителем Баку и Апшерона был назначен некий гилянец. Так, Гмелин писал: «Во время Надир-шаха был в Баку губернатором или ханом один совсем простой породы гилянец именем Галем,² которой у Надир-шаха во время его владения находился в великой милости».³ Это подтверждается и архивным документом: «В Баку при Надир-шахе был из подлого поколения гиляк именем Салим и по отменной к нему от Надыра милости пожалован той Баке ханом...».⁴ Следует отметить, что Надир-шах мог бы поставить правителем Баку и Апшерона человека из среды влиятельных местных феодалов, хотя бы сына Дергях-Гулу-хана Мирза Мухаммеда, однако он предпочитал держать последнего при себе войске⁵ в залог его покорности. Как и остальные правители Азербайджана, бакинский правитель непосредственно подчинялся брату Надир-шаха Ибрагим-хану, которого Надир-шах «...сделал беглярбеком, властителем и начальником поставив выше всех остальных ханов».⁶

Политически единое государство Надир-шаха, опиравшееся на военную силу, было непрочным, поскольку отдельные его области в результате господства натурального хозяйства были экономически разобщенными. К таким областям относился и Баку с прилегавшими селениями. Укрепление здесь феодального землевладения способствовало развитию центробежных устремлений местных феодалов, остро выражавшихся в желании отмежеваться от шахской власти. С.Гмелин отмечал, что «...при Шахах областные ханы почти вели себя по шахски... кои о себе столь высоко думают, что между собою и верховным своим начальником никакого различия не полагают, в своем поведении не дают ему отчет...».⁷

Общий экономический упадок Ирана явился следствием кризиса феодализма на Ближнем и Среднем Востоке. К XVIII в. сухопутные караванные дороги, пролегавшие через Южный Кавказ и Иран, утратили свое былое значение. Постоянные междоусобицы препятствовали передвижению купцов из Южного Кавказа на юг к Персидскому заливу, в связи с чем внутренняя международная торговля пришла в упадок, что вызвало снижение коммерческих оборотов и как следствие этого ослабление экономических связей Азербайджана с Ираном. Наряду с этим постепенно центр восточной торговли перемещается в азербайджанские города, в частности Баку, имевший наилучший порт на Каспийском море, и усиливается торговля с Россией. Как явствует из документов, бакинские купцы просили астраханскую канцелярию о выдаче им паспортов с целью выезда во внутренние города России,⁸ где нередко они подолгу оставались со своими семьями.

Как известно, на экономике Ирана пагубно отражался и рост феодальной эксплуатации, тормозивший развитие сельского хозяйства, ремесла, торговли, вызвавший активную антииранскую борьбу в Азербайджане,⁹ усилившуюся в 30-40-х годах XVIII в.¹⁰ вследствие деспотического режима Надир-шаха. Народно-освободительное движение прощв иранского владычества, борьба азербайджанского народа за независимость и явились решающим фактором в процессе образования азербайджанских ханств, в том числе и Бакинского.

В своей политике Надир-шах отводил немаловажную роль Баку и Апшерону, учитывая их торгово-экономическое и военно-стратегическое значение. Бакинская крепость охранялась иранским гарнизоном, а шахские чиновники держали непосредственную связь с Баку, отдавая предписания о содействии и укреплении бакинской крепости. Последняя всегда стойко отражала натиск врага.¹¹

Весной 1741 года Надир-шах с целью подавить участвовавшие народные выступления повел свои войска в Северный Азербайджан и Дагестан. Содержание огромного иранского войска тяжелым бременем ложилось на плечи местного населения. Все чаще Надир-шах отдавал приказы о сборе

новых податей местным правителям, в лице которых надеялся создать надежную опору своей власти. Эти сборы усугублялись вымогательством местных властей, старавшихся угодить Надир-шаху. Особо отличался бакинский султан Селим-хан, о котором русский резидент Й.Калушкин доносил, что, как и дербентский султан, он «с кратным принуждением и последнее у всех отбирает, равномерно же и бакинской командир в назначенные ему станы заготовлением провианта исправляется».¹² Бакинское население, обложенное дополнительными налогами, не в силах было выплачивать их.

Мы не располагаем конкретными данными о выступлениях бакинцев, однако развернувшаяся по всей стране широкая волна антииранских выступлений оставила свой след на освободительном движении против существующего режима в ханстве. Несомненно, на жителей Баку и Апшерона большое влияние оказывали антииранские выступления джарцев, ширванские восстания 1743 года под руководством выдававших себя за сефевидского принца самозванцев Сам-мирзы I и Сам-мирзы II¹³ и ставленника Османской Турции Сефи-мирзы (кон. 1743- нач. 1744 г.).¹⁴ Для бакинцев немаловажное значение имела борьба населения Шеки против тирании Надира во главе с местным феодалом Гаджи Челеби в начале 40-х годов XVIII в.¹⁵ После расправы с иранскими ставленниками Гаджи Челеби объявил Шекинскую область независимым владением - ханством. Отважное сопротивление шекинцев иранскому владычеству послужило толчком к повсеместной борьбе против иранского режима, а образование Шекинского ханства положило начало созданию на территории Азербайджана других государственных образований, в том числе Бакинского ханства.

Государство Надир-шаха было окончательно расшатано углубившимся экономическим кризисом, последовавшим за кровавыми расправами с восставшими, а также бездушным обращением шахских чиновников с населением. Неспособность Надир-шаха подавить антифеодальные движения оттолкнула от него большую часть феодалов,¹⁶ тем самым нанеся окончательный удар по центральной власти. Усиливающаяся антифеодальная борьба и недееспособность Надир-шаха во внутренней и внешней политике привели к дворцовому заговору афшарской знати, в результате чего Надир-шах был убит 9 мая 1747 года.

Со смертью Надир-шаха его государство распалось.¹⁷ Таким образом, возникновение азербайджанских ханств, в том числе и Бакинского не было связано лишь с убийством Надир-шаха и падением его государства. Оно явилось результатом начавшегося ранее объективного процесса развития феодальных отношений и развернувшегося широкомасштабного народно-освободительного движения против иранского господства.

Смерть Надир-шаха положила начало ожесточенной междоусобной борьбе различных феодальных группировок за иранский трон. Эта борьба сопровождалась восстанием в Южном Азербайджане (1747 г.) под руководством самозванца Сам-мирзы III, начавшемся еще при жизни Надир-шаха. Выступление Сам-мирзы поначалу поддержали некоторые азербайджанские ханы, в том числе и бакинский, хотя позже они отклонили грамоту Сам-мирзы о признании его верховным правителем,¹⁸ оберегая свою независимость, и решительно не желая возрождения власти сефевидских шахов и не веря в «хорошего царя».

Хотя движение во главе с Сам-мирзой III окончилось поражением повстанцев, однако, являясь одним из крупных антииранских выступлений в Южном Азербайджане первой половины XVIII в., оно способствовало ослаблению зависимости от Ирана.

Таким образом, народно-освободительная борьба азербайджанского народа в 30-40-х годах XVIII в. не только пошатнула до основания устои государства Надир-шаха, но и привела к полной ликвидации иранского господства на территории Азербайджана и образованию самостоятельных ханств, в каждом из которых правители «никакого в своем правлении не давали отчету, и... в находящихся в их послушании областях сами собою неограниченных государей или частных Шахов представляют...».¹⁹

В образовавшихся ханствах «бывшие дотоле потомственные правители, зависевшие от шахов, преобразовались в независимых владетелей».²⁰ Местные феодалы, воспользовавшись плодами народно-освободительных движений, захватили власть в различных частях страны и провозгласили себя независимыми правителями-ханами. А.Бакиханов пишет, что как только иранские войска были изгнаны из края, «тотчас в каждой области явились владегели, независимые друг от друга».²¹ В Баку, который стал центром образовавшегося Бакинского ханства, борьбу против иранских войск возглавил местный феодал Мирза Мухаммед, сын Дергях-Гулу-хана. Как уже было отмечено, он относился к числу приближенных в армии Надир-шаха.²² В 1747 г., опираясь на свое положение и влияние среди бакинцев, Мирза Мухаммед захватил власть в свои руки и, прогнав правителя Баку, ставленника Надир-шаха наиба Галема, объявил себя независимым бакинским ханом, «хекимом Бадкуэ или правителем Баки».²³

Бакинское ханство занимало небольшую территорию (длиной около 75 верст и наибольшей шириной 30-40 верст)²⁴ и включало весь Апшеронский полуостров.²⁵ С востока, с севера и с юга оно омывалось Каспийским морем, на западе и юго-западе прилегало к Шемахинскому ханству и на северо-

западе к Губинскому ханству. Столицей ханства был древний город Баку, состоявший из крепости и предместья и с давних пор укрепленный крепостными стенами. Во II половине XVIII в. город был окружен двойной стеной и глубоким рвом/глубиной меньше 3-4 аршин²⁶ и шириной в 3 сажени²⁷, выложенным камнем.²⁸ По описанию путешественника С.Гмелина Баку был хорошо укреплен; ров находился на северо-западной стороне города на сухом бугре и с морем не соединялся. Там были расставлены свыше сорока мортир и пушек.²⁹

На расстоянии 4-8 верст от города располагались сторожевые бастионы и башни, которые служили наблюдательным пунктом, откуда подавались сигналы в случае появления противника.³⁰ И поныне на Апшероне - в Мардакянах, Нардаране, Раманах - как памятники архитектуры сохранились такие сторожевые башни. Главной из них была Гыз-галасы (Девичья башня), находившаяся в южной части и служившая также маяком для судов.

В планах города Баку, составленных в 1796 и 1806 гг., довольно подробно приведена планировка города и его окрестностей, представляющая полукруг с зигзагообразными узкими улицами и хаотичными кварталами.³¹ При этом в плане 1796 года не указаны углубившиеся в море крепостные стены, что свидетельствует об их сносе или разрушении к концу XVIII в.

По расположению домов, улиц и кварталов Баку в исследуемый период являл собой типичный восточный город. Дома с плоскими крышами тесно примыкали друг к другу. В крепости имелись и двухэтажные дома с балконами, принадлежавшие феодальной знати, крупным ремесленникам и купцам. Нижние этажи использовались для хозяйственных нужд или в качестве лавок.³²

Особую красоту городу в изучаемый период придавал ансамбль дворца Ширваншахов,³³ построенный в течение XV-XVI вв. и впоследствии не являвшийся резиденцией хана, ибо уже в I половине XVIII в. пришел в упадок, и поэтому бакинские правители устроили свою резиденцию недалеко от Шах-Аббасовых ворот.³⁴ Об этом упоминает и Гмелин, который пишет, что бакинский хан «построил еще лучший, на восточноевропейской вкус заложенный другой дом, в котором... жил с обеими своими женами».³⁵ Небезынтересно, что в архивном документе под названием «План бакинского порта описан и вымерли в бытность там Российской эскадры в 1782 году» за крепостными стенами показано еще одно сооружение под названием «загородной ханской дом».³⁶ Видимо, речь идет о летней резиденции хана.

Любопытно отметить, что являясь политическим и экономическим центром, город Баку не отличался многочисленностью населения. Об этом свидетельствует и М.Чулков, писавший, что «сия страна (Баку — М.И.) не очень многолюдна...».³⁷ Мы не располагаем точными статистическими данными о количестве населения в Бакинском ханстве в период всего его существования. Имевшиеся у нас сведения относятся лишь к концу XVIII нач. XIX вв., и при этом приводимые в источниках цифры разноречивые. На наш взгляд, это объясняется нестабильностью политической ситуации, влиявшей на миграционные процессы. Тем не менее анализ источников позволяет нам проследить за ростом численности населения в Бакинском ханстве в указанный промежуток времени. Так, если в 1796 г. здесь было 1820 домов (включая и город Баку)³⁸ и проживало 9100 жителей (т.е. по 5 человек на дом), то в начале XIX в., особенно после завоевания ханства Россией прослеживается увеличение населения. По данным ведомости, составленной генерал-лейтенантом Репиным, в 1810 г. количество домов в городе Баку стало 931, а в селениях 2314.³⁹ По сведениям этой же ведомости в Бакинском ханстве проживало 7622 душ мужского пола (в городе - 2235 душ, в селениях - 5387 душ)⁴⁰ или 15244 жителей обоого пола. Стабильность ситуации, сложившейся после завоевания Бакинского ханства Россией, благоприятствовала увеличению количества населения в ханстве, что подтверждается и данными источников последующего периода. В частности, согласно ведомости, составленной в 1816 г., в ханстве насчитывалось 3862 дома и проживало до 20 тыс. человек.⁴¹ Но при всем этом в сравнении с другими азербайджанскими ханствами, можно вновь убедиться в немногочисленности населения Бакинского ханства, несмотря на многие его преимущества перед другими. Для упрощенности управления Баку был разделен на 4 части, каждая из которых имела своего старосту-кендхуду⁴² и свою мечеть.

Кроме города Баку, ханство включало в себя еще 39 селений. Хотя об их количестве в источниках имеются весьма противоречивые сведения,⁴³ но, сопоставив все данные, можно заключить, что в исследуемый период в Бакинском ханстве имелись следующие селения: Гюздек, Кобы, Гокмали, Хурдалан, Хаджи-Хасан, Баладжары, Сарай, Масазыр, Новхана, Джорат, Фатмаи, Бинагада, Горадиль, Кюрдахана, Пиршаги, Маштага, Бильгя, Нардаран, Бузовья, Шаган, Мардакян, Кала, Зыря, Тюркян, Дига, Амираджан, Сурахана, Бюльбюля, Рамана, Сабунчи, Забрат, Балахана, Кулей Магмут или Ахмедли, Кешла, Кюркент Кочевье перешкюльское, Гоусан, Зых, Магомсди.⁴⁴

Среди селений Бакинского ханства по числу населения и домов выделялась Маштага. Это подтверждается и данными архивного документа от 1796 года, в котором указывается, что только в одной Маштаге имеется 350 домов, что свидетельствует о его густо населенности и отличительности от

других селений.⁴⁵ Согласно ведомости 1810 года в Мат гаге было 362 дома и проживало 815 душ мужского пола (или 1630 обоего пола), в то время как в селениях Кала (150 домов), Балахана (107 домов), Новхана (106 домов). Бузовна (более 100 домов) проживало более 100 душ мужского пола.⁴⁶ Самыми же немногочисленными были селения Горадиль (26 душ муж. пола), Тюркан (37 душ муж. пола), Ходжа-Хасан (89 душ муж. пола).⁴⁷ Это соотношение числа жителей в селениях не изменилось и в ведомостях, составленных в 1813⁴⁸ и 1816 гг.⁴⁹ Немалый интерес представляет и вопрос о национальном составе населения Бакинского ханства, который в изучаемый период был разношерстным. Большинство населения составляли азербайджанцы; здесь проживали таты, переселенные сасанидами из Ирана для защиты своих северных рубежей, а также христиане-армяне и в мизерном количестве евреи. Как известно, появление в Баку армян связано с переселенческой политикой царского правительства еще в I половине XVIII в., направленной на привлечение христианского населения, особенно армян в прикаспийские провинции. С целью создания опоры в данном регионе 10 ноября 1724 года был издан указ Петра Т генералу Матюшкину о всяческом содействии в прибытии и поселении армян в Баку, также как в Гиляне, Мазандаране, Дербенте.⁵⁰ Однако переселенческая политика русского правительства в целом была безуспешной, лишь некоторые армянские семьи поселились в прикаспийских провинциях, в том числе и в Баку. В конце XVIII в. количество армянского населения города Баку оставалось без изменения, т.е. опять около 40 домов.⁵¹ А в начале XIX в. число армян даже уменьшилось (24 дома)⁵². В селениях Бакинского ханства армяне вообще не проживали.

Бакинское ханство представляло собой типичное феодальное государство с присущей ему феодальной иерархией во главе с ханом. Во второй половине XVIII в. престол Бакинского ханства последовательно занимали: Мирза Мухаммед-хан I (1747-1768 гг.); Мелик Мухаммед-хан (1768-1784 гг.); Мирза Мухаммед-хан II (1784-1791 гг.); Мухаммед-Гулу-хан (1791-1792 гг.); Гусейн-Гулу-хан (1792-1806 гг.).⁵³

Вся полнота власти в ханстве — административная, финансовая, военная, судебная сосредоточивалась в руках хана, который «управлял ханством, как собственным имением».⁵⁴

Как и в других ханствах Азербайджана, в Бакинском ханстве существовал Диван, т.е. совет при хане, который, будучи совещательным учреждением, собирался при первой необходимости. Здесь рассматривались взимание податей, вопросы войны, мира и другие важные государственные дела. Хотя слово хана являлось решающим, он нередко считался с мнением беков, составлявших Диван, а также с шариатом и учитывал требования местных обычаев - адатов.

Государственный аппарат самого маленького среди ханств Азербайджана - Бакинского ханства также был небольшим. Ближайшим помощником хана был главный визирь: взимание податей и своевременное выполнение повинностей поручалось ханским чиновникам - наибам, сельским старостам - кендхудам, сотникам - юзбаши. Наибы, состоящие в основном из крупных феодалов, на местах разбирали судебные дела, собирали для хана ополчение и заготовляли провиант для войска. Любопытно, что порою сам бакинский хан выполнял функцию наиба. Так, в 1770 г. Фатали-хан Губинский вместо своего брата Абдулла-бека, наиба Шемахи, назначил бакинского Мелик Мухаммед-хана.⁵⁵

Наибам подчинялись сельские старосты - кендхуды, а им, в свою очередь - юзбаши, которые собирали подати и следили за выполнением повинностей.

Наличие одного города в Бакинском ханстве и относительно упрощенное городское управление не вызывало необходимости создания специального административного аппарата. В то же время в Бакинском ханстве существовали Должности таких городских чиновников, как кала-бейи, даруга и др. Будучи комендантом крепости, кала-бейи являлся и высшим полицейским лицом города, который отвечал за общегородской порядок.⁵⁶

Функцию базарных надзирателей исполняли даруги, которые следили за порядком в городе и на базаре, за ценами на продукты, охраняли лавки на базаре, разбирали различные споры и проступки.⁵⁷

Каждый из 4 кварталов Баку имел своего старосту - кендхуду,⁵⁸ в обязанности которого входило следить за порядком в квартале, участвовать в сборе налогов с городских жителей и т.д. Фактически, все названные чиновники помогали наibu во взимании различных податей, а также и в решении других хозяйственных вопросов. За свою службу они вознаграждались из собираемого в пользу Дивана налога или наделением незаселенными землями.⁵⁹ Как явствует из источника, «чиновники, наибы или ханские наместники... жалованья не получают, а довольствуются прописными доходами от деревень, ханом для того ими отведенным».⁶⁰

В Бакинском ханстве, как и в других ханствах Азербайджана, судебные дела разбирались в трех инстанциях - ливанском, шариатском и аснафском (цеховом) судах.⁶¹ Наиболее деятельным был шариатский суд - махкеме-и-шарийя. Здесь рассматривались дела уголовного характера, а также гражданские семейные, бракоразводные, наследственные и т.п.⁶²

Диванский суд, подчиненный только хану, собирался при крайней необходимости или при решении вопросов, касающихся наиболее опасных преступников. Аснафский суд, в котором власть принадлежала устабаши, не имел сколько-нибудь значительного влияния в ханстве, здесь рассматривались тяжбы и споры между ремесленниками, подмастерьями и учениками, жалобы населения на ремесленников и т.д. Нередко при разрешении важных вопросов в аснафском суде участвовали и аксакалы — старейшины цеховых организаций. Будучи недовольными решением вопроса, члены амкара имели право обращаться в шариатский суд.

Однако во всех названных судах, хотя дела разбирались от имени шариата, царили жестокий произвол и несправедливость. Над священными законами одерживали верх подкуп и взятки, что было доступно только имущим. С. Гмелин пишет: «До денег лакомый судья никогда справедливо не поступает. Это удивительно, как в Баку слух сносится, что никогда правосудие не получишь».⁶³ Все дела решались в пользу хана и феодалов, тогда как большая часть населения была лишена всех прав.

Иными словами, в Бакинском ханстве, как и в любом другом феодальном государстве, политическая власть находилась в руках феодалов, защищала их собственные права, главным образом, на землю, населенную крестьянами.

Таким образом, несмотря на малочисленность крупных земельных владений в бакинской области образование здесь самостоятельного государства с центром в Баку свидетельствует о том, что страдавшее от непосильных налогов местное население не хотело оставаться в стороне от происходивших процессов. И даже положение Мирза Мухаммеда как приближенного в армии Надир-шаха не смогло подавить его стремления к независимости от иранского господства и основания независимого ханства.

Безусловно, небольшая территория и немногочисленность населения Бакинского ханства исключали наличие здесь сложного и разветвленного административного аппарата. Тем не менее Бакинское ханство наравне с другими ханствами сложилось как феодальное государство во главе с ханом.

ГЛАВА II

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ

§1.ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

История почти всех ханств Азербайджана во II половине XVIII в., в том числе и Бакинского ханства, насыщена крупными политическими событиями междоусобной борьбой, дворцовыми переворотами, военными столкновениями с внешними врагами, что в конечном счете отрицательно отражалось на развитии экономики страны. И тем не менее источники позволяют говорить об обратном - относительном хозяйственном оживлении в этот период. Как известно, хозяйственному подъему Бакинского ханства во II половине XVIII в. способствовали его географическое положение, наличие местных ресурсов, богатый рынок. Кроме того, оно меньше других азербайджанских ханств было подвержено внешним нападениям. Особенное оживление в хозяйственной жизни наблюдалось в 70-х годах XVIII в., когда Бакинское ханство фактически входило в состав Северо-Восточного Азербайджана с центром сначала в Губе, а затем в Дербенте.

Бакинское ханство, не обладавшее плодородной землей, было щедро наделено полезными ископаемыми - нефтью и солью. Основные нефтяные источники Апшеронского полуострова сосредоточивались в селениях Балахана, Сурахана, Бинагада, а в пяти верстах к югу от Баку находилась небольшая, но производительная Биби-Эйбатская нефтяная площадь.

В последней четверти XVIII в. нефть была известна не только на континенте, но и на острове, расположенном недалеко от Апшерона. К.Габлиц называет этот остров Нефтяным.¹ По всей вероятности, это был остров Пир-Аллахи (Святой).²

В источниках имеются несколько разноречивые данные о нефтедобыче и количестве нефтяных колодцев.³ Сопоставив их, можно предположить, что к концу XVIII в. на Апшероне было свыше 100 колодцев с черной и 15- с белой нефтью. Эти цифры подтверждаются и сведениями из ведомости, составленной опять-таки после завоевания Бакинского ханства Россией в 20-х годах XIX в. Если учесть скудность фактического материала в Азербайджане по исследуемому периоду, данный документ приобретает особую важность. В нем конкретно указывается не только количество колодцев в Балахане (82), Сурахане (15 колодцев белой нефти), Бинагаде (5), Биби-Эйбате (17), но и погребов для хранения нефти. А в контракте с откупщиком Тарумовым, которому нефтяные колодцы не раз давались на откуп со стороны русских властей, отмечается, что в названном регионе имеется «всего больших, средних и малых - 105 колодцев (из которых 4 новые)» черной нефти и 15 колодцев белой нефти.⁴

Таким образом, учитывая тот факт, что царское правительство в первой трети XIX в. не внесло существенных изменений в управление Бакинского ханства, в его налоговую и откупную систему, хозяйственную жизнь, в том числе и в нефтяное дело, то наши данные в отношении числа нефтяных колодцев вполне могут соответствовать действительности.

М.И.Менделеев, глубоко изучивший состояние нефтяного дела на Апшероне, писал, что местные жители «...оставили несколько сот выкопанных колодцев, из которых они добывали бурдюками или кожаными мешками нефть и соленую воду. Колодцы были неглубокие...».⁵ Глубина колодцев доходила от 1 сажени 3 футов до 13 сажени 6 футов (то есть от 3 до 29 м.), иногда - до 20 сажени (42 м.). Они располагались неподалеку друг от друга на расстоянии от 0,5 до 3 верст (0,8-5 км.).⁶

Способ рытья нефтяных колодцев был примитивным: выкапывали яму до главного источника нефти в виде обращенного конуса и от дна поднимали стены из дерева или камня; диаметр колодца вверху составлял 2-3 фута (61 до 92 м.), а в основании гораздо больше, чтобы нефть в нем скорее скапливалась. Колодцы были как четырехугольными, так и круглыми.

На Апшероне в год добывали приблизительно 240000 пудов черной и около 8000 пудов белой нефти при ежедневной добыче приблизительно от 8 фунтов до 140 пудов.⁷

Добыча нефти отличалась простотой. За ночь колодцы наполнялись, а днем нефть вычерпывалась. Старались черпать нефть каждый день, чтобы дневная порция не уменьшалась. Нефть вычерпывали разными способами: из относительно глубоких колодцев кожаными мехами, вмещающими до 5 пудов, которые опускали на веревке посредством блока, а из мелких прост черпали бадьей или ведром.⁸

Вычерпываемая вместе с водой нефть сливалась в особые устроенные при колодцах ямы. После отстаивания нефть вычерпывалась ведрами или собиралась деревянными гребками в кожаные мешки-бурдюки, из которых разливалась в удобные для транспортировки большие меха — тулуки.⁹ Так как в ямах происходила утечка нефти, для хранения ее отвозили в специальные разного объема (от десятков до сотен пудов) погреба — амбары. В Баку под амбары место отводилось за городом, а в Балахане и Биби-Эйбате — поблизости от колодцев. За городом, у берега Каспийского моря было сооружено 12

амбаров-погребов, примерно, столько же — в Балахане и 4 — в Биби-Эйбате. Механизм изъятия нефти из погребов был прост. Нефть из этих погребов выходила через небольшие скважины, находившиеся в стенах. Погреба были разделены простенками на малые погреба, соединявшиеся между собой небольшими отверстиями.¹⁰

Из Балаханы нефть каждые 10 дней отвозили для продажи в Баку, а в Бинагаде и Биби-Эйбате ее чаще покупали на месте самой добычи.

В рассматриваемый период кожаные меха с нефтью доставляли на двухколесных повозках-арбах, каждая могла перевести до 20-25 пудов.¹¹ Более ценную белую нефть перевозили в двойных кожаных бурдюках или в бутылках. При отправке нефти в бурдюках в Россию или Иран судовщики, опасаясь пожара и для компенсации риска, требовали непомерно высокую плату или вовсе отказывались принять нефть на суда; дороговизна бутылей и их непрочность еще более повышали цену бутылочной нефти на месте продажи.¹²

Сведения о ценах на нефть в Бакинском ханстве в разных источниках различны. По одним, - батман¹³ черной нефти в Бакинском ханстве продавался по 5 коп., батман белой нефти - по 30 коп. или полтора аббаси; по другим, - халвар¹⁴ черной нефти продавался за 5-6 руб., халвар белой нефти стоил в три раза дороже;¹⁵ по третьим - за халвар черной нефти брали 10 коп. ханским серебром.¹⁶ Эти расхождения цифровых данных можно объяснить отсутствием единой системы единицы измерения. Тем не менее, и как явствует из документа за 1796г., вывоз нефти обходился очень дорого.¹⁷

Черная нефть, употреблявшаяся в качестве топлива вместо дров, и как средство освещения, а также в виде кира для покрытия крыш домов, пользовалась большим спросом и «для того ею великий торг отправлялся».¹⁸ Еще большее применение в быту находила белая нефть, отличавшаяся высоким качеством; она была более жидкой, способной улетучиваться, цвет и запах позволяли использовать ее не только для освещения и отопления, но и как лекарственное средство.¹⁹ Еще в 30-40-х годах XVIII в. И.Лерх писал: «Белая нефть несколько мутна, но по перегонке так светла делается как спирт и сия загорается так скоро, однако, удерживает, так как и простая, свои запах и черный дым».²⁰ Как видно, и в исследуемый период в Баку местное население путем перегонки нефти примитивным путем получало из нее керосин.²¹ Сведения И.Лерха о перегонке нефти в 30-40-х годах XVIII в. подтверждаются и С.Гмелиным, побывавшим здесь в 70-х годах XVIII в. А в рапорте пребывавшего в Баку в 1803 г. русского консула Скибиневского в Государственную Коллегию Иностранных дел отмечается, что при всей дороговизне дров местные жители в основном не употребляли нефть в качестве топлива при выпечке хлеба и варении пищи, а использовали вместо свеч как средство освещения.²²

Второй важной статьей доходов в Бакинском ханстве была соль, добывавшаяся в соляных озерах Масазыр, Зых, Кала, Балахана. Главными источниками соли здесь являлись озера Масазыр и Зых; добываемую соль вывозили и в другие ханства, особенно в Шемахинское, Шекинское, а также в Россию и Иран. Эти два озера ежегодно давали столько соли, что отпадала необходимость добывать ее в других озерах, которые к тому же были неудобны из-за отдаленности, малой производительности и низкого качества самой соли. Только из Масазырского озера добывали до 150 тыс. пудов первосортной соли.²³ При этом большое предпочтение отдавалось в близости Масазырского и Зыхского озер к Баку.

Почва Бакинское ханства была весьма пригодна для разведения ценнейшей сельскохозяйственной культуры - шафрана, который не требовал особого полива. В этой связи небезынтересно привести данные из архивного документа, где особо подчеркивается, что в Бакинском ханстве «произведение земли несколько значащее есть шафран».²⁴ Именно поэтому в ведомости 1816 года количество шафранных садов у бакинских жителей выделяется в отдельную графу наравне с другими видами хозяйства. Шафран возделывали почти во всех селениях ханства, за исключением некоторых селений в юго-восточной части Апшеронского полуострова, не имевших удобной земли. Во всем Бакинском ханстве по ведомости 1816 года имелось 1207,5 шафранных садов, разведением которых занимались не только сельские, но и городские жители. Правда, на их долю падала значительно меньшая часть.²⁵ В зависимости от урожая ежегодно здесь собирали от 100 до 400-500 пудов шафрана, стоимостью от 130 до 200 руб. за пуд.²⁶ Шафран имел различное назначение: использовался в красильном деле, как пряность, приправа, в качестве лекарства и дезинфицирующего средства. Вместе с тем следует отметить и такой любопытный факт, что в Бакинском ханстве наблюдалась и подделка шафрана, за что взимался штраф от 100 до 200 рублей, и дельцам такого рода занятий намазывали шафраном лицо и обрезали бороду.²⁷ Как было уже отмечено, почвенные условия Бакинское ханства препятствовали широкому развитию здесь хлебопашества. Это не раз подтверждалось в ряде архивных документов. Так, в одном из них об этом говорится: «Для хлебопашества в рассуждении грунта земли их (жителей - М.И.) не способное место».²⁸ В другом источнике, где наряду с тем, что жители Баку и его предместий занимались купечеством или «разными мастерствами», подчеркивалось также, что «хлебопашеством же занимаются весьма малое число».²⁹ Эта мысль

подтверждается и в сообщении русского консула Сулякова из Баку в Государственную Коллегию Иностранных дел, где, говоря о дороговизне, особо акцентируется внимание на том, что «[муки] каковой при здешнем месте персияня и на свое пропитание собственной в посев не имеют, а пользуются привозною из Дербента и Кубы».³⁰ Кстати, из-за отсутствия надлежащей оросительной системы и скудности осадков земледелие здесь в регионе не могло стать главным занятием жителей. Как писал Ф.Энгельс, присущее для стран Востока «первое условие земледелия - это искусственное орошение... Плодородие земли достигалось искусственным способом, и оно немедленно исчезало, когда оросительная система приходила в упадок».³¹ Однако, в северо-западной части Апшерона благодаря наличию каналов, прорытых через р.Сумгаит удавалось сеять пшеницу и ячмень (селения Сараи, Гюздск, Кобы и Гокмали).

Менее плодородной областью Апшеронского полуострова была ее восточная часть, где каменистая почва была главным препятствием для широкого развития хлебопашества. И, хотя крестьяне применяли трехпольную систему обработки земли (1-пшеница, 2-ячмень и хлопок, 3-оставляли дикой), но они очень часто страдали от неурожая. В неурожайные годы жители ханства обменивали белую нефть и соль¹ хлеб, в основном привозимую из Губинского и Талышского ханств.³² Самой же неплодородной считался юго-восточный район Апшерона, где располагалось 12 селений.

Почвенные и климатические условия Бакинского ханства способствовали возделыванию здесь хлопка. С.Гмелин отмечал, что «новосаждение хлопчатой бумаги» имелось в разных местах Апшерона.³³ Более всего хлопок выращивали в деревнях Маштага, Бильгя, Кала и Гоусан, где его посева в основном орошали искусственным путем - из колодцев. Иной раз урожай хлопка в Бакинском ханстве достигал 3000 пудов. Хлопок в основном использовался на внутренние нужды, небольшая часть его вывозилась. Из него выделяли небеленое полотно - бязь и «в сем же виде отправляли часть оной бумаги в Астраханский порт»,³⁴ а также в Губинское ханство.

Во II половине XVIII в. жители Бакинского ханства разводили марену, посева которой, как и хлопчатника, занимали небольшую территорию. В основном ее возделывали в некоторых селениях восточной части Апшеронского полуострова. Сбор ее корня, служившего красителем, ежегодно достигал 300 пудов.³⁵ Марену в основном отправляли в Россию.

Жители некоторых селений Бакинского ханства, особенно селения Бузовна, возделывали кальянный табак.

Бакинские ханы получали немалую выгоду «от выращиваемого в округе Баку... опийного мака» «хаш-хаш».

В Бакинском ханстве также занимались выращиванием пряного растения - зира (род аниса), большую часть которого вывозили в Россию.³⁶ Возделывание его в селении Зыря, по всей вероятности, и дало название самому селению. В небольшом количестве сеяли также кунджут, являвшийся влаголюбивым растением. Кунджутное масло очищали так, что оно не уступало ореховому. Большие посадки кунджута имелись около селения Маштага.

Землю возделывали примитивным способом, обрабатывали неглубоко, быками, волами и лошадьми, впряженными в хыш (соху).

Низкий уровень сельского хозяйства в Бакинском ханстве свидетельствовал о примитивности орудий производства, что было присуще феодальному способу производства на Востоке в целом.

Крестьяне страдали не столько от безземелья, сколько от безводья. В северной части ханства протекала единственная речушка Сумгаит, протяженностью на его территории чуть более 40 км.³⁷

Город Баку к концу XVIII в. снабжался пресной водой посредством трех кяхризов - водопроводов - Шахского, Мухаммед-Гулу-ханского и Гусейн-Гулу-ханского. Шахский водопровод, построенный еще в XV в., входил в крепость, примерно в районе нынешнего Института народного хозяйства и в основном обеспечивал нужды дворцового комплекса. Водопровод, проведенный Мухамед-Гулу-ханом и обслуживающий западную и южную часть города, брал свое начало в северо-западной части форштадта из двух родников, примерно, в районе нынешнего Шахидляр хиябаны. Третий водопровод, названный по имени последнего бакинского Гусейн-Гулу-хана, брал начало из двух родников в районе нынешней улицы Г.Гаджиева.³⁸

Недостаток воды на поверхности земли в некоторой степени компенсировался обилием колодцев и овданов на караванных дорогах. Внутри крепости Баку, а также в селениях Гоусан, Кала, Зыря, Маштага, Бузовна и некоторых других в каждом доме были колодцы, и крестьяне умело пользовались колодезной водой, орошая землю. Работа по проведению воды из колодцев длилась 3 месяца. Водой каждого колодца поливали 2-3% гектар земли.³⁹

Почва ханства позволяла жителям успешно заниматься виноградарством и садоводством. Почти во всех селениях (исключая Гюздск, Кобы, Гокмали) имелись виноградники и фруктовые сады. «...Жители находящиеся вокруг города Баки деревень, - говорится в архивном документе, имеют

достаточное количество садов, овощных огородов, снабжающих город древесными плодами и огородными овощами».⁴⁰ При этом следует отметить, что в селениях Маштага, Бузовна, Бильгя, Бинагада и других, где в грунте было больше песка, и вода лежала глубже, сады поливались три раза в течении лета, что, естественно, требовало очень большого труда.

Несмотря на то, что городское население в основном занималось различными видами ремесла и торговли, однако в отдельных бакинских дворах хорошо росли инжирные, тутовые, гранатовые и другие деревья. В этом отношении весьма большой интерес вызывают данные в ведомости 1816 года, где наряду с подробным перечислением количества жителей, домов в Бакинском ханстве указывается и число фруктовых садов. Так, если в городе (крепости и форштадте) насчитывалось 325 фруктовых садов, то в 37 селениях Бакинского ханства это число достигало до 1469.⁴¹ А по составленной в том же 1816 г. описи садам можно проследить за богатым ассортиментом фруктовых деревьев, таких как айвовые, сливовые, грушевые, алчевые и другие. Причем, особенно выделялись сады в селениях Маштага, Бильгя, Бузовна, Шувелян. Большим разнообразием и по количеству деревьев отличались ханские сады в Шувеляне и Маштаге.

Современник К.Габлиц отмечает, что жители вышеуказанных селений Бакинского ханства наряду с садоводством занимались отчасти и скотоводством.⁴² О развитии скотоводства свидетельствуют С.Гмелин, который видел здесь крестьян, «питавшихся скотоводством и хлебопашеством».⁴³ Отметим, что из-за непригодности земель к возделыванию и скудности пастбищ крестьяне почти не разводили крупного рогатого скота, хотя для перевозки тяжестей зачастую использовали буйволов и лошадей, завозимых из соседних ханств - Губы, Ширвана и Гарабаха. Поэтому население занималось в основном овцеводством. Как явствует из источников стада овец отгоняли на зиму к Сальяну, а на летнее время к зйлагам Шемахинского и Губинского ханств.⁴⁴

В окрестностях Баку в незначительном количестве держали верблюдов в селениях Гокмали, Хурдалан, Джорат, Мардакян, Маштага.⁴⁵

О развитии скотоводства в Бакинском ханстве ясно показывают цифры, приведенные в указанной ведомости 1816 года, согласно которой жители ханства имели 471 верблюд, 2529 лошадей, 5971 рогатый скот, 42460 овец.⁴⁶ Думается, что на долю городских жителей падало значительно меньше скота.

В селениях, расположенных на побережье Каспийского моря, жители успешно занимались рыболовством. Наряду с ценными породами рыб, далеко за пределами ханства большим спросом пользовалась черная икра. Жители прикаспийских селений занимались промыслом осетровых рыб только для получения высококачественного клея. Икра и клей вывозились в большом количестве в Астрахань,⁴⁷ а оттуда в российские города. Довольно значительным был тюлений промысел, которым занимались в основном на островах. За год убивали более 4 тыс. тюленей, жир и кожа которых в основном отправлялись в города России для использования в мыловаренном деле и для освещения.⁴⁸

Ремесло в Азербайджане занимало одно из доминирующих мест и в исследуемый период здесь господствовал кустарный способ производства. В Баку и в селениях Апшерона было сконцентрировано большое количество «...ремесленных мастеров разного рода», хотя в этом отношении Шеки и Шемаха опережали его. В это время были известны кузнечное, плотничное, красильное, лудильное, портняжное, башмачное, цирульное, шапошное шерстобитное, сапожное, штукатурное, слесарное, камнедробильное и многие другие виды ремесел. Наибольшего расцвета достигло ткачество, особенно ковроткачество. Бакинские ковры отличались своей технической и художественной обработкой. Коврами особенно славились селения Бюльбюля, Амираджан и Сурахана. Их жители ткали ковры, отличающиеся прочностью и яркостью красок. Были известны ковры Апшерона - «Новханы», «Горадилъ», «Кала», «Хилабута», «Хилаафшан», «Фатмаи».⁴⁹ Почти во всех селениях Апшерона ткали паласы и переметные сумы. Ежегодно в 200 домах Бакинского ханства выделяли до 600 ковров и паласов разной величины и качества. В селениях Хурдалан и Хаджи-Хасан изготавливали ковровые изделия, применяемые в быту, попоны, чувалы⁵⁰ и др.

Селения Апшерона являлись одновременно и сырьевой базой, снабжавшей ремесленников Баку необходимым сырьем. В частности из выращиваемого в близлежащих селениях и за пределами Баку хлопка выделяли бязь, незначительное количество грубого бумажного холста, а также пряжу для производства хлопчатобумажных тканей, известных под названием «бакинские кумачи».⁵¹

В свою очередь, развитие ремесел было связано с получением естественных красителей, для чего использовали не только марену и шафран, но и листья винограда, кожуру граната, различные цветы и растения.⁵² Эти красители применялись как для окраски тканей и нитей, так и различных кожаных изделий, поскольку в Баку также занимались выделкой кожи, производством обуви, ремней, пряжек, седел и др.

В Баку занимались также изготовлением разнообразных металлических изделий из олова, железа, слани, которые в основном получали из России.

В Баку имелся монетный двор - зарраб-хана.⁵³

Развито было ювелирное дело. Большую известность за пределами ханства имели изготавливаемые бакинскими мастерами женские золотые и серебряные украшения, браслеты, пояса с застежками, серьги и т.п.

Процветало гончарное производство, чему способствовало наличие в окрестностях Баку глины разных сортов горшечной, трубочной, красной и черной, из которой выделялись красивые курительные трубки, производились некоторые виды керамической посуды.⁵⁴

Получило развитие плотничное и деревообделочное ремесла. Так как Бакинское ханство испытывало дефицит в лесе, то необходимое сырье доставлялось из Талыша и Губы. Из дерева производили различные изделия для бытовых нужд. Во второй половине XVIII в. в городах Азербайджана, в том числе в Баку, ремесленники сосредоточивались в цехах - аснафах (амкарах),⁵⁵ объединявших представителей любой рода занятий. Наряду с амкарами кузнецов, портных, сапожников существовали амкары извозчиков, водовозов (тулухчи) и лиц, занимавшихся перевозкой нефти и соли. Объективную оценку сути ремесленных организаций на Востоке дает исследователь П.Шаншиев, который пишет: «Амкар обнимаег и промышленный, и ремесленный, и рабочий класс народа, которого груд обуславливает материальную жизнь общества; следовательно не только ремесла, а всякий труд, обуславливающий материальную жизнь общества, служит основанием амкара. Потому все, начиная с ремесленника, виноторговца, лабазника до тулухчи составляют и в Персии, и в Турции, и в Закавказье амкар».⁵⁶

Отметим, что хотя и аснафы обеспечивали материальную основу общества, но в целом не оказывали сколько-нибудь значительного влияния на жизнь страны.

В ремесленных мастерских количество работников зависело от характера ремесла, т.е. от технологического процесса работы. Так, кузнецу или меднику требовалось больше помощников, чем башмачнику или шапошнику. В то же время в связи с незначительным объемом ремесла не было необходимости расчленять производственный процесс, поэтому в большинстве мастерских работало не более трех человек.

Ремесленные мастерские размещались в дукаханлавках, стоявших на базарных площадях, в каравансараях или на определенных улицах, где шла оживленная торговля. До сих пор в Баку сохранились целые кварталы, напоминающие о наличии во II половине XVIII в. здесь ремесленных объединений. Так, в крепости Баку сохранился старинный квартал под названием Хаккакчилар (резчики по камню).⁵⁷ Названия улиц указывали на сосредоточение определенных ремесел, что было проявлением единства аснафств. Такой порядок позволял бакинским правителям осуществлять централизованный контроль за ремесленниками и торговцами в местах расселения. Позднее, когда генерал Ермолов дал предписание генералу фон Краббе от 15 ноября 1826 года переселить некоторых ремесленников за пределы города, так как их производство загрязняло воздух, они сохранили свое аснафство, о чем свидетельствуют названия улиц, существовавших до последних дней в форштадте Баку: Заргарпаланы (квартал ювелиров), Гассаббазары (ряд мясников) и т.д.⁵⁸

Многие ремесленники жили близ гавани. Их лавки сосредоточивались рядом с базаром, который находился в южной части города, у моря. Здесь же располагались каравансарай.

В Баку работали и ремесленники-единоличники - лудильщики медной посуды, точильщики, цирюльники и другие, которые ходили по дворам со своими инструментами и производили работу на месте. Отметим, в Баку в отличие от западноевропейских цехов отсутствовала цеховая монополия в связи со слабым развитием цеховой принудительности.

Азербайджанские ханства не имели своего морского флота. По мнению историка М.Х.Гейдарова, правда, применительно к XVII веку, основные причины отставания судостроения в прикаспийских странах заключались в социально-экономических и не в меньшей степени естественно исторических условиях отдаленности Азербайджана от больших морских путей.⁵⁹ Существенных изменений в судопроизводстве впоследствии также не наблюдалось. Даже расширившиеся торгово-экономические связи в изучаемый период не оказали существенного влияния на отстающую роль Азербайджана в передовом производственном опыте мирового судостроения. Но вместе с тем, говоря о развитии данной отрасли следует особо отметить, что среди всех азербайджанских ханств Бакинское ханство в этом отношении составляло исключение. Географическое положение и наличие удобного порта вызывали острую необходимость в развитии судостроительства. Баку был единственным центром судостроительства в Азербайджане, которое главным образом базировалось на привозном сырье, в частности из Губы и Талыша. Поэтому в основном строили небольшие суда - киржимы и сандалы. В связи с незначительной грузоподъемностью (от 50 до 100 человек), они были пригодны только для близкого плавания. Как свидетельствуют источники, большое число судов, принадлежавших бакинскому хану, несомненно, были одним из важнейших источников его доходов.⁶⁰ Именно на них осу-

ществлялась перевозка основных предметов собственной торговли Бакинского ханства нефти, соли и шафрана - в другие места. На дальние же расстояния использовали русские суда.

Киржимы и сандалы строили на небольшой судостроительной верфи в Баку.⁶¹ Так как в бакинской гавани стояли и русские суда,⁶² а из России получали судовые материалы, то, очевидно, что бакинские судостроители использовали опыт русских мастеров. Несмотря на наличие небольшой верфи, факты свидетельствуют о хорошо налаженной и организованной работе бакинских судостроителей. Неслучайно, что именно Мирза Мухаммед-хан - основатель Бакинского ханства ещё при Надир-шахе был назначен руководителем постройки судов в Лангеруте. Из донесения Мирза Мухаммед-хана русскому князю Голицыну, посольство которого прибыло в Иран, видно, что в Баку к строительству судов привлекали и английских специалистов, помогавших в это время во главе с англичанином Эльтоном в караблестроительстве Ирана. В частности, он докладывал, что в Баку «...уже готовы 2 фрегата и 4 меньших корабля, которые уже плавают; 4 больших и разные другие..., которым ведаёт один английский судостроитель, выписанный из Бендер-Абаса».⁶³

Безусловно, русское правительство, стремившееся занять доминирующее положение в прикаспийском регионе, ни в коей мере не желало допустить развития и расширения судопроизводства в Азербайджане и особенно в Баку. Ниже мы подробно осветили вопросы, связанные с позицией российского правительства в отношении выхода местных судов в море и прекращением их строительства. Вместе с тем следует отметить, что не только царское правительство, но и бакинские ханы, руководствуясь монопольным влиянием в судостроительном деле и стремясь стать единственным владельцем всех кораблей, запрещали частным лицам, купцам строить сандалы и киржимы.⁶⁴ Однако, ни это положение, не даже более дешёвая и выгодная перевозка местных товаров на русских судах не могли препятствовать развитию судостроения в Бакинском ханстве.

§ 2 СОЦИАЛЬНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ПОДАТНАЯ СИСТЕМА.

Социальную основу Бакинского ханства во второй половине XVIII в. составляли два общественных класса — феодалы и крестьяне. Феодалная знать, в свою очередь, включала два сословия — высшее во главе с ханом и духовенство. Внутренняя и внешняя политика бакинских ханов, обусловленная прежде всего непосредственными интересами крупного феодального землевладения, заключалась в защите власти и богатства от внутренних и внешних врагов, в увеличении земель, росте населения с целью получения высокой ренты. Бакинские ханы, являвшиеся наиболее крупными землевладельцами приобретали верность своих подчиненных путем предоставления им права иммунитета. Этим правом пользовались и лица, составлявшие особую социальную группу маафы,⁶⁵ которые были обязаны хану отбыванием военной службы. Это подтверждается и данными Гмелина, который во время путешествия по Апшерону в 1770 г. встретил в селении Сараи 100 человек военных во главе с юзбаши, они получали по 50 рублей жалованья в год, а юзбаши 200 рублей.⁶⁶

Во дворце бакинского хана постоянно служили кадумы (ветераны) в количестве 100 человек. Являясь личной гвардией хана, они как и маафы, были освобождены от всех податей и повинностей и получали от хана особое вознаграждение.⁶⁷

Маафы назначались по усмотрению хана из каждого селения в расчете «из трех возможных поселян один».⁶⁸ Маафское звание не переходило по наследству. Они были своего рода военными слугами во владениях хана и входили в общий состав войска, в котором по призыву ханов должны были участвовать «беки с своею прислугою и тем количеством подвластных, какое каждый из них был в состоянии вооружить».⁶⁹ По некоторым данным, в период правления Мелик Мухаммед-хана незначительное по территории Бакинское ханство имело постоянное войско не более чем в 500 человек.⁷⁰

Интересные данные по этому поводу содержатся в обнаруженной нами в архиве рукописи неизвестного автора, где указано, что в Баку в период последнего бакинского правителя Гусейн-Гулу-хана «жителей вооруженных не более 1500 человек», а в селениях Бакинского ханства «в самой крайности более 2000 человек собрать не могут».⁷¹

Следующую ступень феодальной иерархии после хана занимали беки, бывшие обычно его опорой, но при недовольстве они могли составить и оппозицию. Поэтому в большинстве случаев хан считался с беками и не обострял с ними отношений. Это хорошо видно из ответа Гусейн-Гулу-хана Бакинского консулу Скибиневскому, который в 1802 г. потребовал, чтобы русским купцам, ограбленным у бакинских берегов людьми некоторых влиятельных беков, возместили убытки. Боясь недовольства беков, бакинский хан ответил отказом.⁷² В материальном отношении беки не отличались богатством, что подтверждается архивным документом, в котором говорится, что «здесь беки были весьма небогаты».⁷³ Об имущественной стесненности беков свидетельствуют также данные документа «О

имении, оставшемся после бежавших из Баки беков...», датированного 19 октября 1806 года: у Умет Гулу бека был дом в Баку, лавка на базаре, сад в Шувеляне, 40 баранов; у Али бека - дом в Баку и один сад; у Мамедали - пшеницы девять четвертей, 3 сада, дом в Баку и в деревне, три ямы мякины, и т.д.⁷⁴

Звание бека носили ближайшие родственники хана, потомственные беки и лица, удостоенные этого звания ханом за особые услуги. Занимая высшие должности при дворе хана, беки получали за службу в виде вознаграждения часть доходов селения или целые селения, жители которых несли в пользу беков определенные повинности. Сами беки от податей и повинностей были освобождены. Они пользовались правом владения всяким имуществом - движимым и недвижимым и населенными имениями. Некоторые лица становились беками, получив от хана в управление населенные имения и селения на тиульных правах. Земли в таких случаях жаловались временно, но по усмотрению хана могли перейти по наследству.⁷⁵ За незначительное преступление хан мог отобрать пожалованные земли у беков. Лишенный своего имения и устраненный от двора и даже из ханства потомственный бек не утрачивал бекское звание. Лица же, не принадлежавшие по своему происхождению к высшему сословию, лишались одновременно бекского звания и земель, пожалованных им за службу (тиуля).⁷⁶

В последней четверти XVIII в. в Бакинском ханстве происходило обеднение беков, впоследствии утративших свой титул. Социальное положение беков особенно ухудшилось в период правления последнего бакинского Гусейн-Гулу-хана.⁷⁷ Неслучайно, что в архивном документе от 1843 года зафиксирован тот факт, что «многие семейства, отцы коих были при ханах беками, теперь давно смешались с простым народом и не одни и те же семейства пользовались сим званием при последнем хане и его предшественниках».⁷⁸

Духовное сословие, в свою очередь, разделялось на две категории — высшую и низшую. К первой принадлежали те, кто объединял духовную и светскую власть — шейх-уль-ислам и ахунды; ко второй — служители веры, не имевшие права вмешиваться в светские дела — муллы, сеиды и дервешы.

Знания муллы ограничивались чтением, письмом и толкованием Корана. Шейх-уль-ислам и ахунды должны были быть более образованными, знать тонкости толкования Корана и вести строгий образ жизни.

Духовенство также как и беки было освобождено от податей. Так, в выданных ханских талага шейхам селения Пиршаги «Ших Имам Али Ших Али Акпер оглы, Ших Имам Верди Ших Гаджи оглы и Ших Мамед Ших Верди оглы» указывается, что они никогда не платили никаких податей и не отбывали повинностей.⁷⁹ От податей были освобождены и нукеры, т.е. прислуга, которых ханы, беки и духовенство назначали по своему усмотрению.

Социальная картина имущественной прослойки населения хорошо прослеживается по данным ведомости 1810 года, где наглядно демонстрируются не только количество освобожденных от податей в Бакинском ханстве, но и их состав:

В городе Баку	В селениях
Беков - 25 домов, 98 душ м. пола	Беков - 42 дома, 132 душ м. пола
Мулл, сеидов и проч.	Мулл - 61 - » -, 144 - » -
духовенства - 87 - » -, 202 - » -	Сеидов - 98 - » -, 275 - » -
Нукеров - 15 - » -, 43 - » -	Нукеров - 105 - » -, 234 - » -

Как видим, освобожденных от податей в Бакинском ханстве было всего 1128 душ мужского пола (343 или более 15% в городе и 785 или около 15% в селениях),⁸⁰ что составляло 14,8% населения ханства. А это в свою очередь, говорит о том, что непродуцирующая прослойка населения была весьма значительной.

Бакинское ханство не обладало обширной территорией для ведения интенсивного сельского хозяйства, однако и здесь существовали присущие феодальному обществу на Востоке виды земельной собственности:

1. Дивани - государственные земли;

1. Халисе - земли удельные, принадлежавшие лично хану и членам правящей династии. Во II половине XVIII в. различия между государственными и собственными землями хана и членов его семьи исчезли и обе категории земель стали рассматриваться как одно целое. Хан мог пожаловать из этого фонда земельные участки (тиульные земли) по своему усмотрению;

2. Мюльк - земли, являвшиеся собственностью потомственных беков и передававшиеся по наследству;

3. Вакф - земли, принадлежавшие мечетям и различным религиозным учреждениям;

4. Джамаат торпаги - общинные земли.⁸¹

Во второй половине XVIII в. тиульные земли, которые хан жаловал на определенный срок или пожизненно, повторно переходя по наследству, превращались в своего рода мюльк. Стирание грани между тиулем и мюльком несколько усложняет их различение, ибо селение, данное в управление с особыми преимуществами и правами, через несколько поколений с утверждения хана превращалось в собственность наследников пожалованного лица. Так, прадеду Усеин-Али-бека Ханларова Даргях-хану⁸² селения Кобы, Гюздек, Гокмали, Хаджи-Хасан, Хурдалан, Баладжары были пожалованы по талаге, выданной еще Надир-шахом. В связи с этим предки Усеин-Али-бека Ханларова стали наследственными владельцами этих селений.⁸³

Переход в мюльк происходил не только путем пожалования земли ханом, но и при ее покупке или захвате общинной земли. Преемники маштагинского Гюль-Мамед-бека, управлявшего селением Маштага, пользовались общинными земельными угодьями нераздельно с сельчанами. Впоследствии они стали полновластными владельцами этих земель. Как явствует из архивного документа, «сия земля некогда была общественною, но предки Агмет Бека давно уже присвоили оную себе будучи беками в деревне Маштах (Маштага - М.И.)». ⁸⁴ К мюльковым владениям можно отнести также селения Бинагада и Гоусан, доставшиеся бекам по наследству с давних времен.⁸⁵

В отличие от мюлька тиули давались за службу во временное пользование. Как видно из приказа Фатали-хана Губинского от 1785 года, селение Нардаран было отдано в управление Ага Кериму, назначенному юзбаши этого селения, за его верную службу. Аналогично, по приказу Гусейн-Гулу-хана от 1803 года, селение Бильгя на правах тиуля было отдано Эйбат-беку. На тех же правах селением Кюркент управлял Аджи Керим-бек, Тюркан-Аджи Касим-бек, Шаган-Мамед-бек, Зыря-Асан-бек, Бюльбюля, Амираджан, Ахмедли, Кешла, Рамана Мешади Мамед-Гулу-бек, Магомед, Дига - Манаф-бек.⁸⁶ Селения Мардакян и Шаган были потомственными владениями отца Шахбазбека. Гусейн-Гулу-хан отнял у Шахбазбека селение Шаган и передал во временное управление Мамед-беку.⁸⁷

В Бакинском ханстве были факты, когда хан дарил бекам не все селение, а некоторую его часть. Так, Гусейн-Гулу-хан пожаловал бакинскому жителю Аскеру Али-беку во временное управление селения Фатмай, Новхана и Кюрдахана, а пастбищный кишлаг близ селения Новхана и хлебопахотные поля около селения Фатмай отдал ему же в потомственное владение.⁸⁸

Потомки Даргях-Гулу-хана потомственно владели селением Бузовна и имели восьмую часть ханского дома в крепости.⁸⁹

Как было отмечено ранее, в Бакинском ханстве во II половине XVIII в. тиули нередко передавались по наследству, если хан признавал достойными их обладателей, но каждый раз новый обладатель тиуля должен был получить возобновленное подтверждение ханского пожалования. Таким образом, право потомственного и даже пожизненного владения землей, отданной во временное управление, зависело только от хана. Хотя право наследства определялось на шариатской основе, но последнее слово оставалось за ханом.

Согласно ведомости о селениях Бакинського ханства за 1832 год, селение Бузовна перешло в управление Алиярбеку от его предков, «коим сие селение поручено было от бывших бакинских ханов, неизвестно с какою времени». На таких же правах Мешади Мамед-Гулу-беку досталось от предков управление селением Бюльбюля. Шаган был в управлении рода Мамед-бека, Сарай-рода Эскендер-бека, Бильгя-рода Эйбат-бека Солтанова.⁹⁰

Вакфные земли принадлежали мечетям, пирам и различным религиозным учреждениям. В Бакинском ханстве крупнейшим вакфом являлась «священная гробница - Биби-Эйбат», который был подарен главным распорядителем Шейх Буньядом своим наследникам с тем, чтобы они «...пользовались одною половиною доходами того имения, а другая же половина была употреблена на Биби-Эйбатский Монастырь». ⁹¹ Кроме того, Биби-Эйбатская мечеть владела кишлагами, хлебопахотными местами и тремя нефтяными колодцами, а также к ней причислялось селение Ших (Шихово). Владения этого вакфа находились на особом положении, пользовались всевозможными льготами и имели налоговый иммунитет.⁹²

Как известно, Фатали-хан Губинский был захоронен в марте 1789 года в Баку, около Биби-Эйбатской мечети. Сын его Ахмед-хан назначил биби-эйбатского Шейх - Алескера мутаваллием (служителем) гробницы отца. Как явствует из фирмана Ахмед-хана от февраля 1790 года, за эту службу Шейх Алескер как «мутавалли знатной могилы» был объявлен неприкосновенным.⁹³

Иногда ханы за особые заслуги отдавали духовным лицам нефтяные колодцы, подобно тому, как отдавалось тиульное право на земли. Согласно указу Мирза Мухаммед-хана II в 1787 г. нефтяной ключ Бахчи, расположенный юго-западнее Баку, был пожалован отцу ахунда Молла Наджаф-Али ахунду Хаджи Багыру.⁹⁴

Наличие земельной собственности в руках феодалов являлось экономической основой для угнетения феодально-зависимых крестьян, составлявших класс непосредственных производителей

материальных благ. В Бакинском ханстве, как и в прочих ханствах Азербайджана, крестьянство не представляло собой однородной массы. Основное податное население составляли райяты, которые, хотя и были обязаны платить подати и отрабатывать повинности для феодалов, юридически считались лично свободными. Владельцы земель не имели права ни убивать их, ни продавать, а после смерти их владельцев, как констатируется в архивном документе, «крестьяне переходят к наследникам их вместе с деревнями и землями.»⁹⁵ Следует отметить, что целый ряд архивных документов вновь подтверждает общеизвестный тезис о том, что в Азербайджане не существовало крепостного права в классической форме и крестьяне находились лишь в распоряжении владельцев земли. В ранее приведенной ведомости 1810 года наглядно иллюстрируется удельный вес производительного слоя населения в Бакинском ханстве. Естественно, что в самом городе Баку жило небольшое число крестьян (277 душ муж. пола или более 12%), в то время как в селениях они составляли большинство (4602 душ муж. пола или 85%).⁹⁶ В целом, крестьяне составляли 64%, т.е. 0,6 части населения⁹⁷ и являлись основной производительной силой в Бакинском ханстве. С райятов взимались одни и те же подати в пользу хана или владельца селения, или обеих вместе. Поэтому положение владельцев мюльков и тиулей различалось в первую очередь условностью или безусловностью их владельческих прав, а также размерами доли определенного для них ренты-налога.

Тиульдары в основном не вели собственного хозяйства, довольствуясь взиманием с поданных - райятов - продуктовой, а отчасти и денежной ренты, и при этом не вмешиваясь в процесс производства в крестьянском хозяйстве. Пожалованное ханом должно было «приносить владельцу доход и отнюдь не переставало считаться находящимся в распоряжении хана».⁹⁸ А поскольку во II половине Р*1 в. как сам тиуль, так и должность тиульдара становились наследственной, то последний был заинтересован в увеличении доходов с селения. Как видно из приказа Фаталихана Губинского от 1785 года, если раньше райяты селения Бильгя платили подати и отбывали повинности как в пользу бека-тиульдара, так и в пользу Дивана, то впоследствии, когда селение было отдано за службу Аджи Зейнал беку, они освободились от «диванных тягостей, как как оные ныне обращаются на пользу почтенного Аджи Зейнал бека и ежегодно обязаны поставлять ему...», за исключением обязанности выставлять войска по требованию Дивана.⁹⁹ На этом же основании в период правления Гусейн-Гулу-хана названное селение перешло в управление Эйбат-бека. В его приказе от 1803 года указывалось, что податное население этого селения освобождалось и от выплаты разных годовых податей в пользу ханской казны «с тем, чтобы обратить оные в пользу Эйбат-бека».¹⁰⁰ На таких же условиях в 1791 г. селение Шаган было отдано Гусейн-Гулу-ханом в управление за службу Мамед-беку, а селение Зыря-Мамед Ашурбеку Селим-ханову.¹⁰¹

Беки являлись управляющими находившегося в их ведении податного населения. В соответствии с этим в ханских грамотах указывались только названия селений с отметкой обязательных в пользу беков повинностей. В Бакинском ханстве беки не имели собственных крестьян халисе, которыми становились выходцы и беглецы из других ханств при переселении их беками на собственную землю. Отсутствие же последней лишало этого права у беков в Бакинском ханстве.¹⁰²

Другой категорией крестьян были ранджбары. Развитие института ранджбарства в Азербайджане во II половине XVIII в. широко отражено в трудах И.П.Петрушевского.¹⁰³ Что же касается ранджбаров Бакинского ханства то, исходя из скудных архивных данных, мы можем констатировать, что здесь ранджабары владели не только ханы, но и «простой поселянин, всякий имел на это право, лишь бы на то была милость ханская». Ранджбары имели маафы, кендхуды, светские и духовные землевладельцы и др. Каждый из находившихся неотлучно при хане кадемов-телохранителей имел от трех до пяти семейств ранджбаров, которые обязаны были работать на него, «но за то освобожденных впрочем от всех других повинностей».¹⁰⁴

Следует отметить, что некоторая часть райятов, главным образом из-за захвата феодалами общинных земель, лишалась своих надельных участков и вынуждена была работать на феодалов в качестве издольщиков, тем самым пополняя ряды ранджбаров - наиболее эксплуатируемого феодалами слоя крестьянства.

Податное население Бакинского ханства - райяты облагались различными податями и отбывали ряд повинностей. Во второй половине XVIII в. в ханствах Азербайджана наиболее распространенным видом подати был малджахат, составлявший $\frac{1}{10}$ часть урожая. Однако в источниках и архивных документах нам пока не удалось обнаружить данные о наличии малджахата в Бакинском ханстве. Более того, среди архивных документов мы выявили даже такое утверждение, что райяты в Бакинском ханстве вообще «никакой подати не платили».¹⁰⁵ По этому поводу в одном из архивных документов говорится: «Бакинская провинция без обременения не может вносить подать (с урожая зерновых культур - М.И.), потому, что земледелие в оной не обширно».¹⁰⁶ На это же указывает и другой архивный документ, свидетельствующий, что недостаток земли в Бакинском ханстве «не позволяет развить эту полезнейшую

отрасль народного богатства (хлебопашество М.И.)».¹⁰⁷ В следующем источнике подчеркивается, что хлебопашество в Бакинском ханстве было настолько бедно, что при лучшем урожае жители довольствовались своим хлебом 4 месяца, а в остальное время покупали его в Губинском и Тальшском ханствах.¹⁰⁸

Это подтверждается и ведомостях о состоянии Бакинского ханства, составленных русскими чиновниками в 1810 и 1813 гг., в которых подчеркивается, что из-за каменистой, песчаной и солончаковой почвы жители испытывают острый недостаток в благоприятной для хлебопашества земле и поэтому хороший урожай зерновых не зависел даже от упорного труда крестьян и не удовлетворял потребности местных жителей в хлебе, в связи с чем его привозили из Шемахинского и Губинского ханств. Более того, составитель ведомости 1810 года, генерал-лейтенант Репин указывает, что отсутствие также в ханстве лесов, рек, пастбищных мест, усугубляет положение крестьян, которые «живут в самом бедном состоянии».¹⁰⁹

Эти убедительные данные дают основание полагать, что в Бакинском ханстве, где хлебопашество занимало далеко не ведущее место в экономике, подать под названием малджахат с населения не взималась. Однако, следует констатировать тот факт, что вместо подати малджахат крестьяне твердо отбывали повинность – бигяр, работая по три дня в году в хозяйстве бека. Как явствует из архивных материалов, в селении Бюльбюля, принадлежавшем Мешади Мамед-Гулу беку, «каждое семейство жителей работало для него в течении года три дня, производя хлебопашество для него, уборку с поля хлеба и обработку онога»¹¹⁰ В другом архивном документе также говорится, что крестьяне не платили никаких податей хану, «...а единственно служили своему Беку», причем бедные семьи выставляли по одному человеку, а зажиточные - по человеку с арбой.¹¹¹

Следует отметить, что в ведомости, составленной подполковником Ртищевым в 1813 г., т.е. после завоевания Бакинского ханства Россией (1806 г.) указывается, что селения управлялись беками на тех же правах, что и при ханском владычестве и указанная выше повинность оставалась в силе.¹¹²

В Бакинском ханстве существовала также повинность - авариз, заключающаяся в постройке домов для феодалов, общественных сооружений, ремонте крепостных стен и т.п.

Хотя, в Бакинском ханстве отсутствовал малджахат, тем не менее источники указывают на наличие здесь ряда натуральных и денежных рент. Из натуральных следует назвать подать байрамлык, состоявшую в преподнесении подарков различных шелковых или шерстяных изделий, ягнят или баранов, кур, яиц и т.п. Причем подарки брали не только в праздничные дни.

В случае посещения хана владельцами соседних ханств или других высоких гостей крестьяне обязаны были доставить в крепость, в ханский дворец все необходимое продовольствие.

Известны случаи, когда крестьяне платили своему беку с каждой пары быков в упряге по 25 батманов ячменя,¹¹³ но это не имело повсеместного распространения. Подтверждение мы вновь находим в архивном документе, где фиксируется, что в Бакинском ханстве «поселяне произведениями ничего не платили Бегам, а обязаны были определенными работами».¹¹⁴ Вместе с тем архивные документы свидетельствуют о выплате подушной подати населением Бакинского ханства. Крестьяне платили хану деньгами от каждого семейства от 5 до 3 миналтур в год.¹¹⁵ Согласно архивному документу от 1796 года, Бакинский хан получал с крестьян «с женатого по 1 рублю, с холостого по 50 копеек».¹¹⁶ Однако размеры этой подати были не устойчивы. Так, в начале XIX в. эту подать платили: «С души дома достаточного по 3 р., посредственного по 2 р., а бедного по 1 р.»¹¹⁷

Крестьяне также вносили подать в пользу духовенства. Сеидам они отдавали хумс пятую часть своих доходов, а муллам - закят, т.е., 15-ю часть.¹¹⁸

Подати взимались обычно осенью и весной, а иногда во все времена года.

Ханская администрация также содержалась за счет населения, которое было обложено особым сбором - куллух-пулу (послужная деньга) служившим для вознаграждения служителей хана. В селениях Бакинского ханства в пользу назначаемого беком надсмотрщика за работами и сбором податей и повинностей взимался даругалык, состоявший из 5 батманов пшеницы и 5 батманов ячменя от каждой сохи. На гонцов и рассыльных взимали дырнахлык (копытные в размере 25 коп. с сохи).¹¹⁹

Крестьяне, жившие в селениях вблизи нефтяных колодцев, определенной подати в пользу хана не платили, а обязаны были бесплатно работать на хана по добычи нефти, получая за это мизерную долю нефти.¹²⁰ При господстве натурального хозяйства это имело большое значение, так как они могли обменять её на другие товары или продать.

Большинство нефтяных колодцев Апшерона составляло собственность хана. Как подчеркивал Гмелин: «За пятнадцати - фунтовый батман оной (черной нефти - М.И.) платился по 5 копеек, а доходы от нефти, также как и от соли, которой пуд продается по 754 копеек, идут на хана...». Годовые доходы бакинского хана от продажи нефти доходили до 40 тысяч, иногда до 50 тысяч рублей.¹²¹

Все работы при нефтяных колодцах выполнялись крестьянами близлежащих селений: Балахана, Бинагада и Биби-Эйбат. Эти крестьяне имели и свое приусадебное хозяйство. Хотя юридически в Азербайджане отсутствовало крепостное право, но феодалы обращались с податным сословием как с крепостными крестьянами. Так, в Бакинском ханстве были случаи когда за отказ работать на дне колодца крестьянина жестоко наказывали.¹²²

Со всех жителей города, в том числе с ремесленников, также взимались определенные подати, но обязательной податью для всех горожан в Баку была подымная подать - отаг-харджи.¹²³ Кроме податей, связанных с ремеслом и профессией, все горожане обязаны были преподносить хану байрамльгк (праздничную подать), той-харджи и той-пулу (свадебную подать).¹²⁴ Той-харджи вносилась по случаю свадебного торжества в ханском дворце, той-пулу - в случае свадьбы в собственном доме.

Данные ведомости 1810 года раскрывают социальную структуру города,¹²⁵ и в группе, платящих пода гей, показывают не только ремесленников - «разных мастеровых, как-то портных, сапожников, кузнецов, плотников и тому подобных» (409 душ мужского пола), «промышляющих киржими и лодками» (45 душ мужского пола), но и «промышляющие в пригороде черною работою» (322 душ мужского пола и около 14%);

купцы (395 или около 18%), (и мелочные торговцы, в том числе «торгующие разными крестьянскими мелочами» 366). Всего 761 или около 34%,

«хлебопашцы» (277), «извозчики» (78). Всего 365 или около 16%.¹²⁶

Таким образом, несмотря на то, что часть городского населения все ещё продолжало заниматься сельским хозяйством, тем не менее около 50% его составляли ремесленники и купцы, и наличие большого количества грузчиков и чернорабочих свидетельствовало о торговом и портовом значении Баку. В этой связи большую ценность для нас представляет ведомость «О доходах города Баки Ханом получаемых, представленной подполковником Булгаковым графу Гудовичу, от 22 октября 1806 года». Согласно данной ведомости, раскрывающей прибыльные статьи ханства, доходы бакинского хана составляли в год 116800 руб. ханскими деньгами, или 81760 русских рублей.¹²⁷

Нефти каждый день выходит 40 халваров: цена халвару - 5 руб. 50 коп., всего в день - 220 рублей, исключая за плату рабочим с каждого халвара -	73000 ;
50 коп.; приходит в год -	
От соли в деревнях Масазыр и Зых в год -	10000 ;
Белая нефть в год -	1000;
Пошлина с товаров в год -	10000 ;
Красильщики в год -	1000;
От нефти Астана называемой в год -	300;
С мясников с барана по 20 коп. в год -	1000;
Сверх того мясники города в год платили -	500;
Острова тюленьи: Пир Аллахи, Рунах и Шенкурузе -	10000 ;
Монетный двор в год -	10000 ;
Итого -	116800. 0.

Примечательно, что сам Гудович, ознакомившись с этой ведомостью, был удивлен тому, что столь незначительное по территории Бакинское ханство приносило такие большие доходы, правда, получаемые в основном от продажи нефти. Но вместе с тем, учитывая, что город Баку «довольно многолюден и имеет на Каспийском море лучшую гавань»,¹²⁸ он был убежден в том, что эти доходы были намного выше отмеченного. Подтверждение сказанному мы находим в указанных нами ведомостях 1810 и 1813 гг., где отмечены и такие статьи ханских доходов как красильни в крепости и селениях, ханские лавки, ханский каравансарай в крепости, базарный сбор (или сбор с торговли), таможенный сбор, ловля рыб.¹²⁹ А в названной ранее рукописи неизвестного автора доходы, получаемые Гусейн-Гулу-ханом составляли 500 тыс. руб., из них доходы от торговли - не менее 100 тыс.¹³⁰

Бакинский хан получал большие доходы и от виноградных и фруктовых садов в селениях Бильгя, Бузовна, Маштага, Шувелян, причем последние два, как было отмечено ранее, отличались большим разнообразием деревьев.¹³¹ Немаловажное значение имела и подушная подать, которая

охватывала всех членов семьи независимо от возраста. По данным 1806 года, размер этой подати составлял 3621 руб. и 1675 пудов ячменя в год.¹³² Как явствует из ведомостей 1810 и 1813 гг., с жителей Баку и окрестных селений взималась подушная подать в 7201 руб.¹³³ Сопоставление разноречивых данных позволяет нам прийти к такому выводу, что, учитывая тот факт, что в названных ведомостях, составленных генерал-лейтенантом Репиным и подполковником Ртищевым, представлен более подробный отчет о количестве жителей, домов, доходах в Бакинском ханстве, то и цифровые сведения в них о доходах бакинских ханов более достоверные, чем в предыдущей ведомости 1806 года.

Кроме многочисленных податей городское население Бакинского ханства должно было выполнять ряд тяжелых повинностей: принимать участие в восстановлении крепостных стен, в постройке зданий общественного характера, сооружении кяхризов и т.п. Все это в конечном итоге ложилось тяжелым бременем на плечи городского населения.

В Бакинском ханстве большое развитие получила откупная система, основными статьями которой были: 1) добыча и продажа черной нефти; 2) добыча и продажа соли; 3) красильни; 4) убой скота; 5) ханские лавки; 6) каравансарай; 7) городские весы; 8) рыбная ловля; 9) тюлений промысел; 10) виноградные и фруктовые сады; 11) монетный двор.¹³⁴ Получая временное право на сбор налогов, откупщики бесчеловечно обирали население, стараясь в многократных размерах возратить уплаченные ханам деньги. При этом откупщик имел неограниченные права и льготы. Например, в красильном деле, согласно ханскому закону, никому кроме откупщика не разрешалось производить окрашивание твердо установленными красками. Или никто кроме откупщика не имел права заниматься продажей вина.¹³⁵

Особенно прибыльным было нефтяное дело. Колодцы черной нефти отдавались ханом на откуп за крупную сумму денег,¹³⁶ в связи с чем никто кроме откупщика не имел права «ни тайно, ни явно» продавать нефть в Баку. Сам же откупщик, в свою очередь, при вывозе нефти не платил хану никакой пошлыны, за исключением малой суммы рахтари, то есть заставных денег. Примечательно, что от выплаты пошлыны освобождались и скупщики откупной нефти.¹³⁷ Вместе с тем инициатива в деле устройства нефтяных колодцев исходила только от самих ханов, поручавших бекам и богатым людям благоустройство этих колодцев за свой счет. При такой системе расходы на строительство нефтяных колодцев были минимальные, что, в свою очередь, было одной из основных причин плохого их устройства.

Откуп обычно отдавался сроком на 4 года, поэтому откупщикам было невыгодно затрачивать на нефтяное дело большие деньги. А чтобы оправдать расходы и получить добавочную прибыль, откупщики усиливали эксплуатацию работников. Ведь без постоянной очистки нефтяных колодцев, надлежащего содержания погребов для сохранения нефти они лишились бы этого важного источника их прибыли.

Реализация нефти осуществлялась через доверенные лица откупщика, которые продавали нефть при балаханских колодцах. В других местах специфика была такова, что одни и те же доверенные люди были заняты продажей нефти и в Биби-Эйбате, и в крепости Баку. Кстати, за продажу нефти им ничего не платили, но за выполнение работ по перевозке нефти назначалась твердо установленная плата. За каждую арбу при перевозке нефти в погреб платили 80 коп., а в крепость Баку - по 1 руб. 60 коп. ханскими деньгами.¹³⁸

Перевозкой нефти занимались крестьяне близлежащих к нефтяным колодцам селений Балахана, Бинагада и Биби-Эйбат. За каждый проданный выюк нефти брали 20 коп. ханским серебром, а в крепости Баку, куда доставляли нефть из Балаханы, Сураханы, Бинагады и др., за каждый халвар брали 10 коп. ханским серебром. Крестьяне были заинтересованы в перевозке нефти в крепость Баку, поскольку не платили никаких других податей. Откупщик не имел права использовать этих крестьян для перевозки «других каких-либо тяжестей», особенно за пределы города Баку, за исключением добровольной сделки.¹³⁹

Очень интересные данные о выгодности откупной системы, о правах доверенных лиц-надзирателей встречаются в ряде источников. Так, по свидетельству Гмелина, колодцы с белой нефтью, закрытые камнями, запечатывали комом глины с вырезанным на нем именем бакинского хана «и по сему никто нефти брать не может, сели поставленный над нею от Хана надзиратель не распечатает колодца».¹⁴⁰

После завоевания Бакинского ханства Россией один из военачальников на Кавказе¹⁴¹ в письме к Александру I (1801-1825) от 30 июля 1813 года писал: «Нефтяные колодцы являются основным источником дохода в Бакинской провинции. Из данных на откуп колодцев ханы всегда извлекали большую пользу... Поэтому было бы полезно на основе прежних ханских прав давать колодцы на откуп».¹⁴²

Вместе с нефтяными колодцами ханы отдавали на откуп и соляные озера. При этом при сопоставлении бакинской и сальянской соли в первоисточнике предпочтение отдавалось бакинской,

которая отличалась высоким качеством и была особенно хороша при употреблении в пищу, тогда как сальянскую больше использовали для соления рыбы. Кроме того, сальянскую соль не сдавали на откуп, в то время как в Бакинском ханстве только откупщик имел право на продажу сода.¹⁴³ Крестьяне только мужского пола, добывавшие соль на озерах бесплатно, так же были освобождены от других повинностей. От этой работы были освобождены и лица, обязанные доставлять нефть в бакинские амбары.¹⁴⁴ Кстати, в 1830 г. при царском правлении они были уже обложены денежной податью в 200 руб. серебром в год, что легло тяжелым бременем на их плечи.¹⁴⁵

Откупщик отпускал бесплатно крестьянам столько соли, сколько было необходимо для потребления. Масазырская и зыхская соль продавалась на месте добычи и в крепости Баку. За каждый выюк проданной соли брали 20 коп. ханским серебром, а крестьянин, продававший на морском берегу зыхскую сода, получал от откупщика за халвар 10 коп. ханским серебром. За перевозку арбы соли в Баку откупщик платил по 15 коп. ханским серебром.¹⁴⁶ Как явствует из источников, цены на соль в 80-х годах XVIII в. в Баку резко возросли. По указу бакинского хана цена ее продажи увеличилась до 4-х рублей за халвар,¹⁴⁷ что отрицательно отразилось на ее реализации. Русским купцам стало невыгодно приобретать бакинскую соль по такой цене. Добычей соли были заняты крестьяне почти всех селений кроме Балахана.

Относительно отдачи скотобойной статьи на откуп мы располагаем отрывочными и более поздними сведениями. Этот откуп предоставлялся также на 4 года. Никто не имел право резать скот без оповещения откупщика, и убой скота должен был производиться только в Баку.¹⁴⁸

Доходным являлся и откуп тюленьих промыслов на островах в Каспийском море, отданных Гусейн-Гулу-ханом в 1802 г. астраханскому жителю Андрею Григорьеву на 13 лет, от него он был передан коломенским купцам Шапошниковым на 14 лет за 30000 рублей. Первоначально же, как следует из письменного разъяснения Гусейн-Гулу-хана Бакинского, данного Андрею Григорьеву, тюленьи острова были отданы родственнику Григорьева Никите Калустову на 12 лет. Отдав их на откуп Григорьеву, Гусейн-Гулу-хан получил от него без указания цифры сумму «за лов и битье тюленя и протчего на тех островах».¹⁴⁹

Почти все составляющие рахтарную статью (таможенный сбор) отдавались на откупное содержание. Как подчеркивается в архивном документе, несмотря на то, что рахтарные сборы «наиболее стесняли внутреннюю промышленность, уничтожение их сопряжено было с затруднением, потому что они в соединении со многими другими статьями составляли один из значительнейших источников дохода».¹⁵⁰

Рахтарная статья получила настолько широкое распространение, что постепенно всякий сбор механически стал называться рахтарным. Это подтверждается и данными документа начала XIX в., где под термином «рахдар» подразумевалась вся совокупность существовавших в ханский период налогов. «Откупщику, - говорится в нем, - на основании прежних ханских прав, дозволяется пользоваться разными сборами, известными под именем рахдара, которые освобождают только жизнь и смерть, но существование человека, пища, питье, одежда, всякая торговля, промышленность, рукоделие, земледелие, шелководство и все без изъятия заведения, изобретения и труды обречены рахдарным поборам, даже земные и лесные плоды, камыши и всякие мелочи поди вергаются рахдару».¹⁵¹

§3. ТОРГОВЛЯ

Как следует из архивных и нарративных источников, наблюдаемый в исследуемый период некоторый хозяйственный подъем в Бакинском ханстве в равной мере распространялся и на торговлю, которая велась двумя путями - сухопутно и морем. По караванным путям сюда привозили товары из Гянджи, Шеки, Шемахи, Губы, Сальяна, Тебриза и других городов Азербайджана, а отсюда отвозили их в самые отдаленные области Южного Кавказа и Ирана.

Удобные сухопутные торговые пути соединяли Баку также с Россией, Тифлисом, Ереваном и остальными городами Южного Кавказа. Кроме того, проживавшие в Баку русские, грузинские и армянские купцы вели активную торговлю как с азербайджанскими городами, так и с Россией, и с другими странами.¹⁵² Как было отмечено, особое значение в азербайджано-русской торговле имел шелк-сырец. В Россию азербайджанский шелк вывозился в основном через Баку, куда он поступал из Шекинского, Шемахинского и других ханств, связанных с Баку сухопутными дорогами. Если Баку с Шеки, Шемахой, Гянджой соединяли сухопутные пути, то между Баку и Сальяном шла не только оживленная сухопутная торговля, но и торговля по водному пути на киржимах.

Доказательством обширной караванной торговли могут служить остатки большого количества каравансараев и овданов на территории Бакинского ханства. Интересные сведения о каравансараях этого периода встречаются у путешественников М.Чулкова,¹⁵³ А.Арапатского,¹⁵⁴ С.Гмслина,¹⁵⁵ историка-

кавказоведа П.Г.Бугкова¹⁵⁶ и др. Каравансарай представляли интерес и тем, что здесь наряду с торговыми операциями осуществлялись разного рода сделки купцов: понижение и повышение цен на товары и т.п. В бакинской крепости и по сей день сохранились каравансарай, носившие название стран, откуда приезжали купцы: индийский Мултани, бухарский, лезгинский, армянский и другие. Так как в Баку был большой наплыв русских купцов, им в тесной бакинской крепости была отведена целая улица. Не случайно две улицы в крепости до сих пор сохранили название Большая Тверская и Малая Тверская.¹⁵⁷

Водный торговый путь в отличие от караванного был более выгодным и дешевым. Известно, что феодальные междоусобицы, многочисленные таможенные пошлины, грабежи и разбои препятствовали ведению спокойной сухопутной торговли и не раз были причиной периодического закрытия указанных путей. И хотя эти караванные дороги продолжали играть важную роль в торгово-экономических взаимоотношениях Бакинского ханства, бакинцы и приезжие купцы отдавали предпочтение морской перевозке товаров. Бакинская гавань, «составлявшая золотое дно для города была лучшей по своей безопасности и другим выгодам» на всем западном побережье Каспийского моря и не имела здесь себе равной. Доступная в любое время года, обширная и глубокая, она давала возможность помещаться здесь большому количеству судов. Именно преимущество данного порта позволяли многим утверждать, что «Баку есть как бы самую природою указанный исходный пункт для морского сообщения чрез Каспийское море».¹⁵⁸

Начиная с середины XVIII в. в связи с развитием русской морской техники, расширением русско-восточной торговли и активизацией русской флотилии в Каспийском море заметно возросла роль Баку, и в области транзитной торговли этот город занял одно из первых мест. Как справедливо отмечается в источнике, «главнейшая Российская в Персии торговля производится в городе Баке...». Перспективные прогнозы о развитии Баку даются в другом источнике: «...в каком бы положении морская каспийская торговля ни находилась, центром ее будет всегда Баку».¹⁵⁹

Как известно, в торгово-экономических связях России с Азербайджаном и, в частности, с Бакинским ханством важную роль играла Астрахань, находившаяся на пересечении двух торговых путей. Это был необходимый узловой центр, посредством которого Бакинское ханство могло бы торговать с другими странами и городами как Востока, так и России. Несмотря на то, что астраханский порт замерзал в зимнее время, а сухопутная дорога, проходившая через Кизляр и соединявшая Астрахань с Баку и другими городами Азербайджана, действовала постоянно, купцы отдавали предпочтение морскому пути. Проходя по более дешевому, безопасному и выгодному волжско-каспийскому пути из Астрахани морские корабли доставляли в Баку за короткое время огромное количество разнообразных товаров.

Одним из центров русско-азербайджанской торговли в исследуемый период являлся Дербент, который по описанию русского консула М.Скибинева, вел широкую торговлю с Бакинским ханством. При этом консул справедливо отмечал, что из-за наличия наилучшей гавани торговля в Баку была более обширной, чем в Дербенте. Это и естественно. Бакинский порт был более удобным и безопасным местом для стоянки судов, чем дербентский, где мелководье и подводные камни мешали быстрой и спокойной нагрузке и выгрузке товаров. Астраханский и энзелинский порты по этой же причине также вынуждены были принимать грузы в открытом море. Здесь небезынтересно сказать, что еще инженер-майор И.Г.Гербер, описавший прикаспийские области в I половине XVIII в., подчеркивал, что «Бакинская гавань так удобна для всякого рода судов, что они могут приставать к самому городу».¹⁶⁰ Преимущества бакинского порта позволили М.Скибиневу утверждать, что в Баку привозилось из Астрахани больше товаров, чем в Дербент, а отсюда они развозились не только сухопутно в Шемаху, Шеки, Гянджу, Гарабах, Тифлис, но и на российских судах в Гилян и Мазандаран.

Широкая торговля в Баку привлекала многочисленных купцов, разнородных по своему национальному составу. Доминирующую роль в каспийской торговле в процентном отношении наряду с русскими купцами играли армяне, выступавшие как подданные России. Так, в архивном документе говорится, что российский подданный армянин купец Нерсес получил у бакинского Мирза Мухаммед-хана разрешение на беспрепятственный провоз в Гилян купленных в Баку 7700 аршин русского холста.¹⁶¹

В Баку приезжали и индийские купцы, торговавшие как русскими и европейским товарами, так и ситцами, одеялами, медикаментами, шелковыми и шерстяными тканями из Индии и других стран Востока. В свою очередь, они вывозили в Индию шелк-сырец, белую нефть и другие товары.¹⁶² Богатые индийские купцы помогали деньгами и продуктами индийцам-огнепоклонникам, проживавшим в селении Сурахана, давали средства на постройку келий и храма на месте «вечных огней» - Атешгях.¹⁶³

Со второй половины XVIII в. в астраханских таможенных ведомостях все чаще встречаются имена местных бакинских купцов, что опровергает мнение, о том, что «мусульманские» купцы ограничивались

местной торговлей и не выезжали в так называемые христианские юрода. Приведем одну из многочисленных астраханских таможенных ведомостей II половины XVIII в., где перечисляются имена бакинских купцов и дается ассортимент их товаров, ввозимых из Астрахани в Баку.

Фамилии купцов	Откуда прибыли	Ассортимент	Количество товаров
Али Исмаил Хаджи Кадыров	Баку	Полотняные ткани зеркала масло коровье и пр. товары	800 арш. 4 дюжин 5 пуд
Садых Раджаб Алиев	Баку	Сукно немецкое испанское сахар масло сандал краски разные и пр.	750 арш. 20 пуд 45 пуд. 15 пуд 100 арш.
Ага Багир Саид Расулов	Баку	Сукно сахар масло и пр. большое количество различных товаров	25 арш. 25 пуд. 15 пуд.
Усейн Мамед Алиев	Баку	Краска сукно немецкое голландское холст и про ¹⁶⁴	2 пуда 120 арш. 20 донлуков 100 арш.

Удобное географическое расположение Бакинского ханства отражалось и на занятии его жителей, большая часть которых занималась торговлей. Значительный доход приносила внешняя торговля, в связи с чем крупное бакинское купечество владело большими капиталами. Неслучайно, что в русских архивных документах не раз говорится о знатных или «первостатейных» бакинских купцах.¹⁶⁵

Городское же население, особенно мелкие торговцы и ремесленники, занимались исключительно местной торговлей, что находит подтверждение в архивном документе, в котором говорится, что жители Баку «паче всего к торговле рачительны, почти большая часть города торговыми лавками занята»¹⁶⁶ Наличие большого числа лавок объяснялось еще и тем, что ремесленники в основном занимались ремеслом в лавках, где одновременно и сбывали свои изделия.

В источниках имеются сведения о широких торговых связях Бакинского ханства с южными ханствами Азербайджана, купцы которых вывозили товары преимущественно в Решт и Энзели, а оттуда морем в Баку. «В торговле бакинской, - говорится в источнике, весьма много участвует Шемаха, также приезжают лезгины с товарами того же качества, какого привозят в Дербант, сверх того из Ардсбиля, из Тавриза, из Хоя и из Ряша приезжают купцы...»,¹⁶⁷ которых Баку привлекал прежде всего как наилучший порт, как город, изобилующий нефтью и солью, «в коих тамошние народы имеют необходимую надобность», а также для покупки здесь российских и других товаров.¹⁶⁸

На основе фактического материала можно составить таблицу о ввозе товаров в Баку из других городов:

Города	Товары
Шемаха	1) Шелк, 2) Шелковые материи (мови, ладжи, шемандрузы), 3) Хлопчатая бумага, 4) Фрукты (орехи, каштаны, персики), 5) Виноградное вино, 6) Миндаль, 7) Рис, 8) Марена, 9) Хлопчатобумажные и шерстяные изделия.

Шеки	1) Шелк, 2) Ремесленные изделия
Сальян	1) Бумажные белые и полосатые низкого качества бязи, 2) Рыба
Губа	1) Пшеница, 2) Ячмень, 3) Посредственные ковры, 4) Разные суконные шали, 5) Деревянные брусья (на строительство домов), 6) Бруски и доски разных сортов, 7) Древесный уголь, 8) Свежие и сушеные фрукты, 9) Хлопок, 10) Бумага.
Дербент	1) Марена, 2) Хлопчатая бумага, 3) Шелковые материи, ладжи, мови, дараи, 4) Чернильные орехи, 5) Фрукты: каштаны, кишмиш и сушеные персики, 6) Часть виноградного вина.
Тифлис	1) Красная медь
Ленкорань	1) Масло коровье, 2) Медь, 3) Сорочинское пшено, 4) Дрова, 5) Сыр
Товары, прибывавшие из внутренних городов Южного Азербайджана через Энзели	1) Шелк, 2) Шелковые матфии (ладжи, зарбафт), 3) Шали, 4) Бумажные материи, 5) Рис, 6) Кишмиш, 7) Фисташки, 8) Орехи грецкие, 9) Орехи индийские (кокосовые), 10) Покрывала для постели, 11) Коленкор, 12) Ковры, 13) Башмаки, 14) Лимоны, 15) Персики, 16) Миндаль. ¹⁶⁹

Как видно, Бакинское ханство вело обширную торговлю почти со всеми ханствами Азербайджана. При этом, как было сказано, Бакинское ханство из-за плохих почвенно-климатических условий не могло удовлетворить собственные нужды сельскохозяйственными продуктами, поэтому вынуждено было ввозить их в основном из Губинского и Талышского ханств, которые поставляли масло, сыр, муку, пшеницу, ячмень и др.

Особое значение имела торговля Бакинского ханства с Шемахинским ханством, богатым шелком-сырцом. Удобное географическое положение Шемахи в центре северо-восточных областей Азербайджана позволяло купцам из разных мест вести здесь широкую торговлю. Не раз в источниках можно столкнуться с мнением о том, что «торги в Шемахе признаются лучшими для коммерции».¹⁷⁰ Из-за наличия в Баку удобной гавани Шемахинское ханство поддерживало тесную связь с Бакинским

ханством. Из Шемахи прибывало наибольшее число товаров для вывоза из Баку в Астрахань и Другие порты.

Таким образом, Баку являлся не только крупным торговым центром, но и имел важное транзитное значение. Все привозимые в Баку товары отправлялись в Астрахань, а ввозимые из Астрахани товары отправлялись из Баку в Ширван, Гилян, Мазандаран и другие области Южного Кавказа. В свою очередь, из Баку вывозили нефть, соль, шафран, некоторые предметы ремесленного производства все это являлось статьей собственно бакинской торговли. Приводимые далее цифровые данные могут показаться несколько заниженными, но речь идет только об экспорте бакинских товаров без учета реэкспорта товаров, поступавших в Баку, как торговый центр.

В 80-90-х годах XVIII в. из Баку только в Решт было вывезено шафрана на 2 тыс. руб., нефти и соли на 30 тыс. руб. В 1793 г. и в Гилян, Мазандаран, Астрахань, Ширван, Дербент было вывезено шафрана почти на 5 тыс. руб. нефти и соли в Ширван, Дагестан, Гилян, Мазандаран, Ленкорань, Сальян, Губу было вывезено на 55 тыс. руб., от общего торгового оборота в 835 тыс. руб.,¹⁷¹ включавшего не только собственную продукцию, но и товары, привозимые из других мест Южного Кавказа, России и Ирана.

Нефть вывозилась в основном в шелководческие районы, в частности, в Шеки, Ширван, Гилян и Мазандаран, «потому, что... нефть единственное вещество, которое можно сжечь, не повредив им насекомых (шелковичных червей - М.И.) для освещения домов, в которых они выращиваются».¹⁷²

П.Зубов, подробно изучивший состояние восточной торговли в последней четверти XVIII в., отмечал о большом спросе на нефть в персидских прибрежных городах, продажа которой была очень выгодной: «Променивая нефть на персидские товары и на аптекарские припасы, коими Гилянекий рынок изобилует, - писал он, можно произвести важные торговые обороты».¹⁷³

Нефть и шафран экспортировались как в Иран, города Южного Кавказа, так и в Россию. Вывозимая на киржимах и сандалах нефть продавалась за наличные деньги, либо обменивалась на другие товары. Огромную прибыль от торговли нефтью получал бакинский хан. Немало дохода получали и судовщики, перевозившие нефть. Перевозка товаров осуществлялась как на мелких морских судах, сандалах и киржимах, так и на российских судах.

Доходы бакинского хана только от таможенных пошлин составляли огромную сумму, что свидетельствовало о высоком товарообороте. Так, в 1798 г. рахтарная сумма с привозимых и отвозимых товаров составила до 4 тыс. рублей российской монетой, а таможенный сбор с привозимых товаров составлял с «таев» (вьюков) по 1 руб., а с вывозимых товаров по 20 коп.¹⁷⁴

Как было отмечено, Баку играл первостепенную роль в азербайджано-русских торговых связях, о которой в русских источниках говорится: «Между мусульманскими городами не было ему ни одного соперника и ни один город не имел до сих пор здесь таких постоянных сношений с Росшею».¹⁷⁵ В бакинский порт ежегодно прибывало около 60 российских судов с русскими и европейскими товарами. Часть судов, распродав свои товары и нагрузившись нефтью, солью, шафраном, мареной отправлялась в Энзели, «откуда Персидские товары уже прямо отвозятся в Астрахань, за исключением некоторых судов, натуженных на щёт Бакинских или Шемахинских купцов».¹⁷⁶

Следует отметить, что в этой торговле большую выгоду в Баку имели судовщики, перевозившие за определенную плату большое количество нефти и соли в Энзели и Мазандаран преимущественно на российских судах. Доходы судовщиков особенно увеличивались, когда не было товаров для перевозки в другие места. Кроме того, судовщики наживались и на привозе дефицитных товаров в Баку. Так, из Энзели, Ленкорани, Ниязабада они привозили дрова и рис, сорочинское пшено поэтому судовщикам было выгодно стекаться именно в бакинский порт.¹⁷⁷

В 1757 г. русский консул в Иране П.Чекалевский в связи с упадком торговли, развернувшимися кровопролитными войнами за власть между отдельными правителями в самом Иране, а также образованием самостоятельных ханств и доминирующим положением азербайджанских городов в русско-восточной торговле добился перевода консульства из Решта в Баку.¹⁷⁸ Понимая выгодность данного шага как в экономическом, так и политическом отношении, бакинский Мирза Мухаммед-хан доброжелательно отнесся к данному Переводу консульства, однако из-за возникшего между ним и «екалевским конфликта консул вынужден был поселиться за городом. Данный конфликт, был вызван, обвинением Чекалевского бакинских властей в похищении товаров с русского! судна «Св.Ионна», разбитого около селения Шувелян. Из-за конфликта дальнейшее пребывание консула в Баку слало невозможным и в 1758 году Чекалевский вынужден был переселиться из Баку в Сальян, перешедший к этому времени в вельдене Губинского ханства.¹⁷⁹ Однако русский консул, прекрасно зная преимущества бакинского порла, ни в коем случае не хотел его терять. Поэтому будучи еще в Баку он через своего толмача старался внушить губинскому хану захватить Баку как «готовой и купечеству полезной город, нежели возобновлять и основывать порт в Низовой (Ниязабад - М.И.)». Но

отправленный в Шемаху толмач Муслим Аитов сообщал, что шемахинский и губинский ханы не заинтересованы отбирать у бакинского хана похищенные товары или деньги, пока не пресечется российская торговля в Баку.¹⁸⁰

Следует отметить, что губинский хан, стремясь перенести центр русской торговли, ближе к своим владениям - в Ниязабад, старался тем самым ослабить престиж бакинского порта. В связи с этим он хотел умело воспользоваться создавшимся конфликтом, предлагая русскому консулу льготные условия для торговли русских купцов.¹⁸¹

В свою очередь, как видно из донесений Чекалевского в Государственную Коллегию Иностранных дел, Россия для достижения своих целей пылалась прибегнуть к разного рода ухищрениям натравливанию ханов друг на друга. Узнав о намерениях губинского хана в отношении Баку, которые) должны были осуществиться после завоевания Дербента, Чекалевский воздержался от ранее принятого решения.¹⁸² Царское правительство всячески стремилось замаскировать необходимость пребывания своего консула в данном регионе, поэтому оно пыталось свалить всю ответственность за переезд Чекалевского на шемахинского и губинского ханов, якобы обещавших принудить бакинского хана возместить убытки русских купцов. Вместе с тем, по мнению Чекалевского, только пресечением торговли через Баку можно было воздействовать на бакинского хана, так как это принесло бы ему большой убыток.¹⁸³ Кстати, об этом ясно свидетельствует и письмо аспраханского губернатора к бакинскому Мирза Мухам-мед-хану, в котором подчеркивается, что купеческие суда с товарами будут прибывать к бакинской пристани лишь в случае наказания виновных в похищении товаров или выдачи их в Астрахани.¹⁸⁴

И хотя русское правительство из-за конфликта вынуждено было согласиться с переездом консула, однако оно ни в коей мере не хотело терять торговлю русского купечества в Баку. Об этом свидетельствует указ Чкалевскому, где говорится, что «...ежели запретить совсем купеческим судам с товарами к Баке приходить, то почти всех способов российское купечество лишится в своей торговле, которая и без того имеет худое лечение».¹⁸⁵ Учитывая, что Сальян ни в люрговом, ни в портовом отношении ни уступал Ниязабаду, переезд русского консула из Баку в Сальян отнюдь не ущемлял развитие торговли при бакинском порте. Так, по словам П.Чикалевского, как только прибывало в Баку судно из Астрахани, сразу из Шемахи, Тебриза и других городов приезжали купцы с персидскими и индийскими товарами, «состоящими у шемахинских в шелке-сырпе и вареном, а у протчих в деланных шелковых, бумажных и иных разных вещах, которые они променяв на привезенные из России товары и расторговавшись возвращаюля в свои пределы...».¹⁸⁶ Бакинский же хан подчеркивал, что «в Баку приезжают купцы с товарами из разных городов, ведая о здешнем состоянии что всегда с покоем пребывают и ни от кого никаких им обид не чинится...», а затем отсюда они, погрузив на суда свои товары, отправляются в Астрахань, Гилян и Мазандаран.¹⁸⁷

Разразившаяся в Азербайджане эпидемия чумы (1759 г) отрицательно сказалась на развитии торговли. В такой ситуации царское правительство решило не упускать удобный шанс для оказания еще большего давления на бакинского хана, в связи с чем астраханский губернатор Жилин получил из Государственной Коллегии Иностранных дел указ о прекращении русской торговли в Баку. Тем более что из-за чумы было запрещено мореходным судам выходить из Астрахани.¹⁸⁸ П.Чкалевский в 1759 г. возвратился в Россию, и торговля русского купечества в Азербайджане некоторое время оставалась без надзора.

Естественно, в сложившейся обстановке Россия была заинтересована в дальнейшем развитии русской торговли и возобновлении консульской службы в регионе, в задачу которой входило не только содержать «здесь купцов в порядке, но и защищать их от всяких обид и притеснений».¹⁸⁹ Чтобы урегулировать торговлю русского купечества в бассейне Каспийского моря указом от 28 марта 1762 г. правительство Екатерины II постановило назначить два центра консульской службы - в Баку для торговли с Азербайджаном и Энзели для торговли с Ираном. Консулом в Энзели был назначен И.Игумнов, а в Баку - М.Суляков. А в 1765 г. со смертью консула в Иране Игумнова консульская функция М.Сулякова временно распространилась «на все персидские города».¹⁹⁰

Несмотря на все неурядицы выбор Баку вновь резиденцией консульской службы в очередной раз показывает, что из всех городов Азербайджана российское правительство отдавало предпочтение ему как центру сосредоточения русско-восточной торговли. Прибыв 21 ноября 1764 года в Баку и будучи с почтением принят, консул М.Суляков подарил бакинскому хану мех горноста и «пару соболей».¹⁹¹

По указу русского правительства предписывалось, чтобы «россияне приставали и торговали только в гаванях при Бакс и Зиизилс, а в Персидские отдаленные от моря города отнюдь бы не ездили...»¹⁹²

После учреждения консульства торговля через бакинский порт вновь оживилась. Только в 1765 г. из Баку было отправлено в Россию 3000 пудов шемахинского шелка-сырпа.¹⁹³ Консул М.Суляков 17

октября 1765 года для свободного провоза товаров в Астрахань выдал паспорта бакинским купцам Джафару, Хаджи Магомеду, Исмаил Мурату Хасимову, Шефи Мухамету Хусейнову, Керим Хаджи Мухамету.¹⁹⁴

Ценным дополнением к консульским сообщениям являются данные о торговом обороте за три года 1766, 1767, 1768 гг., содержащиеся в «Ведомости сочинения по годам 1766, 1767, 1768 с показанием наши товары были в отпуску к /каспийским/ портам и в привозе оттуда в Астрахань не столько по цене и с них пошлин взять было».¹⁹⁵

Однако торговля Бакинского ханства в этот период не всегда была стабильной. Одной из причин, препятствовавших последовательному течению азербайджано-русской торговли было самоуправство местных властей в Бакинском ханстве. В частности, Мелик Мухаммед-хан брал высокие пошлины не только со своих подданных, но и с русских купцов. Благодаря дипломатическим стараниям Сулякову удалось добиться отмены со стороны местных властей вышеуказанного положения. И дополнительно, если даже русские купцы, не продавшие свой товар в Баку, собирались его погрузить на российские суда и отправить для продажи в другие порты Азербайджана и Ирана, то они также не платили пошлин. На наш взгляд, на бакинского хана возымели действие различные обещания со стороны Русского государства как экономического, так и политического характера. Вместе с тем местные власти, чтобы восполнить ущерб, стали брать пошлины у тех, кто покупал товары у русских купцов.¹⁹⁶

Как известно, сложившаяся в изучаемый период политическая обстановка отрицательно влияла на развитие торговли Бакинского ханства. Междоусобная, борьба, продолжавшаяся на территории Азербайджана почти на всем протяжении второй половины XVIII в., в частности, распри между кубинским и Шемахинским ханствами, а также объединительная политика Губинского ханства, стремившегося подчинить ханства Северо-восточного Азербайджана, в том числе и Бакинское, накладывали свой тяжелый отпечаток на течение торговли. Купеческие караваны, следовавшие из Баку в Шемаху и обратно, зачастую подвергались грабежу со стороны людей губинского хана.¹⁹⁷ Все это вызывало сильное сокращение бакинской торговли. По данным архивных материалов, осенью 1766 года в Астрахань не было отпущено никаких товаров, а весной 1767 года из Баку в Россию было отпущено до 2 тыс. пудов шелка-сырца, что было меньше, чем в 1765 г. Аналогичная картина наблюдалась и в отношении других товаров.¹⁹⁸ В итоге, эти распри между губинским и шемахинским ханами привели к тому, что Фатали хан Губинский после долгих уговоров русского консула добился позволения русских властей перенести консульскую резиденцию из Баку в Сальян, предоставив большие льготы русским купцам. Однако, следует отметить, что перенесение русского консульства диктовалось не насущной потребностью местного и русской купечества, а исходило из субъективных интересов Фатали-хана Губинского, хорошо понимавшего незаменимую роль Баку как моста между Западом и Востоком. Тем более, что после 1766 года Бакинское ханство было фактически подвластно губинскому правителю. Но с переводом консульской резиденции он руководствовался исключительно своими амбициями главы Северо-восточного Азербайджана и стремился возвысить еще один центр русско-восточной торговли, каким, по его мнению, мог быть Сшшян.¹⁹⁹

В свою очередь, консул М.Суляков в угоду губинскому хану делал все для привлечения русских в Сальян, предоставляя ложные сведения о торговле при бакинском порте и обвиняя во всем бакинского хана. Так, в письме к астраханскому губернатору Бекетову Суляков пишет, что будто в Баку нет никакой торговли, а прибывающие сюда товары из России отправляются только для продажи «в подвластные его Фатали хана города яко Дербент, Губу, Шемаху, Тевриз, Ардевиль и другие».²⁰⁰ Суляков не раз просил Государственную Коллегию Иностранных дел отправить астраханскому губернатору Бекетову и консулу Боголюбову указ о запрещении русским судам прибывать в Баку. Неслучайно, что в своем письме к Мирза Мухаммед хану I астраханский губернатор Бекетов переезд консула М.Сулякова в другое, более безопасное место - Сальян мотивировал обидой, причиненной бакинским ханом русским купцам.²⁰¹ Однако, как явствует из архивных документов, русский кабинет в конечном итоге признал вину самого консула, «солдаты которого делают в городе непорядки», его «слабое...за подчиненными смотрение и собственных непорядочных поступках». И хотя русские власти разрешили консулу Сулякову переехать, но все же они были заинтересованы в нахождении Сулякова при бакинском порте, о чем свидетельствует и намерение астраханского губернатора написать письмо назидательного характера как консулу, так и бакинскому хану с целью утихомирить их действия.²⁰² В свою очередь, как явствует из журнала майора секретной службы Астраханской губернской канцелярии Мирза-бека Ваганова, Суляков некоторое время еще оставался в Баку, причиной которого было нежелание бакинского хана отпускать его, так как он был против переезда консульства из Баку. По этому поводу Мирза Мухаммед-хан не только отправил своего сына с прошением к Сулякову, но и просил Фатали-хана Губинского отказаться от этой затеи. Ссылаясь на родственные отношения между ними бакинский хан не делал никакой разницы между Баку и Сальяном. Старания бакинского Мирза Мухаммед-хана

возымели действие на губинского правителя, который вынужден был скрывать свое желание о переезде консульства из Баку в Сальян,²⁰³ хотя до этого несколько раз писал об этом Сулякову.

Таким, образом, Мирза Мухаммед-хан, понимая выгодность нахождения русского консульства в Баку для торговли и в то же время стремясь вести самостоятельную политику, пресекал любое противостояние его правопорядку. Поэтому поведение самого консула и русских солдат в Баку натолкнулось на противодействие Мирза Мухаммед-хана. Безусловно, жестокое обращение с русскими подданными исходило также от старшего сына Мирза Мухаммед-хана-Мелик Мухаммеда, который, как было отмечено выше, был суров и со своими подвластными. В конечном итоге, обиды и притеснения со стороны бакинского хана и, наоборот, благорасположение Фатали-хана Губинского, который, «по-прежнему своему к российским людям доброходству обнадеживает всякому со стороны своей благодетелью», повлияли как на решение русского консула, так и на решение Государственной Коммерц-Коллегии о переезде из Баку в Сальян. Тем более, что пребывание Сулякова усугублялось наступившей дороговизной на продукты питания и другие товары, в связи с чем купцы стали повышать цены на свои товары, как как несли большие убытки из-за принимающихся в обороте по распоряжению бакинского хана серебряных монет аббаси по 15 коп, тогда как номинальная стоимость их была равна 20 коп.²⁰⁴ 18 мая 1768 года консул вместе со свитой и желающими купцами прибыли в Сальян, где, однако, несмотря на разрешение Фатали-хана русским купцам вести беспошлинную торговлю, этот акт не имел успеха.

Первоначально в Сальяне велись некоторые торговые операции, но центром сосредоточения азербайджано-русской торговли оставался Баку. Осталось безрезультатным и указание Фатали-хана «грабить караваны проезжающие в Баку или из Баку в другое место, для того чтоб в Баке отныне впредь порта не было а мог бы состоять при Сальянских пределах»²⁰⁵. Местные купцы, заинтересованные в доставке своих товаров в Баку, где всегда можно было найти покупателя, не решались ехать в Сальян. Так, в письме шемахинского купца М.Сулякову говорится: «...здешнее купечество желает судам мореходным быть в Баку, а не в Сальяне, за что и товары свои пересылают в Баку».²⁰⁶ Даже, несмотря на запрет консула М.Сулякова заходить в бакинский порт, сюда из Астрахани продолжали прибывать в большом количестве российские суда с товарами. Кстати, как видно из письма консула Боголюбова Сулякову, Государственная Коллегия Иностранных дел так и не издала указ о запрещении судам прибывать в Баку.²⁰⁷

Политика русского консула М.Сулякова, потв ствующего действиям Фатали хана Губинского, привела к крашению русско-восточной торговли по Каспийскому морю. В результате астраханские купцы «в рассуждении излишнего и бесполезности на содержание другого в Персии консула расхода» обратились к русскому правительству с просьбой об отзыве М.Сулякова и о закрытии консульства в Сальяне.²⁰⁸ 7 июня 1770 года М.Суляков был отозван и в Иране-Энзели остался один консул. Так как с конца 50-х годов XVIII в. центр русско-восточной торговли переместился в города Северного Азербайджана, то Русское государство спокойно отказалось от содержания здесь еще одного консула.

Перемещение же русского консульства из Баку в Сальян, а затем и полное его закрытие нисколько не умалили значения Баку, который продолжал оставаться одним из главных центров русско-восточной торговли в регионе Каспийского моря на протяжении всей II половины XVIII в. Отметим, что хотя русское правительство в целях расширения торговли и углубления отношений с Ираном оставило консульство в Энзели, однако из-за отдаленности и междоусобных распрей на местах в 70-80-х годах XVIII в. русско-иранская торговля несколько деградировала.²⁰⁹ Это подтверждается и некоторыми статьями импорта и экспорта Астрахани за последние десятилетия XVIII в., а именно: ввоза марены, шелка-сырца, хлопчатобумажной пряжи и хлопка, бязи, хлопчатобумажной басмы и вывоза полотен различных сортов, стальных изделий, павловских замков, ножей, ножниц, тульских складных ножей, швейных игл и т. д. По данным астраханского экспорта и импорта в указанный период из Баку в Астрахань было вывезено товаров на 225 тыс. руб., а из Баку вместе с другими городами - в Энзели всего на 92 тыс. руб.²¹⁰ Таким образом, вывоз товаров через Баку в Россию был в 3 раза больше, чем в Иран.

Наряду с этим, имеется целый ряд фактов, свидетельствующих о развитии русско-азербайджанской торговли через Баку. Так, в сентябре 1775 года бакинским купцом Садыг Реджебом Алиевым из Астрахани на судне астраханского купца Михайловского было привезено в Баку: «сандалу красного поленного» 230 пудов, 1000 штук лошадиных хвостов, «сахару-леденцы 2 пуда, головного 20 пудов», сахарного песка 25 пудов, «юфтей кож красных казанских малых» - 70 штук, «холста бельнего узкого, редкого» - 200 аршин, «мыло ядра» - 15 пудов, масла коровьего - 15 пудов, перцу немецкого - 15 пудов, «сукна голландского - донлуков²¹¹ - 4 штуки», 40 аршин, сукна немецкого кармазинного - 30 аршин, орехов мускатных - 1 пуд, немецкого бархата - 10 аршин²¹². На том же судне бакинским купцом Ага Багыром Сеитсуловым были доставлены различные предметы торговли в основном русского производства вплоть до «игол российских 10000 штук» и т.д.²¹³

В ГААО хранятся многочисленные «Ведомости», свидетельствующие об интенсивной торговле азербайджанских и русских купцов в Баку. Особую ценность представляет датированная 1775 г. «Ведомость шемахинских, ширванских, бакинских купцов, отправляющихся с товарами из Астрахани... с перечнем вывозимых ими из Астрахани товаров»,²¹⁴ где приводится обширный список азербайджанских, и в том числе бакинских купцов, показаны количество и ассортимент вывозимых из Астрахани товаров. Кроме того, привлекает внимание тот факт, что товары доставлялись ширванскими, дербентскими, текинскими и другими купцами в Баку, а оттуда развозились ими по месту назначения.

Интересные сведения об интенсивной транзитной торговле с Русским государством через Баку в 80-х годах XVIII в. также имеются в «Ведомостях»²¹⁵ и архивных документах «О выдаче паспортов па выезд из Астрахани»²¹⁶. Эти документы состоят каждый из нескольких десятков листов-заявлений - «донешений» как русских, так и приезжающих в Астрахань через Баку купцов из различных стран. «Донешения» составлены на русском языке, а подписаны каждым купцом на его родном языке: на русском, индийском (хинди), грузинском, азербайджанском, армянском, персидском, и др. Эти «Донешения», представляющие большую ценность, свидетельствуют не только о развитии торговли, но и организованном ее ведении, так как с их помощью делалась попытка контролировать въезд и выезд купечества с целью регулирования торговли, чтобы не создавать на рынке избытка одних товаров и недостатка других. Кроме того, они еще раз подтверждают наличие в 80-х годах XVIII в. оживленной русско-восточной торговли по Каспийскому морю с центром в Баку.

Немаловажное значение имеют и ведомости, в которых отражены названия вывозимых из Астрахани товаров, их количество, вес и цена. Детальное изучение ведомостей раскрывает широкомасштабность торговли по волжско-каспийскому пути, в связи с чем достаточно указать, что в мае 1781 года из Астрахани в Баку было привезено 1373 штук писчей бумаги на сумму 617 руб. 85 коп., булавок - 84400 штук, немецкого бархата 2429 аршин на сумму 10910 руб., около 10 тысяч гребней, более 10 тысяч котлов, более 5 тысяч замков и т.п.²¹⁷

По данным ведомостей можно констатировать, что в 80-годах XVIII в. из России в Азербайджан, в частности в Баку, шел настоящий поток товаров. Кстати, импорт товаров из России намного превышал их экспорт. Так, в мае 1781 года в Баку было привезено товаров на общую сумму 235386 руб, в то время как из Баку было вывезено их на 94182 руб.²¹⁸ В ноябре того же года в Баку было привезено товаров на общую сумму 41896 руб., из Баку вывезено в Астрахань на 2814 руб.²¹⁹ Среди товаров, вывозимых в Астрахань, подавляющее большинство составляли сырые материалы, в основном шелк - сырец. Например, из вывезенных в мае 1781 года из Баку в Астрахань товаров на общую сумму 104467 руб. на долю шелка - сырца приходилось 89055 руб.²²⁰ В октябре того же года из общей суммы поступивших в Астрахань из Баку товаров в 6712 руб. шелк - сырец составлял 2650 руб.²²¹ По подсчетам специалистов, вывозимый в Россию в 80-х годах XVIII в. шелк сырец составлял 64 % всего восточного импорта, тогда как «бумага прядильная» - хлопок составлял 9%, марена - всего 4%²²².

Таким образом, на протяжении почти всего XVIII столетия Азербайджан был сырьевым придатком развивавшейся русской текстильной промышленности. Россия же, в свою очередь, являлась поставщиком готовых изделий и так называемой «мягкой рухляди». В частности, отсюда привозили сукна, бархат (разный), писчую бумагу, краски - пряности, сундуки, юфть, глиняную и хрустальную посуду, а также полосное железо, топоры, медные казачьи стремяна, медные серьги и подсвечники, оловянные перстни, бритвы, карманные часы, компасы, подзорные трубки, веревки, для оснастки киржимов, калмыцкие мерлушки и т.д. Кроме того, через Россию шел реэкспорт западноевропейских товаров, особенно немецких.²²³

В 90-х годах XVIII в. из России в Баку продолжал также поступать поток указанных товаров. Следует отметить, что интенсивному развитию русско-азербайджанских торговых связей в это время в некоторой степени способствовало нахождение в 1793 г. в Баку русского консула М.Скибинева. По его сведениям в это время из Астрахани и других мест в Баку было привезено товаров на 264 тыс. рублей. Из другого источника мы узнаем, что в 1793 г. из Баку в Астрахань было вывезено товаров на 255 тыс. рублей., а в Энзели - всего на 32 тыс. рублей.²²⁴

Сопоставление этих фактов дает нам основание сделать вывод о превосходстве и стабильности русско-азербайджанской торговли над русско-иранской в изучаемый период. Более того, если сравнить данные вывоза некоторых товаров за 1778-1781 гг. и за 1789-1791 гг., то можно фиксировать увеличение их вывоза из азербайджанских городов в Россию, нежели из иранских портов. Эти сведения, с одной стороны, показывают преобладающую роль Баку среди других городов Азербайджана и Ирана, а с другой, свидетельствуют об увеличении вывоза товаров именно из Баку. Так, если за 1778-1781 гг. экспорт хлопка из Баку составил 3310 пудов 8 фунтов, то из Дербента - 270 пудов 20 фунтов, из Сальян - 195 пудов 80 фунтов, а из иранских городов - 3067 пудов; а в 1789-1791 гг. из Баку он увеличился до

4922 пуда 10 фунтов, в то время как из Дербента - 284 пуда 20 фунтов, из Сальян - 1241 пуд, из иранских же портов - всего 483 пуда.²²⁵

Идентичная картина наблюдалась и по данным экспорта товаров из Астрахани. Так, в 1790 г. из Астрахани было привезено в Баку 205368 аршин разных сортов полотняной ткани, в то время как в Дербент - 18330 аршин, а еще меньше в Мазандаран - 200 аршин и Энзели - 12750 аршин.²²⁶

Следует отметить, что несмотря на то, что вывоз некоторых товаров - железа, олова, серебра, стали и т. д. - в восточные страны, в том числе и в Азербайджан, строго контролировался в России, однако купцы и частные лица старались привезти их в Баку больше, чем куда-либо. Так, в 1775 г. в Астраханской губернской канцелярии был выдан паспорт на имя астраханского купца Шевырева и его команды на беспрепятственный провоз в Баку железа и вина на его судне «Астраханский дворянин».²²⁷ А в 1789 г. в Баку было привезено 4831 пуд железа, тогда как в Дербент - 990 пудов. По донесениям же русского консула М.Скибинева, в 1793 г. в Баку с наибольшей выгодой можно было продать полостное железо и оловянные изделия. И только в 1799 г. был издан закон, официально разрешавший открытый отпуск в восточные страны железа, стали, олова и изделий из них.²²⁸ Как было отмечено, купечество в любой момент могло быть подвержено грабежу, нападением. Поэтому заинтересованность России в данном регионе требовало военной охраны от всех случайностей в пути и стране. Неслучайно в бакинском порту летом и зимой стояли «несколько военных российских фрегатов, а иногда и бомбардирский корабль».²²⁹

Ссылаясь на условие заключенных с Ираном Рештского (1732 г.) и Гянджинского (1735 г.) договоров и не теряя надежды на овладение Азербайджаном, в том числе и Бакинским ханством, русское правительство требовало соблюдения права беспошлинного торгова, по всему региону. Однако, добившись независимости во II половине XVIII в. азербайджанские правители, игнорируя вес ранее имевшиеся торговые соглашения, определили свои нормы взимания пошлин с иностранных купцов, не делая исключения и русским. В этом отношении особенно отличительна была политика Бакинского ханства, где взимаемый по приказу бакинских ханов с товаров русских купцов таможенный сбор рахдари был в особо больших размерах.²³⁰ Именно в Баку в 1782 г. в результате переговоров между Войновичем, под командованием которого была предпринята военная экспедиция к юго-восточным берегам Каспийского моря, и Фатали-ханом Губинским, фактически подчинившим Бакинское ханство, было заключено торговое обязательство, предоставлявшее русским купцам право беспошлинной торговли во всех владениях гу-бинского правителя.²³¹ Это обязательство, копия которого хранится в ЦГВИА, состояло из пяти пунктов и оно проливает свет на колониальный характер политики России в отношении азербайджанских ханств, в особенности Бакинского.

Предоставляя русским купцам исключительные права в торговле, Фатали-хан одновременно добивался отмены повышения пошлин на товары азербайджанских, в том числе и бакинских купцов в русских городах, что однако не имело успеха. Следует отметить, что это был первый торговый договор между Россией и Азербайджаном, раскрывавший позицию русского правительства, стремившегося стать единственным хозяином Каспийского моря и поэтому решившего «все суда (месгные) непременно во всех портах и рейдах истребить, дабы Каспийское море не имело иных кроме российских судов и тем падающую коммерцию поднять».²³² По условиям договора бакинский хан как и другие азербайджанские правители не имел права держать в Каспийском море не только суда, но и местные киржимы и сандалы. Кроме того, стремясь полностью оградить здесь строительство киржимов Русское государство запретило продажу материалов, необходимых для их постройки и ремонта, которые приобретались в России или у приезжих купцов. Вопреки этим усилиям царское правительство не смогло добиться уничтожения прибрежного судоходства. В отместку Мирза Мухаммед-хан запретил русским купцам грузить товары в Баку на российские купеческие суда: они должны были перевозить товары на прибывавших из Энзели и Мазандарана сандалах и киржимах, о количестве которых мы располагаем отрывочными сведениями. Так, если судить по рапорту капитан-лейтенанта Лялина от 12 сентября 1784 года, то с 1783 года при бакинском порте было 25 сандалов подъемностью от 5 до 7-10 тысяч пудов и 26 киржимов - от 500 до 2 тыс. пудов.²³³

Источники, в том числе донесения русских консулов, позволяют констатировать, что и в 90-х годах XVIII в. месгные купцы продолжали пользоваться местными судами - сандалами и киржимами на короткие расстояния, а во всех остальных случаях нанимали российские суда. Консул М.Скибинева отмечал, что «нефть и соль близко Баки собираемую отвозят в Мизандронь и Гилянь наибольшею частшо, как на судах российских, так и на киржимах, еще в Сальяны и в Ленкорань». Более того, среди товаров, вывозимых из России в Баку можно было встретить и веревки «особливо для оснастки киржимов».

Забегая несколько вперед, отметим, что в 1797 г. Павел I отменил не получившее практического применения запрещение, а 16 апреля 1802 года был дан именной указ генерал-лейтенанту Кноррингу «О беспрепятственном плавании по Каспийскому морю ...судам именуемым киржими». ²³⁴

Тем не менее, царское правительство зорко следило за развитием местного судостроительства, в особенности опасаясь производства военных судов. Кстати, небезынтересно отметить, что из трех судов, появившихся на Каспийском море в конце XVIII - начале XIX вв. одно грузоподъемностью до - тыс. пудов, т.е. равносильно российскому галлоту принадлежало бакинскому жителю Мелику. Появление данного судна встревожило русское правительство, и главнокомандующий русских войск Цицианов просил консула Скибинева представить более подробные сведения. В ответном рапорте Скибинева утверждал об отсутствии на судне военного вооружения и предназначении его лишь для перевозки товаров. ²³⁵ А это, как явствует из консульских сообщений, «не соответствует указу Императорского Величества относительно их уничтожения». ²³⁶ Вместе с тем, в данном рапорте можно проследить за конкурентностью на Каспийском море местных судов, особенно сандалов (как самых больших) с российскими, поскольку местные судовщики вынуждены были брать любую, даже мизерную плату за провоз товаров, чего не могли позволить себе астраханские купцы из-за дороговизны строительства мореходных судов. Именно такой «нарочитой подрыв астраханским купцам» толкал Скибинева искать средства, препятствовавшие распространению верфи этих сандалов и киржимов, «не озлобляя Персидское правительство». Как выход из положения он предлагал не продавать якоря местным жителям и тщательно осматривать суда, прибывавшие из Астрахани, а по возвращении их в Астрахань даже требовать отчета о якорях и канатах. ²³⁷ Вопреки указанию русских властей русские судовщики продолжали отдавать бакинскому хану суда на откуп. Отсутствие собственного торгового флота и использование российских судов, которых было также немного, приводило к дороговизне перевозки. Поэтому, неслучайно, в подписанный позже между Цициановым и бакинским посланником Аллахверди-беком (1803 г.), договор был включен пункт о праве Гусейн-Гулу-хана Бакинского строить транспортные суда за свой счет в Астрахани, при этом обещая за ним оставить это право в случае принятия российского подданства. ²³⁸

Учитывая торгово-экономическую и геополитическую значимость Баку правительство Екатерины II разрабатывало различные проекты для претворения в жизнь свои далекоидущие планы. В связи с этим в 1796 г. в период пребывания русских войск во главе с В.А.Зубовым в Азербайджане, российское правительство решило на укрепление этого города отпустить 283859 руб. и держать здесь 12 ластовых судов. ²³⁹ В дальнейшем Россия намеревалась развивать прочную торговлю с Индией, при этом возлагая надежды на сосредоточившихся недалеко от Баку в храме «Атешгях» индийских паломников — огнепоклонников. ²⁴⁰ Однако смерть Екатерины II 6 ноября 1796 года воспрепятствовала дальнейшему претворению в жизнь этих планов. Указом вступившего на престол Павла I от 7 июля 1797 года русские войска были отозваны из Азербайджана, и работы по укреплению бакинского порта были приостановлены. ²⁴¹

Начиная с 90-х годов XVIII в. вновь из Баку стали поступать жалобы русских купцов о взимании пошлин. ²⁴² Советник П.Саймонов в донесении в Государственную Коллегию Иностранных дел от 17 июля 1798 года не мог определить сумму пошлины с каждого товара, ссылаясь на то, что «беспрерывно продолжающиеся беспокойства... подвергали таможенный сбор ежечасным переменам», поэтому он вынужден был лишь указать на сбор пошлин во всех прикаспийских городах, где торговали с русскими купцами. ²⁴³

Исполнявший обязанности консула актуариус Савва Матвеев и заменивший его консул Михаил Скибинева в 1793 г. констатировали, что купцы могли погрузить свои товары на российские суда, только заплатив Гусейн-Гулу-хану Бакинскому третью часть или половину суммы, требуемой за провоз груза, что ударяло по карману судовщиков. А так как судовщики теряли много времени в ожидании груза, то они вынуждены были соглашаться с принятыми бакинским правителем нормами. В целях урегулирования торговли Скибинева установил между судовщиками очередность погрузки товаров. И хотя Гусейн-Гулу-хан во избежание возмущения местных купцов отменил вышеуказанное положение, тем не менее судовщики обязаны были выплачивать хану какую-то часть провозных денег. ²⁴⁴

Следует отметить, что сведения о положении и притеснениях русского купечества на местах, и в частности в Бакинском ханстве в основном были составлены русскими чиновниками, поэтому не исключается, что какая-то субъективность и предвзятость в оценке событий. Тем более, что обострение отношений и злоупотребления со стороны бакинских властей в конце 90-х годов XVIII в. объяснялось бесчинствами русских солдат, которым военачальниками генерала В.Зубова была предоставлена свобода действий при оставлении Баку в 1797 г. Подробно о нанесенном хану и населению Бакинского ханства ущербе сказано в III главе, а здесь только отметим, что в результате вспыхнувшего на нефтяных промыслах пожара бакинский хан и феодалы понесли большие потери. ²⁴⁵ Разгневанный Гусейн-Гулу-

хан, чтобы возместить убытки, резко увеличил размеры пошлин, при этом предоставив бакинскому рахтарному старшине право физически расправляться с русскими купцами в случае отказа от уплаты пошлин. В то время как Русское государство стремилось полностью взять в руки инициативу владычества на Каспийском море, действия бакинских ханов, были направлены против неравных условий торговли и являлись ничем иным как актом самоутверждения.

Как явствует из архивных документов, бакинские купцы, в свою очередь, претерпевали злоупотребления со стороны русских чиновников в Астраханской таможне. По некоторым данным в 90-х годах в Астрахани на корабле были убиты шесть бакинских купцов, а имущество их разграблено, а купец по имени Раджабали Бабаев был избит и ограблен на сумму 14600 руб., которая была собрана им у других бакинских купцов. Последние обратились к хану с жалобой и потребовали возвращения этих денег.²⁴⁶ Кроме того, в Астраханской таможне были конфискованы имущества и товары азербайджанских купцов, в том числе четырех бакинских, а сами они 6 месяцев были задержаны в Астрахани. Там же были конфискованы принадлежавшие матери Гусейн-Гулу-хана товары, а именно: 8 пудов красной краски, 2 штуки суконной одежды, 50 шкур, 30 аршин английской тафты, 500 голландских червонных и 70 штук импералов, на сумму 6000 руб.²⁴⁷ И все это, естественно, не могло не отразиться на отношении Гусейн-Гулу-хана к Русскому государству, при этом еще более ущемляя интересы русского купечества и увеличивая размер взимаемых с них пошлин в Баку. И, наконец, в 1799 г. произошел крупный инцидент с русским купцом Ивохиным, сообщавшему в своем прошении комагшующему отрядом военных судов на Каспии капитан-лейтенанту Мочакову, что по приказу Гусейн-Гулу-хана он был избит палками и у него отобрана в счет пошлин колоссальная сумма - 10995 рублей, а у купца Григорьева - 4350 рублей.²⁴⁸ Дело в том, что по приказу Мочакова Ивохин отказался выплатить бакинскому хану требуемую им сумму за погрузку товаров на судно, в связи с чем деньги были взяты у него насильно. Действия бакинского хана вызвали негодование русских купцов, обратившихся к капитан-лейтенанту Мочакову с просьбой о защите. До разрешения этого вопроса он на время поместил русских купцов, кроме находившегося под стражей Ивохина, на судно Никиты Калусгова. Через 20 дней после освобождения Ивохин вновь обратился к Мочакову с просьбой помочь ему в возврате отобранной у него Гусейн-Гулу-ханом суммы. Гусейн-Гулу-хан в ответ на обращение Мочакова обвинил самого Ивохина в случившемся, объяснив, что тот на корабле крюком ранил одного из бакинских подданных. За что он по их закону должен быть задержан до тех пор, пока раненный не выздоровеет. В противовес Гусейн-Гулу-хан упомянул дербентского купца Ага Гусейна, который, находясь в Астрахани, убил своего слугу и за это находился целый год под арестом и заплатил 5 тысяч рублей штрафа.²⁴⁹ Более того, как выяснилось из письма Гусейн-Гулу-хана, отправленного в 1800 г. с посланником Мирза-Гади-беком в русский двор, понесенные Ивохиным убытки были сильно преувеличены и не превышали 3070 руб.²⁵⁰ В конечном итоге, в результате переписки с представителями русских властей была признана вина не только Ивохина, но и других русских купцов, которые «по мере выгод своих прибегают то к покровительству наших (российских - М.И.) начальников, то самых персидских владельцев». Мочакову же был объявлен выговор за «несправедливый рапорт» об нанесенных бакинским ханом убытках.²⁵¹

Однако русское правительство, исходя из собственных интересов, рассматривало данный инцидент как «нанесенное достоинству империи оскорбление».²⁵² Поэтому она решила наказать Гусейн-Гулу-хана Бакинского, отказавшегося удовлетворить предъявленные к нему претензии. В этой связи русское правительство отозвало из Энзели в Баку своего консула Скибинева для урегулирования конфликта.

22 января 1800 года прибывший в Баку русский консул Скибиневский приступил к выполнению своей миссии. Кета-] ти, будучи еще в Энзели, он в письме к бакинскому хану советовал разрешить все претензии русских купцов, которым в противном случае будет запрещено входить в бакинский порт, «и следовательно пресечется с Бакою торговля более для него пользы приносящая нежели для Россиян...»²⁵³ Тем самым консул стремился надавить на «тонкое место» Гусейн-Гулу-хана Бакинского, прекрасно понимавшего последствия данного акта. Безусловно, Русское государство никогда бы на это не пошло. Россия, прибегнув к дипломатическому маневру, стремилась лишь упрочить свои экономические и политические позиции в закавказском регионе. Разбирая порученное ему дело М.Скибиневский даже отказался от мысли об обращении к иранскому правителю Фатали-шаху, который естественно, добился бы разрешения этого вопроса в пользу русских купцов, однако это означало признание Россией Фатали-шаха «верховным властелином» над азербайджанскими ханами,²⁵⁴ что также противоречило интересам России. Старания консула были безуспешны, и в конечном итоге не обошлось без военного конфликта. По приказу Павла I в Баку был отправлен специальный эскадрон под командованием капитан-лейтенанта Мочакова, который по предложению консула 6 февраля 1800 года открыл с корабля «Кизляр» огонь по городу. А сопротивление жителей вызвало пальбу и с фрегата капитан-лейтенанта

Немидова, которому Мочаков приказал подойти ближе к городу в целях безопасности русских купеческих судов. Только после залпа русских пушек Гусейн-Гулу-хан вынужден был удовлетворить хребования русских купцов. Кроме того, бакинский хан принял продиктованные консулом Скибиневским условия обращения с русскими купцами и дал письменное обязательство об ограждении их от дальнейшего притеснения, и впредь быть с ними справедливым.²⁵⁵ В свою очередь, как явствует из рапорта в Государственную Коллегию Военных дел от 11 марта 1800 года, консул Скибиневский считал целесообразным, чтобы начальники воевших судов открывали действия в защиту хана только с согласия консула для соблюдения выгод торговли российского купечества, а «ноипаче безопасности онаго в других городах соседних Бакинскому хану, и во вражде с ним надящихся».²⁵⁶ Естественно, ни о какой защите Гусейн-Гулу-хана Бакинского со стороны российского правительства не могло быть и речи. Россия руководствовалась сугубо своими экспансионистскими интересами в данном регионе и военный инцидент является тому подтверждением.

Применение военной силы односторонне защищало интересы русского купечества в регионе. Бакинский хан обязывался не брать денег за провоз товаров. Все договоры между местными и русскими купцами считались действительными только после утверждения их представителями русских властей. А спорные вопросы должны были решаться на основе российских законов.²⁵⁷ Весной 1800 года в Петербург был отправлен посланник Гусейн-Гулу-хана Мирза-Гади-бек с просьбой о покровительстве. Наряду с этим, в записке, составленной послом на основе письма Гусейн-Гулу-хана и доставленной в русский двор 29 марта 1801 года, значительное место отводилось и вопросам урегулирования торговых отношений Бакинского ханства с Россией. Записка состояла из 12 пунктов, в которых были указаны сумма и количество товаров, конфискованных и ограбленных в Баку как в период Пребывания русских войск во главе с Зубовым, так и в Астра-Ханской таможне.²⁵⁸

Вызывает большой интерес составленное от имени Александра 1 С.Лашкаревым и состоявшее из 12 пунктов Письмо, в котором были ответы на претензии Гусейн-Гулу-хана. Так, Астраханскому губернскому правлению было дано указание удовлетворить жалобу бакинского жителя Раджабали Бабаева, об избиении и ограблении которого говорится в 4 пункте. В отношении четверых же бакинских купцов, товары и деньги которых были конфискованы в Астрахани (5 пункт), было вынесено решение о частичной выплате им из казны денег, поскольку их товары по российским законам не подлежали свободному торгу.

Начальнику Астраханской таможни было дано указание возратить товары, конфискованные у матери Гусейн-Гулу-хана «из уважения к родителям хана», а деньги, также ей принадлежавшие были возмещены из государственной казны (6 пункт). Важными являлись 8, 9, 10, 11 пункты. В ответ на жалобу Гусейн-Гулу-хана о том, что русский консул и начальник флота не разрешают собирать с русских купцов пошлину, взимаемой издавна в Баку с провозимых товаров, русское правительство дало разрешение «пошлину собирать в Баке оставить по прежнему с тех товаров, кои там продаваться имеют» (8 пункт). Российское правительство согласилось и на вывоз из Астрахани в Баку «строеного леса», так как «Бакинская провинция не имеет лесов и прочат, и жители употребляют оное из Астрахани доски, бревна и т.д.» (я пункт). В 10 пункте записки Мирзы-Гади-бека содержалась жалоба Гусейн-Гулу-хана о запрете нанимать русские суда для перевозки товаров, «тогда как купцы бакинские издревле нанимали» их. Указанный бакинским правителем факт, очевидно, имел место в период конфликтов между бакинскими и русскими купцами. В соответствующем пункте письма С.Лашкарева дается положительный ответ русского правительства. В ответ на жалобу Гусейн-Гулу-хана о невозвращении бакинским жителям взятых по векселю товаров, царское правительство дало предписание астраханскому губернатору возратить им или товары, или возместить деньгами (11 и 12 пункты).²⁵⁹ Наряду с этим необходимо обратить внимание на сам тон ответного письма, который можно объяснить заинтересованностью Русского государства в Азербайджане и в частности в Бакинском ханстве с центром в Баку, являвшимся выгодным и необходимым звеном в той цепи, по которой российская промышленность получала сырье из Азербайджана, а сюда поставляла готовые изделия. Однако отношения между бакинским ханом и Русским государством так и не урегулировались. В 1801 г. братом бакинского хана были разграблены товары русских купцов с судна «Санкт Иоанн» индийского купца Мугундаса Терендасова, выброшенного бурей на берег во владениях бакинского хана вблизи селения Кюрдахана.²⁶⁰ Данный инцидент послужил поводом к подписанию в апреле 1802 года нового соглашения между Гусейн-Гулу-ханом и консулом Скибиневским о защите прав русского купечества. Данное соглашение состояло из 5 статей, в одном из которых предписывалось бакинскому хану об оповещении русского правительства о выброшенных на берег судах, при этом никто не имел права «коснуться ни до судна, ни до судовых припасов; ни до купцов, ни до товаров». В свою очередь, жители в этом случае были обязаны «держат у него (судна - М.И.) караул, пока консул не даст распоряжение о его спасении»; и даже один из пунктов договора заключался в непрерывности его действия в случае

замены как консула Скибиневского, так и Гусейн-Гулу-хана Бакинского.²⁶¹ Однако уже в августе 1802 года Скибиневский в рапорте генерал-лейтенанту Кноррингу сообщал, что Гусейн-Гулу-хан не собирается требовать похищенные товары у бакинских беков, что «сноснее для него (Гусейн-Гулу-хана - М.И.) лишиться владения от сильной, но посторонней руки, нежели от своих людей... А выгоды от стечения купечества и судов в Баку, доходы от нефти и соли доставляют ему жизнь беззаботливую».²⁶²

Притеснение русских купцов в Баку и взимание с них дополнительных пошлин отражалось на торговле бакинских купцов в русских городах. В Астрахани с них взимались дополнительные пошлины, что вызывало их недовольство. Как явствует - из архивного документа «Перевод прошения высокому министерству его императорского величества от нижайших купцов», азербайджанские, в том числе и бакинские купцы «Бабаали Ширванской, Эшреф Бакинской, Реджеб Али Бакинской, Невруз Сальянской» и другие полгода не могли вывезти свои товары из Астарахани.²⁶³

Кстати, говоря о таможенных пошлинах отметим, что нам не удалось обнаружить какую-либо определенную систему взимания пошлин в Бакинском ханстве за все время его существования. Так, если в 70-х годах XVIII в. за каждый мешок товара, независимо от содержимого, в таможене взыскивалась пошлина в размере одного аббаси, а с каждого тулука бакинской нефти - по пол-аббаси,²⁶⁴ то в письме Гусейн-Гулу-хана Бакинского, отправленном через посланника Мирза-Гади-бека в Петербург в 1800 г., констатируется, что издавна в Баку с провозимых товаров платили «с каждой кипы хотя бы она была в 10 или 20 пуд и какой бы товар ни был, не более как от 1 руб. 5 коп. до 5 руб. 5 коп»²⁶⁵

Чтобы иметь наглядное представление о рахтарньп сборах приведем составленную в 1802 г. консулом Скиби-иевским и хранящуюся в АВПР и ЦГВИА «Ведомость с каких товаров и почему в Баке вообще платят все (местные - М.И.) купцы пошлину или рах тар хану».²⁶⁶

<i>С каких товаров</i>	Сколько рубли	Пошлин копейки
С таи или связки шелку, из шерсти - пуд	1	70
С таи сукна	5	22
С бочки семени канцелярного - до шести пуд	5	22
С бочки олова	2	40
С мешка брусковой краски - шесть пуд	5	22
С двадцати пуд железа полынаго		25
С таи бумаги пишеи	1	5
С таи холста	2	89
С таи юфти	2	40
С мешка чернильных орехов и марены - восемь пудов		20
С таи парчевого товару, так же и с таи бурметеи или бязен	1	7
С сундука с товарами стальными или железными или с чем бы то ни было	1	27
С ящика свеч	1	60

Как видно, пошлины были умеренными, и почти соответствовали сведениям Гусейн-Гулу-хана.

Примечательно, что эта ведомость была составлена неслучайно. Указывая на огромное количество различных пошлин в каждом из азербайджанских ханств, препятствовавших развитию нормальной торговли, Скибиневский считал, что взимаемые в Баку пошлины, «как самые умеренные», были приемлемы и для других областей. Более того, Скибиневский даже сравнивал указанные пошлины в Баку с пошлинами, взимаемыми в иранских городах, в частности, в Энзсли, где они были тягостнее, так как составляли 5% с рубля. Исходя из вышеизложенного, в своем представлении в Государственную Коллегию Иностранных дел он просил, что если нет возможности освободить российских купцов от платежа пошлин вообще, тогда они платили бы только согласно составленной им ведомости.²⁶⁷

Именно умеренность размеров указанной в ведомости пошлины явилась основополагающим 8 статьи Георгиевскою договора (1802 г.), согласно которой она должна была взиматься с торговых товаров о;тинаково на территории всех союзников,²⁶⁸ хотя представители Бакинского ханства и не участвовали в заключении самого договора. Однако местные власти в Бакинском ханстве продолжали

нарушать условия взимания пошлин, увеличивая их размеры в свою пользу, что вызывало недовольство местных и приезжих купцов.

Наряду с этим отсутствие единой денежной системы, системы мер и весов являлось барьером на пути нормального ведения и развития торговли. В Баку, Гяндже, Шеки и других крупных городах Азербайджана, чеканилась собственная монета. Медная монета с надписью «Чекан Бадкубе», найденная при археологических раскопках в 1945 г. в Баку и относящаяся к концу XVIII в. или нач. XIX в., является ярким тому Подтверждением.²⁶⁹ Здесь, как было отмечено, имелся монетный двор - зарраб-хана, принадлежащий хану, который зачастую за крупную сумму отдавал его на откуп. В Баку монетный двор отдавался на откуп на годичный срок примерно за 5 или 6 тыс. руб.²⁷⁰

Основной денежной единицей в Бакинском ханстве был аббаси, но в обращении имелись и российские серебряные рубли, российская золотая монета, медные и серебряные гроши, иранские туманы, голландские червонцы, а также аббаси соседних ханств.²⁷¹ При этом монета, являвшаяся основной денежной единицей данного ханства, на рынках другого ханства принималась ниже своей стоимости или вообще браковалась. «Как скоро из одного ханства в другое придешь, - читаем мы по этому поводу у Гмелина, - так скоро изъян в привозных деньгах будет».²⁷²

Из-за сложности денежного обращения нередко сами ханы занимались подделкой монет любого качества, поэтому в течение XVIII в. полноценной монеты в обращении не было.²⁷³ С.Гмелин писал о наличии фальшивых денег «В Шемахе, Дербенте и Баке деньги суть все сплошь подделанные. Там в новом абаесс по сушей оценке серебра едва ль на 8, а в полтине едва ль на двадцать на две копейки будет. Поэтому, что все персидския серебряныя деньги делаются малы и толсты, то сверху и снизу наложенный серебрянныя бляшки удобно в середине голуу медь скрывать могут».²⁷⁴

Поскольку в Баку аббаси был самого низкого качества, приезжие купцы зачастую меняли свои товары на нефть, с которой и отправлялись далее в Иран. А там уже на вырученные от продажи деньги покупали шелк-сырец и прочие товары и возвращались либо в Баку, либо обратно к себе. Также их товары менялись «по большей части на шемахинский шелк и на другие тамошние мануфактуры», что подтверждается русским консулом Скибиневским, который в своем донесении о состоянии торговли и денежном обращении в прикаспийских городах особо отмечал, что поскольку в Баку в обороте была ширванская монета по стоимости ниже гилянкой и российской, то русские купцы, променяв свои товары на нефть, отправлялись в Энзели, где продавали ее на гилянскую серебряную или золотую монету, покупали шелк, бумагу, шелковые материи, коленкоры, занавеси и т.п.²⁷⁵

Кроме того, в Бакинском ханстве при купле и продаже часто возникали споры из-за отсутствия единства мер и весов. По выражению К.Вороневича-Бассанцева, каждый житель «измеряет везде и все, как говорится, на свой аршин».²⁷⁶ В Баку на рынке кроме местных весов пользовались русскими весами и мерами.²⁷⁷

Таким образом, относительный экономический подъем, наблюдаемый во II половине XVIII в. в Азербайджане, сказался и на хозяйственной жизни Бакинского ханства. В это время наблюдались относительный рост нефтедобычи на Апшероне и развитие торговли (особенно внешней и транзитной), в которой активное участие наряду с местными купцами принимали купцы из России, Индии, Ирана, Средней Азии, Дагестана и Южного Кавказа. Наличие удобного бакинского порта способствовало расширению торговых отношений Азербайджана как с Южным Кавказом и Россией, так и с западноевропейскими и восточными странами. Предметы собственно торговли Бакинского ханства - нефть, соль, шафран - пользовались большим спросом на международном рынке.

Во II половине XVIII в. Бакинское ханство, расположенное на волжско-каспийской магистрали, было одним из центров русско-восточной торговли на Каспии. В исследуемый период торговые взаимоотношения Бакинского ханства с Россией, несмотря на ряд препятствовавших их развитию факторов, оставались стабильными, а сам город Баку продолжал играть главенствующую роль в каспийской торговле, являясь мостом в торговле России со странами Ближнего и Среднего Востока.

ГЛАВА III

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

Как известно, развернувшаяся в Азербайджане народно-освободительная борьба против деспотизма Надир-шаха привела к образованию во II пол. XVIII в. самостоятельных ханств, в том числе и Бакинского. Следует отметить, что данный регион, отличавшийся своими богатыми природными ресурсами и военно-стратегическим положением, был яблоком раздора между Ираном, Россией и Турцией. Именно соотношение указанных экспансионистских сил в I половине XVIII в.¹ не позволяло азербайджанскому народу и правителям выйти из состояния глубокого политического кризиса и прежде всего освободиться от иранского господства. Вот почему не только падение Иранского государства, но и занятость России собственными делами и ослабленность Турции сыграли на руку и создали благоприятные условия, которыми воспользовался также и бакинский Мирза Мухаммед для образования независимого государства.

Постоянные междоусобицы, и без того раздираемые Иранское государство, после смерти Надир шаха еще более усугубились кровопролитной борьбой за шахскую власть.² Претендовавшие на шахский престол различные иранские правители, стремились подчинить себе азербайджанские ханства, в том числе и Бакинское.

Основатель Бакинского ханства Мирза Мухаммед-хан, добившись независимости, предпочел заняться экономическими делами ханства и вовсе не собирался вновь подчиниться иранскому господству. Поэтому в сложившейся обстановке ожесточенной феодальной борьбы за власть он занял позицию лавирования между отдельными шахскими претендентами. В частности, так он поступил в отношении соперничавших между собой утвердившегося на шахском престоле под именем Адиль-шаха Алигулу-хана Афшара и двоюродного брата Надир-шаха Амир-Аслан-хана.

Последний решил создать независимое от Ирана Азербайджанское государство с центром в Тебризе и приказал всем феодальным правителям Азербайджана не подчиняться Адиль-шаху. Следует указать, что если в Южном Азербайджане Амир-Аслан-хану удалось добиться ряда успехов, то североазербайджанские правители, в том числе и бакинский хан, вначале отказались признать его власть. Однако позже некоторые, в том числе «Баку и Дербент ему послушными себя объявили» и отправили к нему своих посланцев.³

Вместе с тем азербайджанские правители ни в коей мере не хотели терять кровью добытую независимость и потому отклоняли притязания иранских претендентов.

В 1748 г. сменивший на троне Адиль-шаха его брат Ибрагим одержал победу над Амир-Аслан-ханом и также стремился подчинить североазербайджанские ханства.

Когда Ибрагим-шах в 1749 г. потребовал от азербайджанских правителей к себе на службу 10 тысяч человек военных, бакинский Мирза Мухаммед-хан отказался выполнить это условие, за что шах разжаловал его в суд ханы, не имея на это никаких юридических прав, и «повелел ему быть в команде у шемахинского губернатора».⁴ Даже такая угроза не поколебала позицию бакинского хана, который, не считаясь с фирманом шаха, приготовился к обороне против Ибрагим-шаха.⁵

Действия бакинского хана косвенно нашли поддержку со стороны некоторых азербайджанских ханов, в том числе Гусейн-Али-хана Губинского, Гаджи Челеби Шекинского, Сафар-Али-хана Сальянского, которые общими усилиями решили наказать Гаджи Мухаммед-Али-хана Шемахинского, единственно признавшего Ибрагим-шаха правителем. К ним примкнул и отложившийся от Ибрагим-шаха его военный начальник Шамсадин Ахмед. Однако, когда их войска осадили Новую Шемаху, Мухаммед-Али-хану была оказана Ибрагимшахом военная помощь. Шемахинского хана поддержал также враждовавший с губинским ханом дербентский правитель, который неожиданным ударом разбил объединенные силы союзников во главе с Шамсадином Ахмедом, которые обра, тились в бегство.⁶

Следует отметить, что, несмотря на поражение, этот альянс азербайджанских феодалов, носивший позитивный характер, подтвердил стремление бакинского и других ханов Северного Азербайджана сохранить суверенитет, что стимулировало их на дальнейшую борьбу с шемахинским ханом.

На этот раз ханы собрали значительное войско: под началом Панах-Али-хана Гарабахского было три тысячи пятьсот человек, Гаджи Челеби Шекинского - тысяча пятьсот человек, Гусейн-Али-хана Губинского - шестьсот человек, Мирза Мухаммед-хана Бакинского - четыреста человек, Сафар-Али-хана Сальянского - пятьсот человек и габалинского султана Аги Мовлана - тысяча человек. Объединенные войска двинулись в сторону Новой Шемахи, куда с пятитысячным войском прибыл и Ахмед-хан Шахсеванский, отмежевавшийся от Ибрагим-шаха и намеревавшийся после взятия Шемахи объявить себя шахом. После восьмидневной осады крепости Агсу шемахинцы вынуждены были сдаться. В качестве контрибуции шемахинцы «отдали три тысячу тем ханам явно денег, а три тысячу тайно дали

Аджи Челеби», сильнейшему из ханов. Кроме того, они принесли присягу не служить Ибрагим-шаху и не быть у него в подданстве.⁷

Вместо Мухаммед Али правителем Новой Шемахи был назначен некий юзбаша,⁸ а в городе оставили до 100 человек войска Гаджи Челеби.⁹ Очевидно, верховенство Гаджи Челеби в этой борьбе не устраивало некоторых азербайджанских ханов. Поэтому, бакинский хан перешел на сторону Ахмед-хана Шахсеванского, выступившего в том же 1749 г. против Гаджи Челеби Шекинского и Сафар-Али-хана Сад льянского. Но сражение закончилось неудачно для бакинского хана, который еле спасся бегством, а Ахмед-хан был убит.¹⁰

Вскоре после этих событий Ибрагим-шах был убит внуком Надир-шаха Шахрухом.¹¹ Шахрух также как и все его предшественники стремится покорить североазербайджанский ханства, о чем он открыто писал картлийскому царю Теймуразу II. Кстати, бакинский Мирза Мухаммед-хан вкуче с другими азербайджанскими правителями изъявили желание быть в послушании у картлийского царя Теймураза II, обещавшего защищать их в случае острой борьбы различных группировок за иранский фон. Поэтому в 1750 г. Теймураз II отправил бакинскому Мирза Мухаммед-хану, как и некоторым другим ханам, копии указа о принятии Шахрухом шахского престола и о требовании верноподданнического служения ему. В знак протеста ханы разорвали эти копии и «везде была пушечная стрельба».¹²

В таких условиях учитывая экономические и военные возможности ханства и желая уберечь его от иранского разорения и порабощения, бакинский Мирза Мухаммед-хан решил заручиться поддержкой более сильного соседа - России. С этой же целью он оказывал почести русскому ротмистру А.Черкасскому как представителю Русского государства. Бакинский хан посоветовал посетившему его владение Черкасскому не ехать в Решт в связи с походом Шахрух-Мирзы против Ибрагим-шаха.¹³ Черкасский оставался на Апшероне, и даже подарил бакинскому хану два хорьковых меха и двух соболей.¹⁴

Стремясь обрести в лице России сильного союзника, бакинский Мирза Мухаммед-хан обратился к ней за помощью, отправив в конце 1749 года в Астрахань своего посла Гаджи Фехима с просьбой к астраханскому губернатору о присылке муки и чтобы «...его императорское величество соизволило бы признать его хана своим верноподданным и над Баку оберегателем».¹⁵

К сожалению, мы не располагаем сведениями относительно результатов этого посольства, однако обращение бакинского хана к России объяснялось прежде всего намерием Гаджи Челеби передать «Персидское государство (Азербайджан - М.И.) в том числе Баку Турецкому государству».¹⁶ Наряду с этим Мирза Мухаммед-хан не отказывался стать верноподданным России в случае, если в Иране не будет шаха, в то же время не исключал, что «склонен к персидской стороне и кто действительно шахом утвердится па-мерен он ему служить»¹⁷, тем самым ясно показывая умение лавировать между Россией и Ираном в целях сохранения суверенитета Бакинского ханства.

После образования самостоятельных ханств в середине XVIII в. междоусобные распри среди феодальных правителей Азербайджана еще более усилились, что пагубно влияло на жизнь страны в целом и каждого ханства в отдельности, распыляло силы народа, уводя от борьбы против внешней опасности. В результате на территории Азербайджана в середине XVIII в. выделились наиболее сильные ханства - Шекинское, Гарабахское и Губинское, правители которых постоянно сражались за земли, города и политическое господство как между собой, так и с правителями других ханств. В обстановке усилившихся междоусобных распри среди азербайджанских ханов Мирза Мухаммед - глава небольшого маломощного Бакинского ханства - не имея достаточной военной силы, в целях сохранения независимости вынужден был примыкать то к одному, то к другому феодальному правителю, лавируя между ними. Так, в 1753 г. в Астрахань был отправлен поверенный губинского Гусейн-Али-хана Гасан Гаджи Имангули-ев с просьбой о помощи против Гаджи Челеби Шекинского. В числе союзников губинского хана был назван и Мирза Мухаммед-хан Бакинский, которые были готовы "Ея Императорскому Величеству служить и во всем что какое от Ея Императорского Величества повеление будет исполнять».¹⁸

Следует отметить, что феодальная раздробленность мешала централизации власти под эгидой одного из наиболее сильных правителей и вместо того, чтобы объединиться, азербайджанские ханы, к сожалению, руководствовались лишь своими эгоцентристскими стремлениями к единовластию и в борьбе друг с другом прибегали к помощи сильного союзника, каким в данном случае была Россия. А чтобы склонить последнюю на свою сторону, азербайджанские ханы в своем обращении сознательно акцентировали внимание на помощи, якобы оказанной Гаджи Челеби со стороны турецкого султана.¹⁹

Двойственность в политике азербайджанских правителей, лавирование между сильными государствами были направлены, как бышо сказано, на сохранение самостоятельности. В подтверждение этого достаточно показать, что гу-бинский хан сам незадолго до этого вместе с Гаджи Челеби

отправляли своих людей к турецкому султану с просьбой о присылке войска для взятия будто принадлежавших им городов Дербент и Баку, за что в свою очередь обещали помочь в передаче этих городов Турции.²⁰

Среди рассмотренных архивных документов мы не обнаружили ни одного факта о связях Мирза Мухаммед-хана с Турцией, которая, в свою очередь, несмотря на обострение её противоречий с Россией, не упускала из поля зрения азербайджанские ханства.

Вместе с тем Гаджи Челеби Шекинский отправил бакинскому хану своего юзбаша с требованием помочь войскам в борьбе его с грузинским царевичем Ираклием, и в случае отказа грозился даже начать с ним войну.²¹

С целью укрепления своего ханства Мирза Мухаммед-хан прибегнул также к брачной дипломатии. В 1756 г. он посватал своего сына на дочери Ахмед-хана Шахсеванского, на которой однако женился сальянский Ибрагим-хан рудбарский, воспользовавшись смертью Ахмед-хана. Из-за этого Мирза Мухаммед-хан решил воевать с сальянским ханом и даже сделал два больших киржима для переправы через Куру.²² Мы не располагаем сведениями о результатах этого похода, видимо, он не состоялся, так как в 1757 г. сын Гусейн-Али-хана Губинского Фатали со своим войском напал на Сальянское ханство, изгнал Ибрагим-хана и присоединил Сальян к Губе.²³

Наблюдаемая в действиях бакинского хана двойственность объяснялась исключительно интересами защиты Ханства от каких-либо посягательств, сохранения его самостоятельности.

В 1757 г. претендовавший на иранский престол Мухаммед-Гасан-хан Гаджар стал угрожать независимости и ханств Северного Азербайджана. Перед лицом опасности Мирза Мухаммед-хан, с одной стороны, решив обороняться, послал в Гянджу к Шахверди-хану за мастером, чтобы отлить еще пушки «к пяти малым медным у него пушкам». А с другой, получив отказ от Шахверди-хана, принявшего сторону Мухаммед-Гасан-хана, бакинский хан задумал ехать к нему по вступлении в Шемаху «с повинною и умиловить его деньгами».²⁴ Более того, желая избежать столкновения на поле битвы, он наряду с другими азербайджанскими правителями отправил к Мухаммед-Гасан-хану своего посланца Гаджи Абдул Али с подарком.²⁵ Однако это не могло остановить агрессивные намерения Мухаммед-Гасан-хана. В ответ на заявление Мухаммед-Гасан-хана Гаджара о передаче ему во владение обещанных турецким султаном городов Шемахи, Баку, Губы бакинский хан вместе с другими ханами объявил: «...ежели де от турецкаго солтана они тем усилены будут то намерены писать в российскому Императорскому Двору почему де твердо надеются что в разорение отданы не будут».²⁶

Естественно, что ханы, в том числе и бакинский, стремясь защитить интересы своих ханств, в борьбе с иранским претендентом могли апеллировать к противоположной Ирану стороне - России.

Не получив ожидаемого подкрепления от азербайджанских владельцев, Мухаммед-Гасан-хан в том же 1757 г. решил начать поход в Азербайджан и двинул свои войска в сторону Гарабахского ханства. Однако вскоре под натиском объединенных сил азербайджанских ханов и грузинских феодалов вынужден был отступить.²⁷

Таким образом, перед лицом грозного завоевателя наряду с другими севроазербайджанскими ханствами была сохранена и независимость Бакинского ханства.

Судя по предупреждению Мухаммед-Гасан-хана Гаджара бакинского и других ханов Азербайджана о том, что «они могут ево для того впредь к себе ожидать, против которых и подлинно не оставит он (Мухаммед-Гасан-хан - М.И.) иногда употребить еще своего оружия, когда победит помянутых Керим-хана и Шейхали-хана Зендов...»,²⁸ становится ясно, что иранский претендент вовсе не отказался от покорения североазербайджанских земель.

Но в 1759 г. Мухаммед-Гасан-хан Гаджар был убит зендами, и победивший в междоусобной борьбе Керим-хан Зенд к 1760 году распространил свою власть на значительную часть центрального Ирана и намеревался покорить Азербайджан. Бакинский хан, который также, «колебался страхом от персического векиля Керим хана», в целях предосторожности приготовил в городе «довольное число артиллерии».²⁹ Однако Керим-хан Зенд не смог претворить в жизнь свои планы, так как против него поднялся бунт и выступил его брат Зеки-хан.³⁰

Сделаем некоторое отступление и отметим, что двойственность политики Мирза Мухаммед-хана ярко раскрывается и в тех архивных документах, которые относятся к раннему периоду его деятельности. Так, в них мы столкнулись с очень интересным фактом о том, что бакинский хан вместе с шемахинским и губинским ханами отказались быть в подданстве и у сына самозванца Сефи-Мирзы³¹ Аббас-хана, который писал им, «якобы он был в российской империи и от Ея Императорскаго Величества удостоен в персической области быть шахом» и будто в Персию «нарезено российского войска сорок тысяч», следовавшее «сухим» путем. В своем ответе Аббас-хану вышеназванные ханы отметили, что они «в послушании быть готовы» в том случае, если все сказанное действительно имеет место.³² В этом отношении привлекает внимание и письмо Мирза Мухамед-хана астраханскому губер-

натору Брылкину от 1750 года, где сообщается, что бакинский хан хотел заполучить один бот англичанина Эльтона, «но Эльтон зато жителям бакинским грабежи учинил, а тот бот назад к себе в Апшерон отнял».³³ Речь идет об агенте английской «Русской компании» Д.Эльтоне, оказавшем большие Услуги Ирану в судостроении и державшем несколько судов у апшеронских берегов.³⁴ Кстати, путешественник И.Я.Лерх во время своего второго путешествия видел около Баку 18-пушечный «шахский фрегат», построенный Д.Эльтоном.³⁵ Мирза Мухаммед-хан просил прислать из Астрахани три судна или дать указ командирам прибрежных кораблей помочь в поисках Эльтона, мотивируя тем, что он «обоим соседственным монархиям не полезен и чрез такую поплеку его поступки искоренить».³⁶ Обращение бакинского хана в поисках Д.Эльтона к России имело свою мотивировку. Как известно, Мирза Мухаммед был обер-адмиралом персидского флота при Надир шахе и начальником судостроительных работ в Лангеруте, где находилась судовая верфь Дж.Эльтона. Став основателем Бакинского ханства, он заботился о его благоустройстве и считал себя независимым от Ирана и полномочным хозяином упомянутого бота. Поэтому Мирза Мухаммед-хан утверждал, что «он Бакинской хан от бывшего персидского шаха Надыря учрежден над персидскими морскими судами адмиралом и тот бот строен людьми персидскими под ево хана смотрением и затем оной, Бот принадлежит ему хану...»³⁷

Будучи же главой слабого в экономическом и военном отношении ханства Мирза Мухаммед-хан обратился к России как заинтересованной и враждебной Ирану стороне, тем более что он наверняка, был знаком с указом от 23 ноября 1746 года, согласно которому английским купцам запрещались проезд в Иран и пересылка товаров через территорию России.³⁸ А с другой стороны, бакинский хан не прочь был занять в лице России союзника не только в поисках Эльтона, но и в дальнейшем сохранении независимости Бакинского ханства в его борьбе с иранскими претендентами, тем более, что в 1749 г. им уже была сделана заявка по этому поводу, да и в гавани Баку стояло 6 российских кораблей, из них 3 военных и 3 купеческих судна.³⁹

Следует отметить, что еще во время пребывания русского посольства в Иране князь Голицын в разговоре с бакинским ханом презрительно отзываясь о капитане Эльтоне, подчеркивал, что «он (Эльтон - М.И.) ничего не понимает и окажет шаху плохую услугу».⁴⁰ Находившийся же в составе посольства врач И.Лерх сообщал, что «Россия была совершенно недовольна фактом постройки персидских кораблей и охотно воспрепятствовала бы этому».⁴¹ Примечательно, что в 1748 г. из Петербурга в Астрахань был отправлен секретный указ об уничтожении персидских судов Эльтона. Тем не менее 30 марта 1751 года бакинскому хану было отказано в его просьбе. Астраханский губернатор Брылкин, на которого была возложена эта задача, обязан был ответить Мирза Мухаммед-хану, что «...в Астрахани для употребления в такую посылку удобных казенных морских судов нет и что приходящих к берегам персидским судовых командиров, которые с купецкими товарами тамо обращаются употреблять не надежно, для того, что те суда купецкия, а не военные и вооружения такова что к поискам и поимке потребно не имеют...»⁴² Однако, этот отказ Брылкина по указанию Коллегии Иностранных дел должен был прозвучать «с приласканием что вы (т.е. Брылкин - М.И.) с своей стороны охотно ему в том вспомоществовали, токмо не в состоянии к тому находитесь».⁴³

Очевидно, Россия не желала, чтобы тайное стало явным. К тому же, зная об участии Мирзы Мухаммед-хана в персидском судостроении, российское правительство не было уверено в его дальнейших действиях и в данный момент не хотела обострения отношений ни с Англией, ни с Ираном. Тем более, что в сложившейся ситуации России нечего уже было опасаться дальнейшего расширения кораблестроения в Иране. По сообщению Лерха, «после смерти шаха дело (кораблестроение - М.И.) затормозилось, и персы застрелили Эльтона...»⁴⁴ Вместе с тем, российское правительство не хотело лишать себя добрососедских отношений с бакинским ханом, таким образом стремясь закрепить в бассейне Каспийского моря. В подтверждение этому 26 мая 1753 года в Азербайджан был отправлен поручик Ф.Баратов с целью выяснения состояния всей Персии. В течении месяца он оставался в Баку, где ему были оказаны всяческие почести. В то же время бакинский хан просил у Ф.Баратова русского протектората, уверяя, что «...никому одного города (Баку М.И.) кроме Ея Императорского Величества не отдаст всеусердно и ревностно служить Ея Императорскому Величеству всероссийской».⁴⁵ В свою очередь, Ф.Баратов обнадежил бакинского хана, чтобы он «всегда благонадежен был на высочайшую Ея Императорского Величества милость и по ево хана службам от Ея Императорского Величества никогда оставлен быть не может».⁴⁶ Даже бакинский правитель говорил Баратову о своем нежелании подчиниться и служить ни у одного из ханов и шахов Персии, при этом отправив вместе с другими ханами на поклон своего посланца к Адиль шаху⁴⁷ и даже собирался подчиниться находившемуся при губинском Гусейн-Али-хане якобы «родственнику шаховской породы» под именем Мирза, если тот «возьмет собою Испогань и золотую мечеть и все персидское государство».⁴⁸

Таким образом, если Россия пыталась лестными обещаниями налаживать связи с бакинским ханом ради главной своей цели, то стремление сохранить независимость Бакинского ханства и уберечь его от посягательств толкало Мирза Мухаммед-хана вести двойственную политику.

Начиная с 50-х годов XVIII в. окрепшее Губинское ханство начало борьбу за расширение своей территории. Возглавлявший эту борьбу Фатали-хан Губинский ставил своей целью объединение азербайджанских земель в едином государстве. Именно благодаря его умелой политике уже к 1760 году к Губинскому ханству были присоединены Сальян (1756 г.) и Дербентское ханство (1759 г.).⁴⁹ После покорения Дербента⁵⁰ Фатали хан Губинский устремил свой взор на Бакинское ханство, имевшее для Губинского ханства важное значение как в торгово-экономическом, так и в военно-стратегическом отношении. Кроме того, учитывая тот факт, что Бакинское ханство было связующим звеном между Азербайджаном и другими странами каспийского побережья, прежде всего Россией, Фатали-хан стремился превратить Баку с его богатствами, удобной для торговли гаванью на Каспии в опору осуществления своих политических планов. Следует отметить, что к этому времени Бакинское ханство находилось в номинальной зависимости от Фатали-хана, о чем свидетельствует ряд документов, в том числе и сообщение русского консула Игумнова, писавшего, что бакинский Мирза Мухаммед-хан «ежегодно под видом презентов, что охраняет (Фатали-хан - М.И.) весь тамошний край от нападения лезгинцев», посылает губинскому хану от 8 до 10 тысяч рублей.⁵¹ Наряду с этим бакинский хан с целью иметь поддержку сильного союзника в лице Фатали-хана Губинского принимал участие в его военных операциях. В 1765-1767 гг. губинские власти развернули активные действия против Шемахинского ханства, что тяжело отражалось на внутренней жизни и торговле Азербайджана. Война мешала передвижению купцов по караванным путям между Баку и Шемахой. Бакинский хан, поддерживавший политику губинского владетеля, запретил въезд шемахинских купцов в Баку. В 1767 г. с целью покорения Шемахинского ханства бакинский хан вместе с губинским ханом участвовал в захвате крепости Муджи.⁵²

Чтобы успешно претворить в жизнь свою политическую платформу, Фатали-хан использовал брачную дипломатию. В 1766 г. Фатали-хан Губинский свою энергичную сестру Хадиджа-Бике, обещанную упмию Эмир-Хамзе Кара-кайтагскому, отдал в жены сыну бакинского Мирза Мухаммед-хана Мелик Мухаммеду, «учинив с ним письменное условие о всегданнем бытии в послушании губинскому хану, как к нему Фатали-хану, так и к преемникам его ханства».⁵³ Путем брачной дипломатии Фатали-хан благодаря властному и твердому характеру своей сестры⁵⁴ окончательно обеспечил зависимость Бакинского ханства от Губинского. С.Д.Бурнашев по этому поводу отмечал, что «по сему союзу (браку Хадиджа-Бике с бакинским ханом - М.И.) вошел он (Мелик Мухаммед-хан - М.И.) ...к нему (Фатали-хану - М.И.) в зависимость, ...и относится состояние его к Дербентскому хану (Фатали-хану - М.И.)».⁵⁵ Таким образом, если после завоевания Дербента бакинский хан опасался, что Фатали хан мог лишиться его фона подобно дербентскому хану,⁵⁶ то, заключив указанный союз, бакинский хан фактически признал себя зависимым от губинского хана и обеспечил надежность собственной власти.

Губинское ханство обязывалось и в дальнейшем защищать границы Бакинского ханства от внешних врагов, за что, по сведениям Гмелина, бакинский хан должен был платить Фатали-хану Губинскому годовую подать, «состоявшую в деньгах, съестных припасах и военных людях».⁵⁷

В 1768 г. Мирза Мухаммед-хан умер и бакинским ханом стал его сын Мелик Мухаммед-хан, который занимался государственными делами еще при жизни отца. Внутренние дела бакинского правителя шли в угодном исключительно Губинскому ханству русле, а о личности самого Мелик Мухаммед-хана сложились весьма противоречивые мнения. Так, у представителей русских властей о Мелик Мухаммед-хане были не совсем лестные высказывания. Они считали его «вовсе безнадежным оказать кому либо в чем удовольствия»,⁵⁸ а жестокость Мелик Мухаммед-хана будто даже могла привести к тому, что в Баку «не останется в живых от подвластных».⁵⁹ Думается, что все это было связано с недружелюбным отношением бакинского правителя к отдельным представителям русских властей, и в частности к российскому академику С.Г.Гмелину, в 1770 г. посетившему Баку с целью изучить экономическую картину прикаспийских областей и одновременно согласно секретной инструкции своего правительства собрать материал военно-политического характера. Неслучайно, что осмотр Гмелиным нефтяных колодцев Ап-шерона вызвал подозрение со стороны бакинского Мелик Мухаммед-хана, который установил за ним слежку, мотивируя это тем, что «...дозволили б России чужестранцу осматривать такие вещи...»⁶⁰ Хотя бакинского хана «удержали одни только законы учтивости» не отослать обратно подарки, преподнесенные Гмелиным, бакинский правитель не предоставил последнему жилья в черте города, и Гмелин поселился за городом на открытом месте. Как явствует из архивного документа, хан даже не позволил ему брать пресную воду из колодцев, в связи с чем Гмелин вынужден был уехать из Баку.⁶¹

По-видимому, это недоброжелательное отношение бакинского правителя стало причиной искаженных высказываний Гмелина в адрес Мелик Мухаммед-хана, который якобы “не в великой любви у подданных своих” находился.⁶² Однако, совершенно противоположную мысль мы находим у Ба-киханова, который характеризовал бакинского хана, как “справедливого и кроткого человека”.⁶³

Мелик Мухаммед-хан после своей женитьбы, будучи полностью зависим от Фатали-хана Губинского, сделался, по выражению Гмелина, “обретающимся под защищением Кубинского хана Князьком”.⁶⁴ Так, бакинский хан должен был по первому требованию Фатали-хана выставить войско, снабженное провиантом, во время военных действий явиться во главе своего войска к месту назначения, а также вынужден был беспрекословно выполнять его поручения, вплоть до содержания взятых губинским ханом в плен владельцев. Как известно, еще в 1765 г. Фатали-хан, овладев Дербентом, ослепил дербентского Мухаммед-Хусейн-хана и отправил его вместе с пятилетним сыном Али-беком сначала в Губу, а затем в Баку, к Мелик Мухаммед-хану, где он пребывал “в крайней бедности и в презрении” до самой смерти (1768 г.), а Али-бек оставался там до 1796 г.⁶⁵

Против усиления и расширения сферы влияний государства Северо-Восточного Азербайджана выступил горский владетель Нуцал-хан аварский. Начавшиеся в ноябре 1773 года и продолжавшиеся в 1774 г. бои на шемахинском плацдарме кончились поражением аварского хана, который действовал в союзе с бывшим Агаси-ханом Шемахинским. Несмотря на их поражение, Фатали-хан Губинский, учитывая поддержку аварского хана со стороны Ираклия II, решил начать переговоры о мирном разрешении вопроса. Но во время переговоров с аварцами акушинцы - союзники губинского хана убили Нуцал-хана аварского. При этом акте присутствовал и участвовавший в переговорах бакинский Мелик Мухаммед-хан, единственно кому удалось при помощи приближенных Фатали-хана спастись бегством.⁶⁶ В ответ объединенные силы текинского, гарабахского и бывшего шемахинского ханов и горского владетеля уцмий Эмир-Хамзы при активной поддержке Ираклия II в том же 1774 г. нанесли сокрушительный удар Фатали-хану на Гавдушанской равнине. Фатали-хан с остатками войска вынужден был укрыться в Сальяне.⁶⁷

После победы уцмий Эмир-Хамза, решив отомстить губинскому хану за отказ руки Хадиджа-Бике, пошел на Баку, однако взять крепость ему не удалось, поскольку бакинский хан оказал стойкое сопротивление. Уцмий Эмир-Хамза ограбил окрестности и возвратился в Кайтаг.⁶⁸

Губинский хан в своей политике по известной причине очень доверял бакинскому Мелик Мухаммед-хану, который почти всегда участвовал во всех переговорах. Так в начале 1779 года Мелик Мухаммед-хан был послан к Ибрагим-хану Гарабахскому для «заключения общей дружбы» с губинским ханом. Однако Ибрагим-хан, поставив под сомнение искренность миссии Мелик Мухаммед-хана, взял его в плен.⁶⁹ Но спустя два года он вынужден был освободить Мелик Мухаммед-хана, ибо, не дождавшись возвращения своего посланника, Фатали-хан, объединившись с войсками текинского, шемахинского ханов и шамхала Тарковского, отправился в поход на Гарабах «для выручки» бакинского Мелик Мухаммед-хана. Узнав об этом, Ибрагим хан отпустил бакинского хана, который в январе 1781 года вернулся в Баку.⁷⁰

В период отсутствия Мелик Мухаммед-хана Бакинским ханством управляла его жена Хадидже-Беке, которая, по сообщению русского консула Тумановского, прибывшего из Энзели в Баку, «... показывала... великую благосклонность и преданность к России и ... во всем ко удовольствию российских подданных отзывалась».⁷¹ Однако, как явствует из архивных документов, эта «благосклонность» была напускной, так как прозорливая «ханша» перед угрозой вступления русских войск отправила свое имущество в горную местность Губы, чтобы избежать разграбления со стороны русских, и даже по её приказу был усилен контроль над прибывавшими из Астрахани судами. В случае появления военных судов бакинская «ханша» намеревалась бежать в Губу. Жители Баку, последовав ее примеру, также вывезли свое имущество в близлежащие от города селения.⁷² Следует отметить, что в сложившейся ситуации немногочисленное христианское население, в том числе советник Мирзабек Ваганов и другие армянские конфиденты русских властей, стремясь создать у российского правительства видимость их многочисленности в регионе, имитировали желание скорейшего прибытия сюда русских войск. Так, чтобы выслужиться перед русскими властями Мирзабек Ваганов доносил астраханскому вице-губернатору Лебедеву, что «все тамошня обыватели з большим усердием... кроме самих ханов» ожидают прибытия русских войск.⁷³

Воспользовавшись занятостью Фатали-хана политическими делами, Мелик Мухаммед-хан в целях попошгения казны путем увеличения пошлин стал вести более жесткую политику в отношении приезжих, в том числе и русских купцов вплоть до насильственного взимания «рахтаршых» денег. Такой акт был применен бакинским рахтарщиком по отношению к астраханскому подданному татарину Юсупу Ибраимову.⁷⁴ Более того, как явствует из сообщения консула Тумановского, бакинский хан

«волно не допускает к провозу товаров из Баки, ежели не дадут ему половиннаго за товар провозу или должны отдать ему суда в откуп...»⁷⁵

Учитывая зависимость бакинского хана от Фатали-хана Губинского, заинтересованного в торговых взаимосвязях с Россией, российское правительство именно через него пыталось урезонить Мелик Мухаммед-хана. Но несмотря на давление Фатали-хана «чтобы отнюдь не осмелилися, они (в Баку - М.И.) и слово говорить о пошлине и никаких обид от них чтоб не было»⁷⁶ бакинский правитель, стремясь хотя бы во внутренних делах проводить самостоятельную линию, продолжал в том же духе. Естественно, что Российское государство, дорожившее торговлей по Каспийскому морю, не могло примириться с таким положением и терять доходы от восточной торговли. Поэтому графу Войновичу, под командованием которого в июне 1781 года была предпринята экспедиция в Азербайджан поручалось «...взять у бакинского хана 50 тыс. рублей, разгромить Баку пушками или изгнав Мелик Мухтар (Мелик Мухаммед - М.И.) хана возвести на бакинский престол другого правителя», во что бы ни стало защитить права русских купцов.⁷⁷

В результате переговоров между Войновичем и Фатали-ханом Губинским, которые с перерывами продолжались с 13 по 26 августа 1782 года, было заключено выгодное для российского купечества торговое обязательство.⁷⁸ Таким образом, этот политический акт со стороны России полностью вскрыл давно назревавшую колониальную сущность её в данном регионе.

Известие об экспедиции Войновича вызвало тревогу среди правящих кругов Турции и Ирана. В связи с этим турецкий султан не раз отправлял к азербайджанским правителям посланников с подарками, предлагая свое покровительство и помощь против России. В частности, в числе других ханов бакинскому Мелик Мухаммед-хану были посланы 5 тысяч рублей и часы.⁷⁹ И хотя Фатали-хан Губинский сам до этого просил Турцию о помощи, тем не менее он все же стремился получить признание его со стороны России правителем всего Азербайджана, и поэтому писем и подарков не принял и приказал бакинскому хану, «чтоб он присланного от Паши посланника со всем отправил обратно...»⁸⁰ Однако, из донесения астраханского губернатора Жукова князю Потемкину становится ясно, что бакинский хан обещал через прибывшего посланника оповестить Турцию о прибытии русских войск и «все меры употребит вспомоществовать той Порте, а российской флот войска намерены они то есть хан притеснять...»⁸¹

Переговоры Фатали-хана Губинского с Войновичем красноречиво свидетельствуют о верховенстве Фатали-хана над Бакинским ханством. Вместе с тем тайные переговоры Малик Мухаммед-хана с Турцией и игнорирование России говорит одновременно и о политике лавирования, которую пытался проводить бакинский правитель подобно своему предшественнику, боясь потерять независимость Бакинского ханства. Учитывая притеснения русских купцов со стороны Мелик Мухаммед-хана, а также его отношения с Турцией, астраханский губернатор Жуков характеризовал бакинского хана не иначе как «издавна к российской стороне недоброжелатель», от которого «для России вредности... произойти могут».⁸²

Видимо по этой причине, опасаясь не только бакинского, но и других азербайджанских правителей и стремясь обеспечить безопасность только что приобретенной колонии, после принятия 24 июля 1783 года Картли-кахетинским царем согласно Георгиевскому трактату русского покровительства Россия предупредила Мелик Мухаммед-хана в числе других азербайджанских ханов о том, что «всякое неприязненное против него. (Ираклия - М.И.) действие или покушение на Его области Российскую Империю не иначе сочтено будет как покушением на собственные Ея пределы и дерзость такова не останется без возмездия».⁸³ Тем более, что российское правительство пока занимало выжидательную позицию по отношению к азербайджанским ханствам.

В 1784 г. Мелик Мухаммед-хан отправился на богомолье в Мекку и по дороге умер.⁸⁴ Вместо него власть намеревался взять его брат Ханджан-бек. Но «ханша» Хадиджа-Бике не допустила этого и возвела на престол своего сына Мирза Мухаммед-хана II, которому было не более 11 лет. Несовершеннолетний правитель находился под опекой Фатали-хана Губинского, оставившего для управления ханством при Мирза Мухаммед-хане наиба, который, однако, ничего не делал без согласия бакинского хана.⁸⁵ Фактически же управление Бакинским ханством взяла в свои руки регентша – «ханша» Хадиджа-Бике.

Братья Мелик Мухаммед-хана Ханджан-бек и Бамат-Гулу, считая себя оскорбленными, не хотели повиноваться новому правителю и оставили город. Бакинские жители, также недовольные назначением малолетнего престолонаследника, просили Фатали-хана, о передаче власти Ханджан-беку. Архивный документ явствует, что Фатали-хан все таки принудил народ признать ханом своего племянника Мирза Мухаммед-хана II.⁸⁶

Как говорилось выше, если в 60-х годах XVIII в. Керим-хан Зенд, один из претендентов на иранский трон, требовал от азербайджанских ханов, в том числе от бакинского, поклонения и

«вспоможения денешнаго и народнаго»,⁸⁷ то в 80-е годы азербайджанским ханствам стал открыто угрожать представитель гаджарской династии Ага-Мухаммед-хан, который пробрался к власти в Иране.

Фатали-хан Губинский, опасаясь за свое государство и с целью защиты от угрозы с юга, решил опереться на Россию, которая в это время сама вынашивала планы в отношении азербайджанских земель. В свете сказанного по указанию Фатали-хана Губинского от имени малолетнею бакинского Мирза Мухаммед-хана II в 1785 г. было отправлено письмо П.С.Потемкину, в котором говорилось «сохранить... верность, возбуждая искреннее желание быть принятым под покровительство Всеавгустейшей монархини...»⁸⁸ В 1787 г. сам губинский правитель послал в Петербург посольство во главе с Мирза Садах Мамедом Велиевым. В письме, отправленном с посланцем, Фатали-хан обещал, что «выполнит все, что ему будет поведено,... а в залог своей верности не отречется он отдать Баку и Дербент»,⁸⁹ являвшихся для России важными стратегическими и торговыми центрами. Ведь именно последним русские власти обосновывали необходимость содержания в Баку русского гарнизона.⁹⁰

Однако, дальнейшие переговоры Губинского ханства с Россией, а также интенсивно проводившаяся подготовка нового похода в южно-азербайджанские ханства были прерваны смертью Фатали-хана 22 марта 1789 года в Баку, куда он отправился уже будучи больным.

Казалось, что до некоторой степени осуществилось политическое объединение Северо-восточного Азербайджана, однако со смертью Фатали-хана это не имевшее твердой экономической основы и созданное силой оружия государство быстро распалось. В Азербайджане возобновились распри между отдельными ханскими группировками. Вассальная зависимость Бакинского ханства от Губинского, с одной стороны, оберегавшая его от нападений извне, создавала условия для развития производительных сил, но, с другой, несомненно, ущемляла действия самих бакинских правителей, решивших воспользоваться сложившейся обстановкой. Уже в 1791 г. возникли разногласия между находившимся у власти старшим сыном Фатали-хана Ахмед-ханом и Мирза Мухаммед-ханом II Бакинским, который был женат на дочери Фатали-хана Ханбике-ханум. Поводом к этим разногласиям послужили интриги дяди Мирза Мухаммед-хана II Мухаммед-Гулу-аги, стремившего получить от Ахмед-хана помощь для овладения Бакинским ханством и обещавшего за это платить ему дань. Поверив в верноподданничество Мухаммед-Гулу-аги, Ахмед-хан помог ему войсками занять крепость, после чего Мирза Мухаммед-хан II был сослан в Губу; Но Мухаммед-Гулу-ага отказался от своего обещания, и тогда обманутый Ахмед-хан в отместку отправил Мирза Мухаммед-хана II с войском для занятия Баку. Однако этот поход завершился неудачей, в которой немаловажную роль сыграл подкуп бакинцев Мухаммед-Гулу-агой, опасавшимся их измены и разрешившим разграбить несмежную казну Мирза Мухаммед-хана I.⁹¹ Мирза Мухаммед-хану II ничего не оставалось делать как возвратиться в Губу.

По истечению некоторого времени Ахмед-хан по просьбе своей тети Хадиджа-Бике решил возвратить Мирза Мухаммед-хану II ханство, однако, не успев осуществить задуманное, в марте 1791 года умер. После смерти Ахмед-хана во главе Губинского ханства стал его младший брат Шейх-Али-хан, который, несмотря на свои 13 лет, «был не глуп, смел и проворен».⁹²

Встав во главе Губинского ханства, Шейх-Али-хан решил восстановить Мирза Мухаммед-хана II в его правах, а через него удовлетворить свои претензии на Бакинское ханство. В 1791 г. он организовал выступление войск на Баку во главе с Мирза Мухаммед-ханом II, одновременно обратившись в письме за помощью к назначенному в это время главнокомандующему на Кавказе генералу Гудовичу.⁹³

Поскольку генерал Гудович не знал всех обстоятельств, но был в курсе того, что «фамилия шейхалиханова всегда усердствовала России и Шейх-Ага-хан имеет дело с непослушным подашгым», он дал распоряжение командиру каспийской флотилии генерал-майору Шишкину «учинить несколько пушечных выстрелов против Баку из судов российских».⁹⁴ Однако вскоре генерал Гудович получил письмо и от Мухаммед-Гулу-аги, который, считая себя законным владельцем Бакинского ханства, просил также о помощи против Шейх-Али-хана и о покровительстве России.⁹⁵

Первое обращение бакинского Мухаммед-Гулу-хана Гудовичу объяснялось не только тем, что он хотел оградить себя от Шейх-Али-хана, тем самым доказав свою независимость, но и от своего племянника - Мирза Мухаммед-хана II. Переписка между российским правительством и губинским и бакинским ханами раскрывает тенденцию, сложившуюся в указанном регионе в 90-х годах XVIII в. и продолжавшуюся в дальнейшем. В очередной раз, азербайджанские ханы, в частности Шейх-Али-хан Губинский и Мухаммед-Гулу-хан Бакинский, увязавшие в междоусобных распрях и обратившиеся за их разрешением к России, тем самым создавали условия для ее экспансии. Именно внутренняя борьба за власть подготовила благоприятную почву для вооруженного вмешательства России. Вместе с тем следует отметить, что если до 90-х годов Россия занимала выжидательную позицию по отношению к азербайджанским ханствам, то в 90-х годах, активизируясь, она начинает привлекать на свою сторону феодальных правителей Азербайджана, стремясь претворить в жизнь давно вынашиваемые планы

господства в данном регионе. Поэтому российское правительство было заинтересовано выяснить настоящего главу Бакинского ханства, в его умении править самостоятельно ханством.

В связи с этим генерал Гудович предписал генерал-майору Шишкину удостовериться в правах притязаний на бакинский престол каждого из претендентов. Но было уже поздно, так как по указанию Шишкина находившийся при Баку с фрегатом и ботом капитан-лейтенант флота Моллер подверг город обстрел с судов при одновременной атаке города Шейх-Али-ханом с суши. Неожиданное сопротивление бакинцев вынудило Шишкина послать еще один фрегат для усиления осады. Гудович, узнав об этом решении, дал приказ о его отмене,⁹⁶ так как это противоречило планам России, проводившей на Южном Кавказе более тонкую, хитрую и осторожную политику. В частности, Гудовичу предписывалось «...судить по справедливости, либо сделаться примирителем двух соперников». И не потому что, это было политическим кредом миротворца, а прежде всего потому, что скрывая свою колониальную сущность, свои истинные цели, Россия была готова принять в подданство России азербайджанские ханства, особенно желавших этого покровительства, и не хотела вмешиваться в их междоусобные распри. Поэтому в рескрипте Гудовичу указывалось: «...доброжелательных ханов приласкать и обнадежить в Монаршем благорасположении...»⁹⁷ Однако, Мухаммед-Гулу-ага, испугавшись помощи русских, в октябре 1791 года помирился с Шейх-Али-ханом, обязавшись давать половину бакинских доходов Мирза Мухаммед-хану II и выплатить 24 тысячи рублей ханской монетой Шейх-Али-хану.⁹⁸

В начале 1792 года Мухаммед-Гулу-хан умер. После его смерти борьба за Бакинское ханство не прекращалась. При поддержке Шейх-Али-хана Мирза Мухаммед-хан II, в свое время изгнанный из Баку, вновь взял бразды правления в свои руки, но ненадолго. Силами бакинских беков - приверженцев покойного Мухаммед-Гулу-аги, «не принявших его (Мирза Мухаммед-хана) к себе ханом», он в очередной раз был изгнан из Баку и ханом провозглашен его двоюродный брат Гусейн-Гулу-ага.⁹⁹ С момента вступления на престол Гусейн-Гулу-хану также приходится отстаивать свою власть в борьбе с Шейх-Али-ханом, при поддержке которого Мирза Мухаммед-хану II удается в первое время добиться успеха, и его вторичный поход совместно с губинским войском в Баку завершается заключением договора с Гусейн-Гулу-ханом о разделе между ними доходов Бакинского ханства.¹⁰⁰

Как было сказано выше, эти бесконечные распри между самими бакинскими правителями, а также между ними и преемниками Фатали-хана Губинского ослабляли Бакинское ханство и благоприятствовали поползновениям внешних врагов. В 90-х годах XVIII в. нависла реальная угроза нашествия на Азербайджан утратившего свои позиции в Иране Ага-Мухаммед-Гаджара, захватившего почти все главные провинции Ирана и ханства на юге Азербайджана. К середине 90-х годов XVIII в. он поставил целью подчинить и южнокавказские владения. В первую очередь для прегворсния этой задачи Ага-Мухамед-хан стал угрожать североазербайджанским ханствам, куда отправил посланцев с требованием подчинения и признания своей верховной власти и угрожая захватом в случае неповиновения.

Усиление Ирана, в свою очередь, вынудило российское правительство активизировать политику на Востоке, в частности, в регионе Каспийского моря, чему способствовало окончание второй русско-турецкой войны (1787-1791 гг.). Рескрипты Екатерины II от 8 мая 1792 года и апреля 1793 года генералу Гудовичу с требованием к ханам прислать «к двору ..., из первейших своих чиновников с прошением о принятии их» под покровительство России с угрозой в случае отказа¹⁰¹ подтверждают не только интересы правительства к вопросам восточной политики, но и к скорейшему прегворению, задуманных планов, которые заключались в демонстрации мощи государства и устрашении силой оружия. Так, по предположению Гудовича, «все ханы коих владения по берегу моря находятся, захотят быть подданными» в случае появления Каспийской эскадры «около Персидских берегов».¹⁰²

Такая сложная политическая обстановка, с одной стороны, внутренние феодальные войны и притеснения Шейх-Али-хана Губинского, стремившегося возродить былое могущество Губинского ханства и подчинить Бакинское ханство, и с другой, нашествие Ага-Мухаммеда, послужили толчком к очередному обращению Бакинского ханства к России. Вступивший на бакинский престол Гусейн-Гулу-хан, желая сохранить свою самостоятельность и уберечь ханство от разорения, грабежей со стороны Ирана и Губинского ханства, стремился заручиться поддержкой более сильной России. Поэтому в 1792 г. он отправил к генералу Гудовичу своего посланца, близкого родственника Манаф-бека с просьбой о принятии в подданство России. Однако это вызвало недовольство Шейх-Али-хана, который, желая подчеркнуть зависимость бакинского хана, задержал в Дербенте посланца и вернул его в Баку с приказом, если бакинский хан «... впредь возымеет намерение в Россию писать или посылать человека, наперед бы у него Ших Али хана истребовал повеление...».¹⁰³ Как явствует из источника, Шейх-Али-хан не воспринимал Гусейн-Гулу-хана как правителя, имевшего право самостоятельно решать все вопросы Бакинского ханства, в том числе и связанные с внешней политикой. Гусейн-Гулу-хан, твердо стоявший на своих позициях, не собирался внимать запрегам Шейх-Али-хана, и ему удалось отправить Манаф-бека

другим путем с имевшимся у него прошением к генералу Гудовичу.¹⁰⁴ Вместе с тем, Гусейн-Гулу-хан, женатый на тете Шейх-Али-хана, вынужден был внешне поддерживать дружелюбные с ним отношения.

Очевидно, обращение Гусейн-Гулу-хана возымело свое действие, поскольку 19 апреля 1793 года последовало «высочайшее соизволение» о принятии Гусейн-Гулу-хана со всеми его владениями в российское подданство.¹⁰⁵ Однако юридическое разрешение этого вопроса несколько затянулось, что объяснялось осторожностью русского правительства, связанной с территориальными претензиями губинского Шейх-Али-хана, который, отправив в июле 1793 года к генералу Гудовичу в Георгиевск своего чиновника Мирза-Хасана с прошением о покровительстве, включил в число своих владений и Бакинское ханство.¹⁰⁶

В свою очередь, правительство Екатерины II, продолжая восточную политику Петра I, ревностно охраняло сложившиеся устои в данном регионе, когда не раз при разрешении тех или иных неурядиц азербайджанские правители предпочитали видеть в лице России своего «арбитра». Несмотря на то, что русский кабинет был поставлен перед дилеммой: считать бакинского хана независимым или принять его в свое покровительство как подданного Шейх-Али-хана, правительство Екатерины II, учитывая транзитное значение города Баку, а также неустойчивость внешней политики Шейх-Али-хана, было заинтересовано в суверенном принятии Бакинского ханства в подданство России и ни в коем случае не хотело упускать представившийся удобный шанс для претворения давно вынашиваемых захватнических планов в отношении всего Азербайджана в целом, и Бакинского ханства, в частности. Однако, в связи с усилением угрозы со стороны Ирана Россия заняла выжидательную позицию и не предпринимала решительных действий. В свою очередь, Шейх-Али-хан, считая Баку подвластным себе, но непокорным, не упустил случая вновь попытаться напасть и забрать его у Гусейн-Гулу-хана. В середине 1794 года он вместе с Мирза Мухаммед-ханом II, на сестре которого собирался жениться, направился с войском в сторону Баку. Однако вскоре Шейх-Али-хан вынужден был уйти, чтобы помочь Мухаммед-Гасан-хану Шекинскому против Хамбугая казикумукского, оставив Мирза-Мухаммед-хана II в 14 верстах от Баку с войском в 1000 человек. Мирза Мухаммед-хан II, находясь в селении Балахана, перекрыл пути проникновения каких-либо товаров в Баку и, присвоив соляные озера и нефтяные колодцы, лишил Гусейн-Гулу-хана важного источника доходов. Воспользовавшись отсутствием Шейх-Али-хана, Гусейн-Гулу-хан в 1795 г. выступил с войском из Баку, разбил Мирза Мухаммед-хана II и взял его самого с семейством и невестой Шейх-Али-хана в Баку.¹⁰⁷

В начале 1795 года Гусейн-Гулу-хан повторно обратился к Русскому государству и отправил через Астрахань к генералу Гудовичу посланца Манаф-бека «с полною доверенностию, особо от него и особо от всех жителей Баку, вступить в вечное подданство России».¹⁰⁸ Это вынужденное обращение бакинского хана диктовалось рядом причин, к которым относились притеснения, чинимые Шейх-Али-ханом Гусейн-Гулу-хану, на что бакинский хан жаловался в своем послании к русскому двору и просил о помощи. В свою очередь, генерал Гудович написал губинскому хану, чтобы тот не предъявлял никаких претензий на Баку, так как включив этот город в свою присягу, Шейх-Али-хан тем самым уже передал его под покровительство России.

Поэтому Гудович советовал мирным путем разрешить неурядицы с бакинским ханом. Вняв советам Гудовича, Шейх-Али-хан при посредничестве Мустафа-хана Шемахинского, заискивавшего перед ним, осенью 1795 года заключил мир с Гусейн-Гулу-ханом, добившись освобождения Мирза Мухаммед-хана II с его семейством и, вернувшись с ним в Губу, женился на его сестре Бегиме. Условием мира был раздел получаемых с Баку доходов на три части: одну - бакинскому хану, другую - Шейх-Али-хану, третью - Мирза Мухаммед-хану II,¹⁰⁹ поселившемуся в селении Балахана. В обмен на ежегодную дань в 60 тысяч Шейх-Али-хану, последний отпустил пойманных им родственников Гусейн-Гулу-хана и других бакинцев.¹¹⁰ Но в том же 1795 г. Гусейн-Гулу-хан Бакинский, нарушив это условие и напав на крепость Балахана, принудил Мирза Мухаммед-хана II бежать в Губу.

Правительство Екатерины II, оставаясь равнодушным к этим распрям, в то же время не желало упустить момент с обращением Гусейн-Гулу-хана Бакинского к России и в сентябре 1795 года дало согласие на принятие Бакинского ханства под протекторат России. Здесь, на наш взгляд, уместно будет подчеркнуть роль Гудовича, который не раз в своих донесениях высказывался в пользу положительного разрешения этого вопроса и не потому, что Бакинское ханство было самостоятельным, независимым ни от кого ханством и «Бака имела всегда особого хана», а прежде всего из-за выгоды Баку для торговли русских купцов.¹¹¹

По условиям принятия Бакинского ханства под покровительство Русского государства¹¹² хотя и ограничивались дипломатические права бакинского хана, однако полностью не ликвидировалось ханское правление. 3 и 4-я статьи договора преследовали цель развития торговых связей, особенно охрану прав русских купцов, и накладывали на Гусейн-Гулу-хана серьезные обязательства.

Официальное оформление данного мероприятия было приостановлено нашествием Ага-Мухаммеда Гаджара летом 1795 года на Южный Кавказ.

Следует отметить, что предписание русского правительства «внушать с пристойною деликатностию посланцам Аги Махмет Хана, что бы он... согласился... оставить... под покровительством Российским, области при Каспийском море лежащая и весь край Адрибежаьской и обратил силы свои против турок...»¹¹³ было получено Гудовичем с большим опозданием, что сыграло на руку Ага-Мухаммед-хану, отказавшему в приеме российских посланцев, якобы не имевших официальных полномочий. Уехавшие за полномочиями послы больше не появились.¹¹⁴ Вскоре войска Ага-Мухаммед-хана разгромили ряд ханств Азербайджана и дошли до столицы Грузии - Тифлиса.

Таким образом, Ага-Мухаммед-хан бросил вызов правительству Екатерины II, предупредив, что посягательство на указанные прикаспийские области, в том числе и на Бакинское ханство, будет рассматриваться как действия, направленные против России, и начал свой завоевательный поход на Южный Кавказ, который тяжело отразился на судьбах его населения. Разрушенные города и села, растоптанные посеы, тысячи убитых и плеших - вот ужасающая картина местностей, где прошли полчища Ага-Мухаммеда в 1795 г. Особенно трагическим было положение Тифлиса, который был захвачен 12 сентября 1795 года и превращен в груды развалин, а часть его сожжена.¹¹⁵

Разорение Тифлиса навело ужас на некоторых феодальных правителей, которые, находясь «в великом страхе от Ага Магомед хана» и не желая разделить участь Ираклия II, поспешили через своих посланников поздравить Ага-Мухаммеда с победой в Грузии. Первыми проявили инициативу губииский, шекинский и шамахинский ханы. Не получив от Русского государства конкретного ответа и стремясь оградить свои владения, бакинский Гусейн-Гулу-хан присоединился к названным ханам.¹¹⁶ Тем более, что еще оставался в силе заключенный между Гусейн-Гулу-ханом и Шейх-Али-ханом осенью 1795 года мирный договор.¹¹⁷

Как явствует из сообщений вахмистра Абдулла Садыкова, отправленного Гудовичем в Дербент для переговоров в целях «Цзащищать себя от Ага Мухаммед хана и недопускать его в свои места» бакинский правитель вместе с указанными ханами намерен был быть под властью Ага-Мухаммеда. Поэтому они отпраздновали взятие Тифлиса пушечной пальбой.¹¹⁸

Ага-Мухаммед после разорения Тифлиса направил острие своего оружия против ханств Азербайджана. Взяв с города Баку в качестве контрибуции большую сумму денег и вещей, он отправил Гусейн-Гулу-хану, также как и всем ханам Азербайджана, фирман, согласно которому они должны были в знак покорности прислать к нему своих заложников.¹¹⁹

Все ещё надеясь на помощь России Гусейн-Гулу-хан отказался признать власть над собой Ага-Мухаммед-хана, а развернувшиеся вскоре события благоприятствовали ему. К концу 1795 года Екатерина II дала указание генералу Гудовичу ввести русские войска на Южный Кавказ,¹²⁰ чтобы не дать возможность укрепления здесь иранского владычества; это и спасло Бакинское ханство от разорения. Однако, не имея гарантии от очередного иранского нашествия, Гусейн-Гулу-хан после ухода войск Ага-Мухаммед-хана из Азербайджана в 1796 г. вновь обратился к русскому государству, отправив в Петербург своего посланника Мухаммед-Селим-бека «с полною доверенностью от Гусейн-Кули-хана Бакинского и от народа для принятия им присяги на вечное подданство России».¹²¹ Подчеркивая выгодное портовое значение Баку, в своем прошении бакинский правитель хотел убедить, что наличие здесь мощных крепостных стен создаст сравнительно безопасные условия для купцов в обстановке непрекращавшихся междоусобиц.¹²² При этом он выражал уверенность, что, если бакинцы удостоятся получения жалованной грамоты «Ея Императорского Величества», никакие враги не посмеют напасть на бакинскую крепость, и население сможет жить в спокойствии, «старясь оказывать высочайшему Российскому двору усерднейшия услуги».¹²³

Направляясь в Петербург, посланник Мухаммед-Селим-бек побывал сперва в Георгиевске-ставке генерала Гудовича и поставил его в известность о своей миссии. В свою очередь, Гудович, тепло приняв посланника, выделил для его сопровождения в Петербург «тифлисского мушкетерского пешотного полка поручика Арютунова, двух сержантов Щундрукова и Арютунова и одного рядового».¹²⁴

Прибывший в Петербург 18 января 1796 года Мухаммед-Селим-бек вручил вице-канцлеру прошение бакинского хана о принятии его со всеми подвластными в подданство России. В обнаруженных в Архиве Внешней политики России документах¹²⁵ удалось обнаружить весьма интересные факты о теплом приеме и длительном пребывании в России бакинского посланника. Любопытно, что в этих документах впервые даётся полное описание приема посланника из Азербайджана.

Мухаммед-Селим-бек пробыл в Петербурге довольно долго, покинув его только 8 июня 1796 года. Длительность пребывания Мухаммед-Селим-бека в Петербурге входила в дипломатическую программу посланника, что видно из содержания заранее составленной русскими чиновниками приверной сметы

«потребных сумм на шестимесячное содержание прибывшего...[в Петербург] от Бакинского Гусейн-Кули-хана посланца Мегмег-Селим-бека со всеми находящимися при сем чинам».¹²⁶

Как почетный гость, бакинский посланник был устроен на специальной квартире со всеми удобствами и прислугой; ему был предоставлен богатый выезд, он совершал загородные поездки, близко знакомясь с Россией и русской жизнью. Все издержки по содержанию бакинского посланника, составившие немалую сумму в 4625 руб. 60 коп, были оплачены из русской казны.¹²⁷ Представленная государственным канцлером графом Иваном Остерманом по прибытии Мухаммед-Селим-бека «примерная смета» была незамедлительно подписана Екатериной II, и 16 февраля 1796 года канцлер дал указание авансом выплатить указанную сумму.¹²⁸

10 мая 1796 года была составлена смета расходов для отправки бакинского посланника. Екатерина II вручила лично Мухаммед-Селим-беку «денежное вознаграждение» в сумме 1000 рублей, а его четверем служителям - по 100 рублей.¹²⁹ 8 июня 1796 года бакинский посланник выехал в Баку.

Любопытно отметить, что в хранящихся в архиве документах дается подробный отчет о сделанных покупках для бакинского посланника, в то же время умалчивается с каким ответом возвратился Мухаммед-Селим-бек из Петербурга. Вместе с тем о благоприятном исходе этой миссии в одном из архивных документов говорится: «...бакинский посланец Мамед-Селим-бек прибыл с письмом к хану от главнокомандующего и извещением к народу принятыми случая сему».¹³⁰ Таким образом, сам факт теплого приема бакинского посланника свидетельствует не только об определенной заинтересованности Русского государства в Бакинском ханстве, но и показывает целенаправленность колониальной политики русского правительства.

Одновременно с бакинским ханом к Русскому государству за помощью обратились и другие правители Южного Кавказа, что явилось поводом для правительства Екатерины II ввести в 1796 г. сюда свои войска под командованием генерал-поручика В.Зубова.

К сожалению, в такой сложной ситуации перед угрозой быть завоеванными Россией силы враждовавших между собой феодальных правителей Азербайджана были разобщены. Именно феодальная раздробленность мешала ханам объединиться и толкала каждого из них в отдельности в целях сохранения собственной власти заручиться поддержкой то одного, то другого сильного государства. Такое положение наблюдалось вплоть до завоевания северных азербайджанских ханств Россией в первой трети XIX в., и только перед угрозой извне азербайджанские владетели объединяли свои усилия, чтобы дать отпор врагу. Эту отличительную черту характера феодальных правителей Азербайджана хорошо распознали некоторые находившиеся в регионе русские чиновники. В подтверждение приведем выдержку из сообщения русскогo консула в Энзели Скибиневского генерал-лейтенанту Кноррингу: «Прекращают они (азербайджанские ханы - М.И.) вражду свою и в то время, когда видят угрожающаго им сильнаго неприятеля; например, когда бывший известный Ага Магомед хан разорив Тефлис угрожал и ширванским владельцам: тогда они примирившись между собою прилежно искали защиты у пограничнаго Российскаго военачальника. ..»¹³¹

Перед походом Екатериной II как и Петром I, был издан «Манифест», который должен был доставить командующий русскими войсками В.А.Зубов «...в руки ханов Дербентскаго, Бакинскаго, Тальшского и Шушинскаго».¹³² В нем в частности говорилось: «...снисходя на прошение Царя Картлинскаго и Кахетинскаго и многих благонамеренных ханов и Владетелей Дагистанских, взывавших защиту и покровительство Наше, повелели Мы знатной части Наших морских и сухопутных сил под предводительством графа Валериана Зубова вступить в Персидские пределы, ради надлежащего отвращения всех неудобств, могущих произойти от распространения и утверждения в незаконно - похищенной власти лютым и коварным Агою-Магомет-ханом...».¹³³

Как известно, русский двор, предприняв этот поход, был совершенно далек от мысли оказания помощи азербайджанским правителям. Здесь преследовались свои далекоидущие планы, которым, однако, помешало вторжение Ага-Мухаммеда на Южный Кавказ, где намеревалась укрепиться сама Россия. Кроме того, это нашествие не только угрожало безопасности южных границ России, но и создавало глубокий заслон русской торговле с Востоком. Подтверждение сказанному мы находим в «Выписке персидских дел 1796 года», в которой наряду с манифестом азербайджанским ханам от имени Зубова было отправлено оповещение о том, что в целях их собственной безопасности они должны в случае их дружественного расположения склонить к содействию русским войскам против Ага-Мухаммед-хана. В то же время в нем звучала угроза в отношении тех ханов, которые окажут «недоброжелательство и сопротивление».¹³⁴ Занятие же Баку, судя по указанной «Выписке», имело первостепенную важность, так как это обеспечивало русским войскам постоянный подвоз продовольствия и снаряжения.

15 апреля В.А.Зубов с большим количеством войска - около 30000 человек - выступил к Дербенту, где ему было оказано стойкое сопротивление, а бакинский хан оказал действительную помощь губинскому

Шейх-Али-хану. Обо всем этом до мельчайших подробностей говорится в архивных документах. Так, в одном из них подчеркивалось, что в то время как «с крайним упорством дербентцы не пускали наши (русские - М.И.) войски и близко к городу подойти»,¹³⁵ Гусейн-Гулу-хан Бакинский, отбросив все обиды и в целях предотвращения наступления русских войск в Баку, «ободрял Ших-Али хана в неприязненном поступке противу войск наших (российских - М.И.)»¹³⁶ «Ободрение» же это выразилось в том, что Гусейн-Гулу-хан прислал на помощь Шейх-Али-хану две пушки с пушкарями.¹³⁷ Естественно, в переписке русских чиновников данный поступок бакинского хана был назван «вероломным», а примирение бакинского хана с губинским вызвало чуть ли не шок у российских военачальников.¹³⁸ После занятия Дербента 10 мая 1796 года русские войска двинулись в Баку, Прежде чем вступить в город 8 июня 1796 года В.Зубов отправил в Баку прокламацию, в которой советовал народу «вручить свой жребий произволению Императрицы».¹³⁹ Еще раньше, 24 мая к реке Рубас, где расположился каспийский корпус, к главнокомандующему прибыли посланцы бакинского хана с объявлением, что «хан со всеми подданными своими покоряется монаршей воле...».¹⁴⁰ Но как показали последующие события данный шаг бакинского Гусейн-Гулу-хана был сделан лишь для отвода глаз с целью выиграть время, чтобы подготовиться к обороне. Как явствует из выявленных нами источников двойственное поведение Гусейн-Гулу-хана вызвало резкое возмущение среди некоторых представителей русских военных кругов, считавших, что «сего Гу-сейн-Гулу-хана надобно лишить ханства и взять Баку военным образом как приобретенную силою оружия без всяких договоров, тем более, что она как важное место имеющая, порт где наш (российский - М.И.) - главный депо будет должна на верное и навсегда удержана быть».¹⁴¹ При этом, даже признавая двойственный характер политики Гусейн-Гулу-хана, российское правительство не отвергало его обращения и стремилось умело их использовать. Вместе с тем следует указать, что в конечном итоге эти обращения не могли сыграть решающей роли в захватнической политике России, стремившейся претворить в жизнь свои планы во чтобы то ни было. Гусейн-Гулу-хан не только подготовился к обороне, но и отправил своего гонца к Мустафа хану Шемахинскому с сообщением о наступлении русских войск с целью низложения всех азербайджанских владельцев.¹⁴² Кстати, русское правительство, скрывая истинные цели своего наступления, умело использовало и религиозное вероисповедание, выражавшееся якобы в помощи армянскому населению Гарабаха. В этой связи в Азербайджане было распространено послание советника В.Зубова Иосифа Аргутинского в Дербенте к гарабахским меликам, в котором пропагандировалось якобы главное намерение русской армии - освобождение армян от ига мусульман.¹⁴³ Это, безусловно, в определенной степени возымело свое воздействие на Гусейн-Гулу-хана. Вскоре, узнав о сосредоточении вблизи города около Атачая русских войск и поняв бесполезность сопротивления, 13 июня бакинский хан вынужден был прибыть в лагерь русских войск на правом берегу речки Гильгиль и поднести ключи от города.¹⁴⁴ В.Зубов, принимая Гусейн-Гулу-хана, подарил ему дорогой кинжал в 1200 руб., а затем направил его в отряд генерал-майора Рахманова, который должен был первым войти в крепость Баку. Последний при вступлении в город с 3 батальонами пехоты, 2 эскадрами конницы и 3 орудиями полевой артиллерии в сопровождении Гусейн-Гулу-хана был салюткрово-ван.¹⁴⁵ Русским войскам была оказана радушная встреча исключительно со стороны христианского населения, а не всех бакинских жителей, как было принято считать до последнего времени.¹⁴⁶ Мусульманская часть населения не была согласна с этим принудительным актом, не раз повторявшимся и в последующие этапы истории. Таким образом, Россия, в очередной раз умело скрывая колониальный характер своего наступления, преподносила это как добровольное волеизлияние со стороны бакинского правителя. А одаривание Зубовым Гусейн-Гулу-хана¹⁴⁷ продемонстрировало тонкую и хитрую политику российского правительства.

После занятия Баку комендантом бакинской крепости был назначен ближайший сподвижник В.А.Зубова в этом походе Цицианов.¹⁴⁸

Следует отметить, что русское правительство предполагало превратить Баку в главную базу снабжения войск и одновременно крупный торговый центр. Были составлены проекты исправления и укрепления самого города Баку, обладавшего лучшей бухтой на западном побережье Каспийского моря, «не только с твердой земли, но и от стороны моря, с учреждением тут, кроме фортификационных строений, всех нужных для адмиралтейств надобностей и заведений».¹⁴⁹ Если укрепления при Тарках и Руссей-Булаке могли быть не слишком обширны, необходимо было усилить состав каспийской эскадры пребыванием при бакинском порте 12 ластовых судов. Для проведения работ по укреплению бакинского порта были отпущены деньги и направлены мастера из Петербурга. Укрепление Баку для Российского государства являлось настолько важным, что если на постройку крепости в Руссей-Булаке было намечено отпустить 10838 руб., в Тарках - 90634 руб., то для Баку намечалось выделить 283859 руб.¹⁵⁰ Наряду с этим для расширения и улучшения торговли русское правительство намеревалось учредить в пяти портах Каспийского моря астрабадском, мазандаранском, энзелинском, сальянском и бакинском «безопасное убежище для торговцев, приезжающих», т.е. «таможни на лучшем основании...»

При этом оно хорошо понимало, что широкая перспектива утверждения в данном регионе открывала путь к торговле с Индией «с двух сторон чрез Персию и Бухарию», что не могло не встревожить некоторые европейские морские державы». ¹⁵¹

Однако всем этим мероприятиям не суждено было осуществиться. 6 ноября 1796 года скончалась Екатерина II. Внешняя политика вступившего на престол Павла I, сына Екатерины II, преследовала только одну цель: «...громогласно заявить и распространить убеждение, что новое царствование представляет собой отрицание предшествовавшего». ¹⁵² Новый император из чувства личной вражды стремился уничтожить все следы деятельности Екатерины II. Поэтому Павел I приказал Зубову немедленно с войсками вернуться в Россию, а указом от 7 июля 1797 года велел уничтожить бакинский порт «как не настоит в нем никакой надобности». Необходимые же для этого порта 12 судов были отданы в распоряжении астраханского порта. ¹⁵³ Вывод войск из Азербайджана начался в декабре 1796 года, хотя некоторые части задержались до марта 1797 года.

Вместе с тем поход В.Зубова был действенным шагом русского правительства в продолжении экспансионистской политики, начатой еще Петром I в данном регионе. Поход как бы заложил основу ликвидации независимых азербайджанских ханств в дальнейшем.

Вслед за уходом российских войск в 1797 г. последовало второе нашествие в Азербайджан Ага-Мухаммед-шаха, ¹⁵⁴ который, заняв Шушу, потребовал от всех феодальных правителей Южного Кавказа покорности. Ага-Мухаммед-шах отправил из Шуши в Баку нарочного с отрядом с целью доставки Гусейн-Гулу-хана, отказавшимся явиться к нему. Бакинский хан, потеряв надежду получить поддержку Русского государства и узнав о падении непокоренной ранее тушинской крепости, вынужден был повиниться и следовать в Шушу, где после гневных упреков за связь с русскими и сдачу города Баку русским войскам без сопротивления Ага-Мухаммед-шах заключил Гусейн-Гулу-хана под стражу. По указу шаха Баку был отдан в управление Шейх-Али-хану Губинскому. Семья и родственники Гусейн-Гулу-хана должны были быть отосланы в Тегеран, а остальные жители Баку платить контрибуцию. ¹⁵⁵ Неожиданная смерть Ага-Мухаммед-шаха, убитого 4 июня 1797 года своими дворцовыми служителями, ¹⁵⁶ спасла жизнь бакинского хана. Он был освобожден и возвратился в свои владения.

Между тем находившийся в Губе Мирза Мухаммед-хан II, узнав о смерти Ага-Мухаммед-шаха, немедленно направился в Баку.

Однако Гусейн-Гулу-хан опередил его и заперся в городе, заняв оборонительную позицию. После длительных переговоров Бакинское ханство со всеми его доходами вновь было разделено на две части. Гусейн-Гулу-хан остался в Баку, а Мирза Мухаммед-хан II поселился в селении Маштага, где построил новую крепость. ¹⁵⁷

Таким образом, междоусобная борьба привела к тому, что и без того небольшое ханство было разделено на две Части с центрами в Баку и Маштаге. Что касается Шейх-Али-хана Губинского, то он, быстро забыв об оказанной ему Гусейн-Гулу-ханом помощи, вновь обратился к Русскому государству с просьбой о признании его власти над ханством. В частности, в своем письме к канцлеру Безбородко Шейх-Али-хан выступает против приказа Гудовича после отхода русских войск из Азербайджана всем военачальникам российского флота, препятствовать губинскому хану при его выступлении против Баку, так как «город Баки принадлежит мне и я (т.е. Шейх-Али-хан - М.И.) конечно напрасно чинить на него нападения и присваивать его себе не стал». ¹⁵⁸

Как явствует из архивного документа, азербайджанские ханы в который раз выбирали Российское государство в качестве арбитра при разрешении своих неурядиц. Российское же правительство, проводившее колониальную политику в регионе, видя двойственную политику азербайджанских ханов и выступая в роли «защитника» в данном случае Гусейн-Гулу-хана, прежде всего стремилось дать понять, что последнее слово обязательно остается за ним.

После убийства Ага-Мухаммед-шаха на престол вступил его племянник Фатали-шах, впоследствии именованный Баба-ханом. Чтобы предупредить нашествие со стороны нового шаха, бакинский хан в числе других ханов снарядил к нему послов с подарками и просьбой о покровительстве. Фатали-шах, занятый упрочением своей власти во внутренних иранских областях, пока и не думал посягать на независимость азербайджанских ханств. В свою очередь, позиция Павла I, к тому времени пересмотревшего свое отношение к политике Екатерины II и прежде всего в восточном вопросе, кардинально переменилась, и русское правительство приняло решение не допустить повторного нашествия иранских войск на Южный Кавказ. Это четко видно из инструкции Павла I астраханскому генерал-губернатору Кноррингу от 5 января 1797 года, в котором указывалось на необходимость держать бакинского хана и других азербайджанских правителей под влиянием России, подстрекая их «к соединенному отпору против неприязненных замыслов» со стороны Ирана. ¹⁵⁹ О решительности действий его в этом вопросе свидетельствует тот факт, что приняв в русском дворе 3 апреля 1798 года посланника Фатали-шаха Ага-Мир Сеид Гасана, он велел передать иранскому правителю забыть «всяко

притязание к царю карталинскому и его владениям, а равно к шамха-лу, ханам дербентскому, бакинскому и к прочим землям, лежащим к западу, между Каспийским морем и грузинскими областями».¹⁶⁰ По всему видно, что царское правительство продолжало последовательно проводить свою политику на Южном Кавказе, не желая допустить укрепления здесь какого-либо другого государства.

Гусейн-Гулу-хан, спасшийся от смерти в иранском лагере и вновь взявший правление в свои руки, резко изменил свое отношение к Русскому государству, что объяснялось следующим. Покидая Азербайджан, некоторые царские высокопоставленные военнослужащие и чиновники, пользуясь отношением Павла I к политике матери, особенно пренебрежением к манифесту, где обещалось, что «никому в личности или имуществу не воспоследует никакой обиды и никакого притеснения, но паче каждый в том и другом ограждаем и охраняем будет»,¹⁶¹ стали чинить открытые грабежи и бесчинства. Царские офицеры пленили юношей и девушек. Без всякой причины были сожжены 1500 халвар хранившейся в нефтяном амбаре за крепостью нефти, а также находившиеся в домах у населения доски. Взятую для пользования медную и другую домашнюю утварь не возвратили и увезли с собой. В целом, населению был нанесен ощутимый ущерб.¹⁶²

Многие кендхуды, а также находившиеся в это время в Баку дербентский Имам-Гулу-бек, были схвачены и отправлены в Россию, а имущество их конфисковано. Вместе с тем, было конфисковано и сто лошадей, принадлежавших бакинскому хану.¹⁶³

Материальный ущерб, нанесенный в период пребывания русских войск в Баку самому хану, влиятельным феодалам да и остальному населению, оказал веяние на резкое обострение отношений бакинского хана с Россией. Как явствует из первоисточников, положение еще более осложнялось притеснениями бакинских купцов в русских городах. Обоюдные притеснения¹⁶⁴ привели в итоге к военному конфликту.

Павел I дал указание капитан-лейтенанту Мочакову в случае отказа Гусейн-Гулу-хана удовлетворить предъявленные к нему претензии «быть готовым... к открытию противу хана военных действий, начав оне бомбардированием города Баки».¹⁶⁵ Вместе с тем, внимание заслуживает рапорт статского советника Коваленского Павлу I от 22 июля 1799 года, которому было поручено разобраться с данным инцидентом. Советник ставил под сомнение жестокое обращение бакинского хана с русскими купцами, способствовавшим выгоды развития торговли при бакинском порте и, при этом подчеркивалось, что Гусейн-Гулу-хан не мог не считаться с наличием русских военных судов на Каспийском море. Единственным выходом из создавшейся ситуации Коваленский считал ведение переговоров с бакинским правителем.¹⁶⁶ Однако, несмотря на все это, в письме Коваленского консулу Скибиневскому, обязанному прибыть в Баку из Энзели для урегулирования отношений, говорилось, что Русское государство собиралось реально защищать интересы своих подданных и, чтобы не допустить побега хана из города или организацию им обороны, «какой либо вред нанести нам (России - М.И.) могущую», консулу Скибиневскому следовало на время переговоров скрывать решение об открытии военных действий.¹⁶⁷ Кроме того, российское правительство хотело воспользоваться представившимся случаем и захватить, «или по крайней мере истребить» большое мореходное судно, которое построил бакинский хан и «едва ли не снабдил его некоторым вооружением по военному, ибо., не безизвестно, что интересы наши (России - М.И.) взыскуют не терпеть на море Каспийском чужестранных и коими паче военных судов».¹⁶⁸ Таким образом, в этом письме не скрывались захватнические планы России в отношении данного региона, для претворения которых она готова была прибегнуть к оружию. Давлением на бакинского хана российское правительство раз и навсегда хотело покончить с указанным вопросом. Кроме того, в действиях русских властей прослеживалось стремление не допустить сюда другие юсударства, в частности Иран, в связи с чем они отказались от мысли о посредничестве Фатали-шаха в урегулировании данного инцидента. Подтверждение этому мы находим в том же письме Коваленского, где он указывает: «... отношением моим к Баба-хану решился поудержаться; дабы сим случаем не подать ему повода по одержанию над областью (Бакинским ханством - М.И.) тою власти, которая пожег быть действительно еще там о не утверждена, и предполагая при том, что в деле сем можно будет обойтись без всякого посторонняго посредничества...».¹⁶⁹

Несмотря на подписанное под давлением русского оружия обязательство и даже позже в 1802 г. соглашение об ограждении русских купцов от дальнейшего притеснения¹⁷⁰ враждебные отношения Гусейн-Гулу-хана с Русским государством оставались до завоевания Бакинского ханства Россией. В целях же сохранения своей власти и независимости ханства Гусейн-Гулу-хан вынужден был продолжать политику лавирования между Ираном и Россией. Так, еще до бомбардирования Баку он обратился к Фатали-шаху за помощью, «представляя весьма важным нападение на него Российских войск». Иранский правитель по ряду причин, одной из которых было притеснение иранских купцов со стороны бакинских властей, не заступился за бакинского хана.¹⁷¹ Однако это не остановило Гусейн-Гулу-хана от

повторного обращения к Ирану после указанного военного инцидента в 1800 г. с просьбой о покровительстве и военной помощи. Но, как сообщалось в рапорте генерал-лейтенанта Кнорринга императору от 11 апреля 1800 года, Фатали-шах сам намеревался захватить Баку, который приносил бы ему большие доходы как пошлинами, так и нефтью и солью. Получив отказ от иранского шаха под предлогом жалоб персидских купцов,¹⁷² Гусейн-Гулу-хан вынужден был отправить в Петербург своего посланника Мирза-Гади-бека с аналогичной просьбой. Исходя из рапорта главнокомандующего Кавказской линией генерал-лейтенанта Кнорринга становится ясно, что бакинский посланник прибыл в Кизляр в первой половине апреля 1800 года. В представленном посланником письме Гусейн-Гулу-хана говорилось об удовлетворении бакинским ханом всех претензий русских купцов и, самое главное, мотивировалась причина отправки Мирза-Гади-бека в Россию, заключающаяся в прошении «о всемилостивейшем прощении его в поступках противу Русского купечества им соделанных» и принятии его со всеми подчиненными «навсегда во всевысо-чайшее покровительство вашего Императорского величества».¹⁷³

Таким образом, отказ Фатали-шаха и, наоборот, пребывание русских войск в Грузии, куда они были введены в 1799 г.,¹⁷⁴ оказали определенное влияние на вышеуказанное решение бакинского хана. Кстати, и хотя до сих пор в исторической литературе существовало мнение о том, что пребывание русских войск в Грузии одновременно вдохновляло сторонников русской ориентации на всем Южном Кавказе, в том числе и в Азербайджане, то ни в коем случае нельзя причислять бакинского правителя к названным сторонникам, тем более после военного инцидента в 1800 г. Факт обращения его к России следует интерпретировать не иначе как стремление феодального правителя сохранить независимость своего ханства и оградить его от внешних вторжений. Для российского же правительства это обращение Гусейн-Гулу-хана парадом с обращениями других азербайджанских ханов в конце XVIII-начала XIX вв. явилось как бы своего рода трамплином для упрочения позиций России на западном побережье Каспийского моря в условиях усилившейся опасности со стороны Ирана. Вот почему, следуя желанию «умножить число владельцев к престолу российскому склонность оказующих»,¹⁷⁵ русское правительство положительно отреагировало на прошение Гусейн-Гулу-хана Бакинского. Мирза-Гади-беку на имя бакинского хана была дана жалованная грамота Павла I, в которой констатировалось: «Приемля Вас и всех Вам подвластных в высокое покровительство, надеемся что и на верноегь Вы обязаны учинить присягу».¹⁷⁶

Однако в то время как шли переговоры с Мирза-Гади-беком в ночь с 11 на 12 марта 1801 года скончался император Павел I, и престол занял его сын Александр I, с воцарением которого связана активизация политики России в указанном регионе.

ГЛАВА IV

ЗАВОЕВАНИЕ БАКИНСКОГО ХАНСТВА РОССИЕЙ.

Начало XIX века характеризовалось новым этапом во внешней политике азербайджанских ханств. Гусейн-Гулу-хан Бакинский, стремясь оградить ханство от иранского вторжения, поспешил вместе с другими ханами поздравить нового императора с восшествием на престол. В этой связи он отправил находившемуся в это время в Кизляре Мирза-Гади-беку письмо для вручения Александру I. После поздравлений бакинский хан просил принять «его и вес его владение в число подданных и содержать в высокомонаршем благоволении и покровительстве...»¹

Как свидетельствуют архивные материалы, Мирза-Гади-бек был отправлен с ведома русских властей сначала в Астрахань, и только 26 июля 1800 года он прибыл в Петербург, где был тепло принят при дворе.²

Наряду с этим, по данным смет, составленных для содержания бакинского посланника и сопровождавших его лиц в Петербурге, а также на проезд их из Кизляра до Петербурга и обратно,³ можно судить о том, что Мирза Гади-бек был принят на уровне и наравне с другими посланцами. А это, в свою очередь, подтверждает заинтересованность Русского государства в территориально небольшом из всех азербайджанских ханств - Бакинском ханстве, что являлось продолжением ее политики в 90-х годах XVIII в. Как явствует из составленного в русском кабинете архивного документа, по рассмотрению прошений азербайджанских ханов, Россия, учитывая, что «Бакинская соседственная Дербенту провинция, хотя и небольшая но коммерческая»,⁴ не скрывала политические и экономические мотивы этой заинтересованности. Выгодное географическое положение Бакинского ханства, наличие лучшей гавани в Каспийском море и другие вышеуказанные преимущества позволяли России выделять его среди других азербайджанских ханств, оказывать теплый прием посланнику Мирза-Гади-беку в Петербурге и делать подарки. В этом отношении небезынтересна «Записка о подарках Гусейн-Гулу-хану и посланцу его», где подробно указана сумма каждого подарка.⁵

Как обнаруживается из содержания архивных документов, в сложившейся обегановке вполне понятна и позиция Гусейн-Гулу-хана, который, обращаясь к Русскому государству с просьбой о защите от Фатали-шаха, руководствовался исключительно интересами правителя, стремившегося во что бы то ни стало сохранить независимое своего ханства. При сопоставлении действий Русского государства и бакинского правителя Гусейн-Гулу-хана, можно сделать вывод, что последний также остался верен той политике, какую проводил с момента прихода к власти и какую, как мы увидим позже, преследовал до конца своей жизни.

Русское же государство с воцарением на престол Александра I приступило к действенным мерам по осуществлению своих планов в отношении данного региона. Обращения некоторых феодальных правителей Азербайджана к России потенциальному противнику Ирана на Южном Кавказе, за поддержкой, в конечном итоге явились поводом для достижения Россией своих захватнических целей. Именно поэтому, рассмотрев прошения азербайджанских ханов о покровительстве, новый русский кабинет отмечал, что «по интересам нужно не отказывая им в оном принять пристойные меры, состоящие в следующем: быть в тесной дружбе и согласии, неудовольствия разбирать через посредника из ханов с ними согласных. По учреждении тесной дружбы и согласия между ними и по обнадеживании их высоким Императорским покровительством, не сможет напасть на них ни персидский Баба хан, никто другой».⁶ Претворяя в жизнь эту линию вице-канцлер князь Куракин в письме к Гусейн-Гулу-хану советовал оказывать Шейх-Али-хану Губинскому «во всех случаях род предпочтения и ласки, какие по доброму соседству с обеих сторон нужны».⁷ Казалось, что русский двор действительно волновали междоусобицы в азербайджанских ханствах, где он хотел якобы воцарения мира и покоя между ними, в действительности же Россия, которой льстило выступать в старой роли их «арбитра и сберегателя», смотрела на них только через призму своих политических амбиции. Последнее подтверждает и письмо, написанное от имени Александра I, в котором указывается, что «...следует известить хана Дербенского, Шамхала Тарковского, Уцмия Каракайдакского... чтоб дружественно с Гусейн-Гулу-ханом обращались и не чинили ему никаких обид», так как «Его Императорское Величество соизволяет принять его (бакинского хана - М.И.) в свое покровительство и защиту».⁸ Вместе с тем русское правительство хорошо понимало политические мотивы обращения за покровительством азербайджанских ханов, в том числе и Гусейн-Гулу-хана, однако ни за что не хотело упустить удобный шанс для оправдания и претворенная в жизнь своих захватнических действий. Это хорошо видно из указанного ранее письма, составленного от имени Александра I Слешкаревым в ответ на представленную Мирза-Гади-беком от имени Гусейн-Гулу-хана в русский двор записку от 29 марта 1801 года.⁹ Кроме пунктов, касавшихся урегулирования торговых отношений Бакинского ханства с Россией,¹⁰

в письме были даны ответы царского правительства и на другие претензии Гусейн-Гулу-хана. В частности, в целях беспрепятственного осуществления своего плана русское правительство признало указанные бакинским ханом убытки, нанесенные русскими войсками в период пребывания в Баку в 1796 г. и констатировало следующее: «Хан и его народ могут полагаться на покровительство и милость, что все произошедшее во время бывшей с Персией войны предается забвению».¹¹ Более того, не сумев возвратить товар, конфискованный в указанное время у матери Гусейн-Гулу-хана, русский двор даже отправил ей через Мирза-Гади-бека булаву и серьги, осыпанные бриллиантами.¹² Вместе с тем, следует указать, что русское правительство не признало себя виновным в бомбардировании Баку в 1800 г., а в справке, составленной позже, оно ясно дало понять, что «Бакинский хан если б оставил упрямство, велел своим поданным удовлетворить Россиян в причиненных им тяжких обидах и притеснении то б сего бомбардирования не было».¹³ Однако русское правительство вынуждено было до конца играть роль «благородного», поэтому оно, как бы оценив полное удовлетворение Гусейн-Гулу-ханом обиженных русских купцов в 1800 г. и его лояльность, выраженной в том, что он не оказал им ни малейшего сопротивления при бомбардировании, признало очевидным тот факт, что «городу Баке было причинено некоторое повреждение (при бомбардировании - М.И.)» и следует «пожаловать посланцу на поправление мечетей и других народных зданий» 1000 червонцев.¹⁴

Вышеотмеченное позволяет нам прийти к убеждению, что за этими уступками со стороны Русского государства скрывалась умелая и хитрая политика, направленная на достижение любыми способами задуманных планов в отношении Азербайджана в целом и Бакинского ханства, в частности.

28 августа 1801 года Мирза-Гади-бек вернулся в Баку с ответным письмом к Гусейн-Гулу-хану от вице-канцлера князя Куракина и с богатыми подарками. Вместе с письмом на имя бакинского правителя имелась жалованная грамота, согласно которой Гусейн-Гулу-хан принимался со всеми подданными в российское покровительство.¹⁵

Однако, несмотря на благожелательное отношение русского правительства к ряду азербайджанских владельцев, в том числе и к бакинскому, и на официальное принятие в свое подданство последнего, оно не спешило на деле проявлять свое покровительство по отношению к Бакинскому ханству. Этому препятствовал главным образом накал международной обстановки, вызванный сильным противодействием западноевропейских держав, подстрекавших Иран и Турцию против России. Одновременно Русское государство, продолжая свою колониальную политику по отношению к азербайджанским ханствам, в частности и к Бакинскому, держало их в поле зрения, контролировало каждый их шаг, стараясь привлечь на свою сторону, что хорошо видно из рескрипта Александра I к главноуправляющему на Кавказе генерал-лейтенанту Кноррингу от 12 сентября 1801 года: «Содержания сношения с окрестными владельцами и народами, стараться приумножить число приверженных к России, особенно же привлекать ханов: Эриванскаго, Ганжинскаго, Шакинскаго, Ширванскаго, Бакинскаго и других, над коими власть Баба-хана еще не утвердилась, и кои потому, в настоящих обстоятельствах, для безопасности своей будут конечно преклонны к России».¹⁶ В этом же рескрипте важное значение придавалось Бакинскому ханству, об особой роли которого подчеркивалось: «Посредством сношений с теми из них, коих владения лежат на левом берегу Аракса и прилегают к реке Кура, стараться, особливо чрез хана Бакинскаго, которой владеет и устьем Куры и лучшим Портом на Каспийском море, достигнуть до способов доставлять к войскам нашим в Грузию тягости из Астрахани водою, а не трудным путем чрез горы Кавказския...»¹⁷

Кстати, несмотря на вынужденное обращение Гусейн-Гулу-хана к российскому правительству бакинцы не скрывали своего отрицательного отношения к вхождению не только Грузии (1801 г.), но и их самих в состав России, что очевидно из рапорта русского консула М.Скибиневского от 26 февраля 1802 года. Анализируя такое поведение бакинцев консул делает свои выводы о том, что в отличие от губинцев и дербентцев, раздираемых междоусобицами, бакинцам была обеспечена более спокойная с достатком жизнь благодаря оживленной торговле через бакинский порт, а также умеренному правлению Гусейн-Гулу-хана Бакинского. По мнению консула, во всем этом сыграло роль и духовенство, подстрекавшее бакинцев игнорировать российское правление в Грузии. И хотя Скибиневский пытался разуверить бакинцев, не преминув напомнить об угрозах и нашествии иранского шаха Ага-Мухаммеда Гаджара, однако они надеялись, что действия нового правителя Ирана Фатали-шаха не вызывают опасений.¹⁸

Таким образом, российское правительство, добившись покровительства над Грузией несомненно стремилось, чтобы бакинцы в числе жителей других азербайджанских ханств добровольно согласились принять российское правление. Поэтому русский консул всячески пытался внушить им мысль об иранской угрозе, и от которой их могла защитить только Россия. Однако, ни бакинский правитель, несмотря на вынужденное обращение к России, никоим образом не хотел терять независимость

Бакинского ханства, ни бакинцы не желали променять самое жестокое ханское правление на гнет христианского завоевателя.

Между тем иранский Фатали-шах, поддерживаемый Ашглией и Францией, усилил свои действия на Южном Кавказе. В этой связи в 1802 г. к Ибрагим-Халил-хану Гарабахскому явился иранский посол Пиргули-хан Гаджар с требованием подчинения Гарабаха Ирану, в противном случае угрожая вторжением иранских войск. Такое же требование было предъявлено и Гусейн-Гулу-хану Бакинскому.¹⁹ Таким образом, над ханствами Азербайджана вновь нависла серьезная угроза иранского нашествия.

В обстановке назревания реальной опасности войны с Ираном правительство Александра I решило перейти к действенным мерам, чтобы в дальнейшем оправдать свое выступление с целью «защиты» безопасности азербайджанских ханств от иранского вторжения. В этой связи российское правительство предложило азербайджанским владельцам прибыть в Георгиевск к 20 сентября 1802 года для заключения союза.²⁰ 26 декабря 1802 года переговоры между некоторыми феодальными правителями Азербайджана и Дагестана закончились подписанием договора, по условиям которого губинский, талышский ханы и ряд феодальных правителей Дагестана по их собственным просьбам принимались под покровительство России. Союзники обязались быть между собой в Дружбе и не нападать друг на друга, также объединить свои силы для совместного выступления против Ирана в случае нападения.²¹

Руководствуясь своей гегемонистской политикой и стремясь не допустить завоевание Азербайджана Ираном, Россия выступила инициатором заключения этого договора, который был направлен на ослабление позиции шахского Ирана на Южном Кавказе и одновременно ударял по политическим и стратегическим интересам Англии, стремившейся с помощью Ирана утвердиться в бассейне Каспийского моря.

Действительно, заключение в сложившейся обстановке Георгиевского договора имело огромное значение для России. Однако, на наш взгляд, нельзя согласиться с устаревшей в исторической литературе оценкой, что Георгиевский договор «способствовал установлению мирных условий жизни как в Закавказье, так и в Азербайджане и содействовал дальнейшему усилению в этом регионе русской ориентации».²² Георгиевский договор фактически стимулировал экспансионистскую политику России в указанном регионе, открывая путь завоеванию Азербайджана и ликвидации независимых азербайджанских ханств. Этот процесс начался уже в 1801 г. с присоединением Восточной Грузии, в составе которой к России отошли Казахское и Шамшадильское султанства Азербайджана. В целом, Георгиевский договор был рассчитан Россией на то, чтобы ускорить утверждение её позиций на Южном Кавказе, в том числе и Азербайджане.

Что же касается "установления мирных условий жизни", то в Бакинском ханстве продолжались распри между Гусейн-Гулу-ханом и Мирза Мухаммед-ханом II. Как явствует из рапорта русского консула Скибинева генерал-лейтенанту Кноррингу, Гусейн-Гулу-хан решил воспользоваться отъездом Шейх-Али-хана в Георгиевск «ибо всегда желал он чтобы Шейх-Али-хан не в состоянии был доставить Мирзе Мамету хану по прежнему ханское место в Баке». В связи с этим бакинский правитель стал подстрекать Ага-Али-бека, внука Имам-Гулу-хана Дербентского, занять ханский престол в Дербенте.²³

Сам же Гусейн-Гулу-хан Бакинский, занятый борьбой за власть, не смог принять участия в георгиевском союзе. Однако он уверил русского консула Скибинева, что «чиновника доверенного для постановления дружественной связи отправит, но не прежде как судно пойдет из Баки в Астрахань, сухопутно же послать опасается Мустафы Хана Шемахинского».²⁴ Поскольку шемахинский хан к этому времени «приклонил в повиновение к себе бакинского Гусейн-Гулу-хана», последний обязан был платить ему ежегодную дань товарами и деньгами в размере 120000 рублей.²⁵ Это вызвало противодействие со стороны Шейх-Али-хана, который стремился ослабить здесь власть шемахинского Мустафа-хана и подчинить себе бакинского Гусейн-Гулу-хана, чтобы получить половину его доходов.²⁶

Между тем Гусейн-Гулу-хан возобновил военные действия против Мирза Мухаммед-хана II, поселившегося в селении Маштага. В 1802 г. Гусейн-Гулу-хан вопреки ранее заключенному соглашению и, будучи поддержан Мустафа-ханом Шемахинским, захватил крепость Маштага. Мирза Мухаммед-хан II вынужден был вместе со своим семейством вернуться в Губу. После этого он предпринял ряд безуспешных попыток восстановиться на бакинском фоне, но вскоре отказался от этой затеи, засев в Губе. Это подтверждается и рапортом генерал-лейтенанта Репина генералу Торماسову от 29 июля 1809 года, в котором говорилось, что Мирза Мухаммед-хан II «будучи свергнут с ханства Бакинского, удалился в Кубу, где жил уединенно, не вмешиваясь ни в какие дела...»²⁷

Несколько урегулировав дела в ханстве, Гусейн-Гулу-хан решил, как обещал, отправить своего посланника в Россию для заключения союза, что было как никогда на руку царскому правительству, интенсивно готовившемуся к занятию ряда городов Азербайджана, в первую очередь Баку с тем, чтобы, выйдя на Каспийское море, соединить его с Черным, так как с присоединением 12 сентября 1801 года

Грузии к России возникла необходимая потребность в установлении этих связей. В депеше к Цицианову, назначенному Александром I в сентябре 1802 года главнокомандующим на Кавказе, было поручено претворить эту задачу в жизнь, так как беспрепятственное сообщение между Баку и Грузией «соединит так сказать Каспийское море с Черным, откроет торговле нашей (России - М.И.) новый путь, тщетно донныне желанный, по причине суровости нравов жителей тех мест».²⁸

Стремясь добиться занятия города Баку без военных действий, князь Цицианов пытался склонить Гусейн-Гулу-хана Бакинского впустить русский гарнизон в город. С этой целью он поручил находившемуся в Баку консулу Скиби-невскому «внушить Гусейн-Гулу-хану, что как он стеснен с двух сторон Дербентским и Ширванским владетелями», то ему не у кого более искать помощи и покровительства, кроме, как у России, и что Шейх-Али-хан просит войска для покорения Мустафа-хана Шемахинского, а может быть и его самого Гусейн-Гулу-хана, а потому с целью предупредить этот акт он должен просить у российского императора для защиты гарнизон в Баку, в чем ему не откажут.²⁹ Как видим, налицо излюбленный метод царизма «разделяй и властвуй». С одной стороны, российское правительство якобы ратует за союз между ханами, а с другой, подстрекает их друг прощв друга. Как явствует из источников, в стратегическом плане для Цицианова занятие Баку и близлежащих городов мирным путем было выгодно и очень важно. Надеясь на сдачу Баку со стороны Гусейн-Гулу-хана без кровопролития, Цицианов хотел осуществить это сразу же после завоевания Гянджи и с помощью двух полков, запрошенных им один из Тамани, другой - из Крыма.³⁰ Об оперативности решения этого вопроса зависело утверждение русских в Баку, о чем красноречиво свидетельствует рескрипт Цицианова канцлеру Воронцову от 27 апреля 1803 года, где он предупреждал, что в случае несвоевременной отправки указанных полков «добровольное при-обретение Баку сей же осенью останется невыполненным, то поколеблет доверенность к нам Бакинского хана и уронит, самым явным противодействием власть начальства моего».³¹

Однако, несмотря ни на что, в рескрипте от 20 марта 1803 года Цицианову было отказано в присылке полков, что объяснялось уверенностью русских правящих кругов в Цицианове, который «доведет дело до конца и расширит границы Российской империи», при этом не встретив сопротивления, и возложенная на него задача будет выполнена «с самого согласия владельцев, коих земли имеют остаться внутри границ Империи всероссийской».³²

Цель экспедиции Цицианова четко сформулировал В.Зубов, пророчивший, что именно Цицианову предстоит осуществить те задачи, которые тщетно предпринимались Екатериной II и Петром Великим считавшим «поход Персидский венцом своей славы».³³ Как видно, российское правительство и не скрывало, что захват Баку, как и всего Азербайджана в целом, являлось прежде всего выполнением предначертаний Петра I.

В марте 1803 года в Тифлис прибыл посланник Гусейн-Гулу-хана Аллахверди-бек и подал князю Цицианову письмо от бакинского хана, в котором говорилось, что посланник имеет от него словесное поручение уведомить «о покорности и послушании хана», а также просительную грамоту на имя императора, с которой он должен был отправиться в Петербург к русскому двору.³⁴ Однако проводник жестокой колонизаторской политики России Цицианов имел твердое указание о занятии Баку, и поэтому, не согласившись на отправку Аллахверди-бека в Петербург, «приводя в основание не имение на то Высочайшего повеления и незнания важности и сущности посольства»³⁵ задержал его в Тифлисе. В то же время Цицианов, намеревавшийся овладеть городом Баку без применения силы, потребовал от бакинского посланника письменное обязательство.³⁶

В результате длительных переговоров было достигнуто соглашение, согласно которому Гусейн-Гулу-хан «со всем своим семейством, городом Бакою, и всем тем, что Баке издревле принадлежало, повергается во всесовершенное подданство Его Императорскому Величеству Всероссийскому Государю Императору на вечныя времена и непоколебимо». Обеспечение города, укрепление пристани и создание других условий для поддержания торговли Гусейн-Гулу-хан предоставлял в распоряжение главноуправляющего. Взамен этого он просил свободы вероисповедания, введения русского гарнизона в 1000 человек в город Баку для защиты от внешних врагов, сохранения прежнего ханского правления под его властью, позволения строить суда в Астрахани и отдавать их в наем.³⁷

Между тем соглашение, заключенное между Цициановым и бакинским посланцем Аллахверди-беком, вскоре было расторгнуто Гусейн-Гулу-ханом, опасавшимся Мустафа-хана Шемахинского.

Как известно, бакинский хан, упрочив свои позиции в ханстве в междоусобной борьбе с Мирза Мухаммед-ханом II и став в 1802 г. единовластным правителем Бакинского ханства,³⁸ попал под влияние усилившегося Мустафа-хана Шемахинского,³⁹ который, задержав на обратном пути Аллахверди-бека и отобрав у него все бумаги, а также «соболиный мех, посланный ханше; бриллиантовый перстень, посланный хану (Гусейн-Гулу-хану - М.И.)», угрожал бакинскому хану разорить селения Бакинского ханства в случае движения русских войск в Баку.⁴⁰ Угроза шемахинского хана, к тому же имевшего в

самом городе Баку много приверженцев, не могла не повлиять на бакинского хана, который однако был готов в ответ ограбить «шемахинское купечество, торгующее через Баку в Астрахань».⁴¹ В письме к Цицианову от 19 июля 1803 года Гусейн-Гулу-хан сообщал, что Аллахверди-бек, отправленный только «для учинения союза с Дагестанскими владельцами, находящимися под Российским покровительством», заключил соглашение об уступке города Баку по собственной инициативе.⁴² Бакинский хан дал знать консулу Скибиневскому, что он вполне понимает насильственность введения русских войск, и в случае их появления на территории ханства, он с беками-единомышленниками, забрав все имущество, удалится во внутренние области Ирана и будет искать покровительства Фатали-шаха, «а противу многолюдного войска зделает всевозможное сопротивление».⁴³

Главная же причина расторжения договора Гусейн-Гулу-ханом заключалась в захвате в марте 1803 года и бесчинствах русских войск во главе с генералом Гуляковым на территории Джаро-Балакенских джамаатов (вольных обществ), имевших важное военно-стратегическое значение.⁴⁴

Покорение Гянджинского ханства способствовало дальнейшему продвижению русских войск к Каспийскому морю, что вызвало сильное беспокойство Гусейн-Гулу-хана. Завоевание Гянджинского ханства и убийство Джавад-хана Гянджинского, а вслед за этим повторное разорение Джаро-Балакенских джамаатов в 1804 г.⁴⁵ окончательно убедили Гусейн-Гулу-хана в бессмысленности его обращений за помощью к Русскому государству, проводившей колониальную политику в отношении азербайджанских ханств, в том числе и Бакинского.

Русское правительство не могло допустить потерю Бакинского ханства как ключевой позиции, поэтому решило наказать бакинского хана за его «непостоянство». В повелении Александра I Цицианову от 26 октября 1803 года указывалось «...приступить к приведению в исполнение тех постановлений, кои заключены были между вами и Аливердибеком, посланцем Бакинского хана».⁴⁶

Однако находившаяся в распоряжении Цицианова в плачевном состоянии флотилия не была готова тотчас выступить и занять Баку, а выслать отдельные войска для этой цели было невозможно. Поэтому Цицианов вынужден был ждать прибытия вновь запрошенных им двух полков из Крымской инспекции, «чтобы заставить Бакинского хана раскаться».⁴⁷ Вместе с тем всю ответственность за действия Гусейн-Гулу-хана по отношению к России Цицианов перекладывал на русского консула Скибиневского, который якобы не побудил бакинского хана к принятию заключенных Условий, и даже скрыл о наличии в Баку военных судов «в противность флагу Российскому».⁴⁸ Однако большое число архивных документов свидетельствует об обратном: большое усердие консула склонить бакинского хана к России, при этом убеждая его, что Мустафа-хан «не только выжидает времени овладеть Бакою и будучи суннинского закону душевно ненавидит шию». Консул даже показывал Гусейн-Гулу-хану письмо, в котором в 1800 г. Мустафа-хан просил открыть порт в Сальяне. Однако на все эти доводы Скибиневского Гусейн-Гулу-хан твердо стоял на своем, отвечая, что «ему вовсе не нужна защита Российских войск, а Шемахинский хан никогда не будет в состоянии вытеснить его из Бакинской области», если же Мустафа-хан посмеет грабить бакинские селения, то и он ограбит шемахинское купечество, торгующее через Баку в Астрахань.⁴⁹

Более того, если Цицианов главную причину расторжения Гусейн-Гулу-ханом соглашения видел только в устраниении его шемахинским ханом,⁵⁰ то у Скибиневского сложилось совершенно противоположное мнение. Консул считал, что бакинский хан, прибегнув к хитрости, просил войска через Аллахверди-бека, будучи уверенным в прибытии русских войск якобы в наказание за грабеж товаров и замены его на престоле «другим [ханом] благонамеренным Империи», но узнав по дошедшим известиям о надвигающейся войне России с Турцией, успокоился и стал отрекаться, уже прикрываясь опасностью со стороны шемахинского хана.⁵¹

Тем не менее в русском дворе выход из создавшегося положения усматривали в отзыве консула Скибиневского, надеясь, что это могло подействовать на Гусейн-Гулу-хана пойти на условия, подписанные Аллахверди-беском.⁵² Кстати, деятельность генерального консула в Баку Скибиневского, являвшегося проводником восточной политики Александра I, вызывала большое недовольство и со стороны ханской власти, поэтому в начале 1804 года он был выдворен из Баку.⁵³

Противостояние со стороны Гусейн-Гулу-хана полностью расстроило планы русского правительства, в связи с чем оно вновь заговорило о запрещении русским купцам продавать канаты, якоря и другие корабельные снасти, «без помощи коих тамошние (азербайджанские и в частности бакинские - М.И.) жители, не были бы в состоянии снастить свои суда».⁵⁴ Оно решило действовать по старому правилу: «чтоб никаких больших судов не терпеть на Каспийском море кроме Российских».⁵⁵

Вместе с тем, чтобы ускорить завоевание Баку, основная причина задержки которого была в угрозах шемахинского хана, Русское государство намеревалось подчинить Шемахинское ханство, что видно из депеши государственного канцлера к князю Цицианову от 4 сентября 1803 года. В ней говорилось, что «занятие Шемахинской провинции должно служить преддверием занятия Баки,

вследствие чего предписывается [Цицианову] склонить к тому шемахинского хана, либо силою, либо лестными обещаниями».⁵⁶

В то же время путь из Грузии в Баку и регион Каспия лежал через Шемахинское ханство. Однако из-за неисправности Каспийской флотилии и недостаточного числа войск Цицианов вынужден был отложить занятие Шемахинского, а вслед за тем и Бакинского ханств до 1805 года.

Завоевание Грузии и части Азербайджана, в частности Джаро-Балакенских джамаатов и Гянджи Россией не могло оставить шахский Иран равнодушным. Подстрекаемое британской дипломатией, шахское правительство в мае 1804 года потребовало вывода русских войск из Южного Кавказа. В связи с отклонением Россией иранской ноты 10 июня 1804 года произошел разрыв дипломатических отношений между этими двумя государствами. Вспыхнула русско-иранская война.

С самого начала это была война между двумя державами за территориальные притязания. Азербайджанские Ханства являлись главным объектом экспансионистских целей как России, так и Ирана. Русское государство с целью подчинения Бакинского ханства решило силой оружия заставить бакинского хана вступить в подданство России. Дальнейшая активизация действий российского правительства в регионе Каспия совпала с усилением военных действий между Россией и Ираном и имела целью помешать наступательным замыслам шаха, отвлекая его силы от главного театра военных действий. В апреле 1805 года Цицианов отправил каспийскую флотилию под командованием генерал-майора Завали, шина для занятия Решта и Баку. При этом, как предполагал Цицианов, десантом в Энзели и Реште каспийская флотилия должна была отвлечь внимание и силы Фатали-шаха на защиту своих приморских провинций. Баку же должен был поступить «во всегдашнее подданство России для сделания из нея портового города, могущего служить убежищем нашим купцам, доколе устроиться при уегье реки Куры, на удобнейшем месте, укрепление для покровительства торговли».⁵⁸ Причем, независимо от результатов экспедиции флотилия обязательно должна была отправиться в Баку. Заняв же город, десантные войска должны были «поставить пушки по таким местам, с коих можно держать город в страхе».⁵⁹

В 1805 г. десантные войска на военных судах во главе с Завалишиным отправились из Астрахани на юг. Однако экспедиция не оправдала надежд. Хотя отряд русских войск в 800 человек и занял Пир-Базар и Рейн, но вскоре был разбит прибывшими туда иранскими войсками. 26 июля 1805 года русская эскадра снялась с якоря от энзелинских берегов и отправилась в Баку.⁶⁰

12 августа 1805 года эскадра вошла в бакинскую бухту. Вступление русских войск послужило поводом для антирусской пропаганды в Баку проиранскими элементами и агентами шаха. Еще за три недели до прибытия эскадры на бакинский рейд бакинская знать вывезла свое имущество и семьи из города. Кстати, учитывая момент противостояния император утвердил проект Цицианова о первоначальном захвате именно Баку, так как «в нем убежище было непокорных людей».⁶¹ Сам Гусейн-Гулу-хан остался с войском в стенах опустевшего города, приготовившись к обороне. Он твердо решил сопротивляться до последнего. Все городские ворота были завалены камнями, за исключением тех, через которые должен был скрыться бакинский хан, когда уже не возможно будет защищаться.⁶² Для обороны города Гусейн-Гулу-хан начал укреплять крепость, ставить пупси (их полагалось до 20) и запастись всем необходимым /утя защиты. 13 августа 1805 года Гусейн-Гулу-хан отправил своего посланца к генерал-майору Завалишину для выяснения причин появления русской эскадры. Завалишин сообщил, что прислан по указу императора, чтобы наказать бакинского хана, отказавшегося от договора, заключенного между Аллахверди-беком и главнокомандующим Цициановым. В свою очередь, Завалишин отправил к Гусейн-Гулу-хану офицера с письмом о сдаче города, а также оружия. В тот же день от бакинского хана прибыли два чиновника с просьбой отложить ответ на два месяца. Но поскольку это не соответствовало полученным Завалишиным предписаниям и явно оказывало желание Гусейн-Гулу-хана выиграть время, чтобы дожидаться помощи со стороны, бакинскому хану было дано на обдумывание только двое суток.⁶³

15 августа 1805 года Гусейн-Гулу-хан вновь отправил двух чиновников с повторной просьбой о двухмесячной отсрочке, на что Завалишин потребовал сдать город до заката солнца. Получив отказ Гусейн-Гулу-хан прервал переговоры, так как Завалишин угрожал бомбардировать крепость.⁶⁴ И по истечении срока русская эскадра приступила к обстрелу города. Пересфелка доилась до 22 августа, когда Завалишин и его помощник Асеев с двумя высадившимися на берег отрядами загнали противника в крепость и заняли прибрежные высоты, необходимые для снабжения эскадры водой. В то же время упорное сопротивление бакинского хана убедило Завалишина в невозможности заставить крепость сдаться действиями с моря. Поэтому с целью блокады её с суши 29 августа он двинулся с двумя отрядами к берегу. Одновременно с суши и с моря началась бомбардировка города, которая продолжалась до 3 сентября. Однако бакинцы держали стойкую оборону. Что интересно, в русских источниках также открыто говорится об их отчаянной и успешной борьбе. А в одном из них даже

подчеркивается, что несмотря на захват русскими двух пушек и трех знамен у бакинцев, «ничто однако - же не показывало, чтобы в крепости думали о сдаче, а частые вылазки напротив свидетельствовали, что неприятель (бакинцы М.И.) не теряет бодрости и верит в успех обороны».⁶⁵ Более того, Завалишин был уверен, что столь упорное сопротивление бакинцев стимулировалось их надеждой на чью-либо близкую помощь. И хотя действительно 5 сентября на помощь бакинскому хану подошел Шейх-Али-хан Губинский с многочисленным войском,⁶⁶ но только стойкая самоотверженная борьба бакинцев во главе с Гусейн-Гулу-ханом вынудила Завалишина снять блокаду и возвратиться на суда. Малочисленность десантного войска и недостаток боеприпасов заставили Завалишина 8 сентября 1805 года созвать военный совет, который, оценив обстановку, вынес решение оставить бакинский рейд и следовать к острову Сары, близ Ленкорани. 9 сентября 1805 года русская эскадра отправилась на этот остров,⁶⁷ где встала на якорь в ожидании дальнейших указаний главнокомандующего.

Цицианов, чрезвычайно огорченный неудачами Завалишина, дал указание вновь пойти с эскадрой к Баку, высадить десант и принудить Гусейн-Гулу-хана Бакинского сдаться на новых условиях, согласно которым все доходы ханства поступали в царскую казну, а хану назначалось годовое жалованье в 10 тыс. рублей; внутреннее управление Баку подчинялось особым правилам, «так как это город приморский, и Россия всегда покровительствует торговле»; в бакинскую крепость предполагалось ввести русский гарнизон из 800-1000 человек с пушками.⁶⁸

Завалишин, по приказу Цицианова, остановился в 40 верстах от Баку, отправив Гусейн-Гулу-хану условия трактата. В поступившем от Гусейн-Гулу-хана Завалишину письме говорилось, что он, хан, считает себя верноподданным России, но удивляется, почему эти бумаги не были присланы раньше, до бомбардирования города, «а теперь мы уже не верим, что они (бумаги - М.И.) присланы от Его Императорского Величества, а полагаем, что оне составлены вами (Завалишиным - М.И.)».⁶⁹ Видя безуспешность переговоров, Завалишин вынужден был просить Цицианова прибыть в Баку с войсками лично, при этом отмечая, что якобы бакинское население недовольно своим ханом, собравшим с него 150 тыс. рублей подати для уплаты Шейх-Али-хану Губинскому; кроме того, с приходом русского десанта вывоз соли и нефти прекратился, что еще более ухудшило положение жителей. В связи с этим Завалишин надеялся, что с прибытием князя Цицианова под Баку «кичливость хана уничтожится и он сдаст город».⁷⁰

Вместе с тем следует отметить, что на арене вновь появляется Мирза Мухаммед-хаи II, который намеревался обратиться к Цицианову в Гянджу с целью восстановиться на бакинском престоле, предлагая в случае помощи ему со стороны русской армии доходы от нефти и соли.⁷¹ Однако, учитывая тот факт, что как политическая фигура он не представлял никакого интереса, то Россия отказалась делать на него ставку. Это подтверждается сообщением Скибиневского советнику Чарторыйскому, где говорится, что Мирза Мухаммед-хан II «не имеет в Баку сильной партии ни из старшин, ни в народе»,⁷² Тем более, что в твердой и целенаправленной политике Цицианова по отношению к Бакинскому ханству не было даже надобности восстановления Мирза Мухаммед-хана II на бакинском троне. Поэтому для оперативности решения вопроса Цицианов, несмотря на болезнь, решил идти на помощь Завалишину. В связи с чем он докладывал в центр, что «главнейшая польза, могущая истекать от присоединения сего ханства (Бакинского - М.И.) к России есть та, что оным через Баку между Грузией и Астраханью восстановится торговая связь...»⁷³

В конце ноября 1805 года Цицианов с отрядом из 1663 человек пехоты и кавалерии с 10 орудиями выступил из Елизаветполя (Гянджи) в сторону Баку. Поспешность зимнего Наступления была вызвана тем, что снег, выпавший в ноябре 1805 года на всей территории от Тебриза до Гарабаха и доходивший в некоторых местах глубиной до 1 сажени, исключал всякую помощь бакинскому хану извне, в частности со стороны Ирана. Кроме того, занятие Баку склонило бы Фатали-шаха к скорому заключению мира.⁷⁴ По пути в Баку Цицианов 27 декабря 1805 года подписал договор о переходе Шсма-хинского ханства под власть России с Мустафа-ханом,⁷⁵ который вынужден был заключить этот союз для спасения своего владения от разорения. Это был тактический шаг, поскольку занятие Шемахинского ханства - одного из крупных и богатых ханств Северного Азербайджана, имевшего большое экономическое, политическое и военно-стратегическое значение, ускорило последующий переход Бакинского ханства под власть России. В связи с этим еще будучи в Ширване Цицианов написал бакинскому хану о своем твердом намерении овладеть Баку или умереть под его стенами и требовал от Гусейн-Гулу-хана покорности, угрожая, что «в противном случае возьмет крепость штурмом».⁷⁶ 30 января 1806 года армия Цицианова подошла к Баку. После соединения с десантными войсками Завалишина в начале февраля 1806 года Цицианов приступил к переговорам с Гусейн-Гулу-ханом.⁷⁷ Но и на этот раз бакинский правитель твердо решил бороться до конца, тем более что и на созванном им совете все единодушно поклялись до последнего защищать город. Наконец, поняв, что не сможет открыто противостоять русским войскам, Гусейн-Гулу-хан задумал коварный план мести жестокому врагу. 4 февраля 1806 года Гусейн-Гулу-хан

решил написать Цицианову следующее: «По требованию Вашего Сиятельства я сдаю Бакинскую крепость на совесть или волю вашу, и повергаю себя со всем своим владением и народом в вечное подданство Всероссийской Империи». Далее бакинский хан выражал надежду, что русский император, приняв во внимание заслуги, оказанные им в период пребывания русских войск в Баку в 1796 г., «не лишит его владения ханством и оставит при прежних его выгодах».⁷⁸

Со своей стороны Цицианов ответил, что бакинская крепость и все владения Гусейн-Гулу-хана принимаются в подданство России «не для расширения границ и без того обширнейшей Российской империи, но единственно для защищения могуществом своим и силою непобедимых своих войск от насилия Баба хана сардара и прекращения междуусобий, раздирающих ханства здешня! о края к крайнему разорению и гибели народов».⁷⁹ Как видно из содержания письма, налицо лицемерная, двойственная политика российского правительства, умело маскирующая свои захватнические цели.

Уверенный в себе и силе русского оружия Цицианов решил, что ему удалось провести Гусейн-Гулу-хана и, безусловно, был убежден в добровольной сдаче крепости бакинским ханом. Поэтому в этом же письме Цицианов излагал условия, на которых Гусейн-Гулу-хану поручалось управление Бакинским ханством:

- 1) свобода вероисповедания;
- 2) управление ханством оставалось во власти Гусейн-Гулу-хана;
- 3) суд и расправа также оставались в руках бакинского владетеля, за исключением уголовных преступлений, в разборе которых должны были участвовать комендант бакинского гарнизона;
- 4) доходы с ханства, за исключением таможенных сборов, поступали в пользу хана;
- 5) необходимое количество соли и нефти должны были бесплатно отпускатся только для нужд войск в Закавказском крае;
- 6) по азиатскому обычаю, кроме присяги, бакинский хан обязан был выдать в залог верности своего сына в аманаты;
- 7) хан безоговорочно должен был подчиняться главнокомандующему края;
- 8) измена присяге лишала бакинского хана власти.⁸⁰ Таким образом, нетрудно догадаться, что изложенные условия фактически означали потерю самостоятельности и независимости Бакинского ханства.

Гусейн-Гулу-хан, получив письмо Цицианова через подполковника Нарвского драгунского полка князя Элизбара Эристова, вынужден был отправить к нему своего посланца Абдул-Гусейн-бека с ответом, в котором говорилось, что бакинский хан «с покорностию приемлет все милости Государя» и на другой день выдаст ключи бакинской крепости через почетных бакинских старший.⁸¹ Однако, как показали последующие события, это было лишь вынужденное проявление внешней покорности. Гусейн-Гулу-хан хорошо осознавал нависшую над ним угрозу царской власти, и его не могли обмануть ни льстивые обещания Цицианова, утверждавшего в приложенном к условиям письме, что якобы «выгоды собственныя ваши (Гусейн-Гулу-хана - М.И.) и ваших подданных буду наблюдать точно как мои»,⁸² ни смехотворное его обращение к нему «как к брату и другу», оставаясь якобы «душею и сердцем добροжелательным».⁸³

Подобострастный тон письма Цицианова в очередной раз свидетельствовал о том, что поставленная царским правительством цель оправдывала все средства на пути к её достижению под лозунгом «всё старое забыть, ...и остаться на вечные времена друзьями...»⁸⁴

Утром 8 февраля 1806 года князь Цицианов в сопровождении 200 человек подошел к колодцу, находившемуся в полуверсте от крепостных стен. Сюда же прибыли и бакинские старшины, которые, подав Цицианову ключи, хлеб и соль, просиши его лично простить бакинского хана за оказанное им сопротивление. Цицианов принял хлеб и соль, а ключи возвратил с тем, чтобы Гусейн-Гулу-хан вручил их лично. Бакинский хан вынужден был немедленно в сопровождении своей свиты выйти из крепости и поднести Цицианову ключи от города. В тот самый момент, когда Цицианов принимал ключи, он и находившийся рядом с ним князь Элизбар Эристов неожиданно были убиты двумя лицами из свиты хана.⁸⁵

Относительно убийства Цицианова существует несколько версий. По одной, он был убит Гусейн-Гулу-ханом по совету и даже при участии Шейх-Али-хана Губинского.⁸⁶ По другой, сопровождающие Гусейн-Гулу-хана его двоюродный брат Ибрагим-бек выстрелил в Цицианова по знаку самого хана, а Сеид-бек и Амир-Гамза в Эристова.⁸⁷ По третьей версии, Гусейн-Гулу-хан никакого отношения к готовящемуся убийству не имел. Находившиеся тогда в Баку двое иранцев, подосланные шахом, вошли в тайные переговоры с двоюродным братом бакинского хана Ибрагим-беком, убившим Цицианова по их наущению.⁸⁸ Это было сделано с целью не дать России утвердиться на Южном Кавказе, содействовать вторжению иранских войск в северную часть Азербайджана, а также помешать принятию Гусейн-Гулу-ханом русского протектората.⁸⁹

А.Бакиханов по этому поводу пишет, что «Абдурагим-Ага, брат Мирзы-Мухаммед-хана II прибыл в Ширван к главнокомандующему, которому он оказал некоторые услуги и, зная отношения Гусейн-Кули-хана к персидским военначальникам, в городе находившимся, неоднократно предупреждал князя быть осторожным, но тот не хотел верить ему как сопернику хана, и 2-го февраля 1806 года, во время свидания близ ворот Баку с Гусейн-Кули-ханом, сверх всякого ожидания и против всех прав народных, главнокомандующий, по наущению ли персиян или по приказанию самого хана, был убит двоюродным, по матери, братом его Ибрагим беком...».⁹⁰ Третья трактовка содержится и в одном из архивных документов, где указано, что «отец убийцы (Ибрагим-бека - М.И) привез голову русского военачальника к шаху и был осыпан его милостями».⁹¹

Сам Завалишин фиксировал: «...князь Цицинов... когда от хагга принял ключи, то был застрелен от стоящего позади хана персианина, когда упал, тогда был изрублен и выскочивши из крепости верхами во множестве персианами чаятельно увезен...»⁹²

В этом отношении важное значение имеют сведения Мирза Адигезал-бека, который отмечает, что «во время переговоров один из родственников Гусейн-Кули-хана, некто по имени Ибрагим-бек, злодейской пулей ранил сардара. Саряар в тот же час скончался»⁹³ Далее он сообщает, что Гусейн-Гулу-хан по отношению к князю Цицианову лицемерил и имел недобрый замысел, аргументируя, что после убийства голова князя Цицианова была отправлена к Фатали-шаху, а иранские войска наводнили бакинскую степь.⁹⁴

Из архивных документов явствует, что один из подозреваемых в убийстве Цицианова Амир-Гамза на допросе, проводимом уже после завоевания Бакинского ханства Россией, утверждал, что сам хан стрелял в Эриваня.⁹⁵ Однако нельзя быть уверенным в правдоподобности этого, поскольку беки всю вину старались свалить на бежавшего из Баку Гусейн-Гулу-хана. В то же время из-за отсутствия веских доказательств нельзя говорить о непричастности бакинского хана к убийству Цицианова. А если придерживаться версии, что убийство было совершено самим Гусейн-Гулу-ханом, то вопреки существующему в исторической литературе мнению можно с уверенностью сказать, что это был поступок настоящего патриота. Наряду с этим, анализируя действия Гусейн-Гулу-хана по отношению к Русскому государству, следует учесть, что бакинский хан руководствовался интересами феодального правителя, стремившегося любой ценой сохранить власть, уберечь ханство от разорения, отстоять его независимость и ни в коем случае не позволить ее потерять. Вот почему он пошел на окончательный разрыв с Русским государством, чьи экспансионистские интересы были налицо и шли наперекор амбициям Гусейн-Гулу-хана. Следует полагать, что убийство Цицианова, ярого проводника жестокой колонизаторской политики царизма, ненавистника мусульман и, безусловно, в этой связи не допускавшего мысли о возможном существовании независимых азербайджанских ханств, произошло не без участия Гусейн-Гулу-хана. Последнее отмечается в целом ряде работ и архивных документов.⁹⁶

Однако, на наш взгляд, совершенно несправедливо характеризовать Гусейн-Гулу-хана как изменника, или иранского агента и прислужника Ирана, что особенно характерно для русской историографии. Если Цицианов стремился претворить в жизнь захватнические замыслы царского правительства, то обращение Гусейн-Гулу-хана к Русскому государству за поддержкой объяснялось только феодальными интересами бакинского правителя в целях самоутверждения и сохранения своей независимости в борьбе с иранской опасностью.

Замешательство русских войск, вызванное убийством Цицианова, а также нехватка продовольствия и большое число больных вынудили Завалишина вместе с войсками отступить на остров Сары, а оттуда в конце марта 1806 года - в Кизляр. Но Завалишин надеялся на взятие Баку русскими, что позволило бы разрушить город до основания.⁹⁷

Неудача экспедиции в Баку расстраивала планы русского правительства. Новый главнокомандующий Глазенап оценивал возвращение генерал-майора Завалишина, как тактически неверное: «...отряд Завалишина сколь ни был слаб, однако своим пребыванием на Саре мог наносить страх не только прилежащим Каспийскому морю ...владениям, но и самому Баба хану...», ободренному вышеотмеченным поступком бакинского хана.⁹⁸

Кроме того, потеря Баку в момент русско-иранской войны могла угрожать дальнейшему пребыванию в составе России ранее занятых территорий. Эта мысль красной нитью проходит в донесениях и рапортах русских генералов. Так, генерал-майор Несветаев, подчеркивая выгодность бакинского порта для России, отмечал: «Без занятия Баки и Ереванской области удержание Грузии подвержено великим трудностям и убыткам...»⁹⁹ 3 мая 1806 года аналогичное сообщение представлено генералом Глазенапом царю: «Пока Баку не будет взят, дотоле приобретения в Ширване и Карабахе будут во всегдашней опасности, да и сама Грузия должна ожидать нашествия персиян».¹⁰⁰

Неудача кампании Цицианова и Завалишина в Баку вынудила русское правительство поручить генералу Глазенапу в мае 1806 года провести экспедицию для занятия Баку не позднее лета с

предписаштем по взятии города сурово наказать Гусейн-Гулу-хана, навсегда лишив его самого и наследников Бакинского ханства.¹⁰¹

Убийство Цицианова настолько задело российское правительство, что оно планировало воздвигнуть вместо Баку новую российскую крепость, а «сам хан жителями превращен будет в пепел» на месте убийства этого живодера.¹⁰²

Придавая скорейшему занятию Бакинского ханства основное значение, генералу Глазенапу предписывалось «воздержаться от новых завоеваний, впредь до удобнейшего времени, за исключением занятия Баку, яко лучшей гавани на Каспийском море».¹⁰³

Главнокомандующий иранскими войсками Аббас-Мирза, наследник шахского престола, чтобы предупредить продвижение русских войск, вторгся в Гарабах. Потерпев поражение от русских он двинулся в Ширван. Разгромив отряд Мустафа-хана Шемахинского и узнав о приближении русских войск, Аббас-Мирза направился в Ахсу, куда к нему явились Шейх-Али-хан Губинский и Гусейн-Гулу-хан Бакинский.¹⁰⁴

21 июня 1806 года русские войска по пути в Баку заняли Дербент, а 5 сентября сменивший Глазенапа генерал-аншеф Булгаков отправился в Губу, а оттуда уже с присоединившимся к нему Мирза Мухаммед-ханом II в Баку.¹⁰⁵

Перед вступлением в Баку Булгаков послал жителям города прокламацию, предложив добровольно «отдаться на милосердие русского государя», а в противном случае угрожая «потрясти самыя основания города». Навстречу Булгакову с ответом прибыл один из влиятельнейших лиц в ханстве Казем-бек, который, объявил, что если хан не получит прощения, то город будет защищаться до последнего, «ибо народ без воли хана ни к чему не приступит».¹⁰⁶ Находясь близко от Баку Булгаков не желал вновь начинать военные действия. Поэтому, встретив Казем-бека у горы Беш-Бармак, он гарантировал безопасность со стороны русских войск бакинскому хану. Хорошо ориентируясь в сложившейся ситуации, Булгаков не мог упустить представившийся шанс и даже якобы в знак доверия отправил с Казем-беком своего сына, служившего подполковником в Борисоглебском драгунском полку. Ночью 2 октября молодой Булгаков въехал в Баку, и бакинцы с недоумением встретили русского офицера.¹⁰⁷ Видя такое положение, часть жителей, особенно имущие, боясь мщения русских, оставили крепость и скрылись вдали от города. Гусейн-Гулу-хан же, отправив Казем-бека, очевидно, стремился выиграть время, так как, по словам самого Гудо-вича, до последнего момента уговаривал жителей к обороне. Но, увидев приближение русских войск и каспийской флотилии с моря и осознав безвыходность положения, он вынужден был со своей семьей бежать в Иран.¹⁰⁸

3 октября 1806 года, как только русские войска подступили к Баку, жители города, оставшиеся без главы и испугавшиеся возмездия за убийство Цицианова, вынуждены были отворить крепостные ворота, и Казем-бек вручил городские ключи Булгакову.¹⁰⁹

В тот же день бакинский хан со всем его потомством был низложен, а жители приведены к присяге на верноподданство. В клятвенном обещании, данном Булгакову и закрепленном 45 отпечатками пальцев, бакинцы вынужденно дали обет верности и преданности Русскому государству, при этом «все исполнять исправно, известить и не утаить действия персон, вражеские пользе Государства Его Величества...»¹¹⁰

Однако, чтобы оправдать эту аннексию и придать ей форму якобы добровольного признания русского правления, Булгаков вынудил одного из местных беков Мамед-бека отправиться 9 октября 1806 года в Петербург «с изъявлением от всего бакинского народа благодарности за пощаду и за принятие их в подданство».¹¹¹ В прошении Мамед-бека, в частности говорилось, что беки старались склонить Гусейн-Гулу-хана сдать Баку без сопротивления, однако бакинский правитель, боявшийся российских войск и видя благосклонность беков к ним, вынужден был бежать.¹¹²

Безусловно, под русским давлением беки старались всю вину свалить на Гусейн-Гулу-хана Бакинского, а с другой стороны, очевидно, что некоторые беки, видя бесполезность сопротивления, советовали бакинскому правителю сдаться.

Вместе с тем, в представлении Александру I от 13 октября 1806 года, Гудович, выслуживаясь перед императором, доносил, что жители Баку «покорились тотчас с подобострастием».¹¹³ Выше было сказано, что население Баку, оставшись без своего хана, вынуждено было пойти на этот шаг без всякого на то «подобострастия». Тем более, что царское правительство вообще не считалось с желанием и интересами местного населения, а в случае их сопротивления этот акт рассматривался как нонсенс, недопустимый по отношению к могущественной России и сильному русскому оружию. Более того, ликвидация независимого Бакинского ханства и превращение его в «простую русскую провинцию» отнюдь не было лишь мстью за смерть высокопоставленного чиновника. Это было очередным шагом в деле осуществления целенаправленной колониальной политики российского правительства по захвату азербайджанских земель.

По предписанию графа Гудовича, Булгаков оставил гарнизон в городе Баку под начальством генерал-майора Гурьева, поручив ему и управление Бакинской провинцией. Кроме того, Булгаков назначил помощниками Гурьева из числа надежных и почетнейших беков «для внутреннего управления под ведением его (Гурьева - М.И.) и собирания доходов в казну Его Императорского Величества...»¹¹⁴

Уладив все дела в Баку, Булгаков с остальным войском двинулся в Губинское ханство. Следует отметить, что при вступлении в Баку русских войск особые услуги им оказал Мирза Мухаммед-хан II. Однако, поняв, что Бакинское ханство потеряно для него навсегда, Мирза Мухаммед-хан II не хотел лишиться привилегий, которыми он обладал в период ханского владычества. Поэтому ему пришлось довольствоваться тем, что за указанные услуги в 1809 г. ему было поручено управление Губинским ханством.¹¹⁵

Кстати, из депеши графа Гудовича от 7 февраля 1808 года становится очевидно, что захват Баку сделал бесполезной и «мало важной для Российской торгов:™» крепость, которую Россия намеривалась построить на восточном берегу Каспийского моря, тем более что «построение ее снаряжено с большими издержками».¹¹⁶

Одновременно Русское государство продолжало вести войну с Ираном. В битве у Асландуза на Араксе 18 октября 1812 года русские войска под командованием генерала Котляревского разгромили армию Аббас-Мирзы и двинулись в сторону Талышского ханства, где укрепился иранский гарнизон. А 1 января 1813 года русским войскам удалось штурмом взять сильную ленкоранскую крепость.¹¹⁷

Неудачи шахских войск могли бы привести к урегулированию русско-иранских отношений, но этому мешали британские представители, добивавшиеся вывода русских войск из северных ханств Азербайджана и из Грузии. Тем не менее, несмотря на активные усилия англичан, шахское правительство, будучи не в состоянии продолжать войну с Россией, уже продвигавшейся к Тебризу, решило возобновить мирные переговоры.¹¹⁸

12 октября 1813 года в селении Полистан в Гарабахе был заключен мирный договор между Россией и Ираном, согласно которому Иран признавал за Россией ханства: Гянджинское, Гарабахское, Шекинское, Шемахинское, Губинское, Бакинское и Талышское, а также Восточную Грузию и Дагестан. Однако Иреванское, Нахчыванское и южные ханства Азербайджан оставаясь под властью Ирана, то есть «дабы каждая сторона осталась при владении теми землями, ханствами и владениями, какия ныне находятся в совершенной их власти». Русский император, со своей стороны, обязался поддерживать права только назначенного шахом преемника. Право торгового мореплавания на Каспийском море было признано обоюдно за русскими и иранскими купеческими судами. Но военный флот на Каспийском море могла держать только Россия. Гюлистанским договором был установлен весьма низкий пятипроцентный таможенный тариф, Русские купцы в Иране освобождались от уплаты внутренних таможенных пошлин, что благоприятствовало развитию русско-иранской торговли, а также русской транзитной торговли через Иран с другими странами.¹¹⁹

Как видно, первый этап колониальной политики России на Южном Кавказе завершился успешно. Здесь, на наш взгляд, вполне уместно было бы привести характеристику внешней политики русского царизма в целом, данную Марксом: «Нет более примечательной черты в русской политике, чем это традиционное постоянство не только в целях, но и в тех способах, при помощи которых она стремится их достигнуть».¹²⁰ А в обнаруженной нами в Государственном Архиве Грузии неизданной рукописи М.А.Полиевктова под названием «Экспансия русского царизма на Кавказ до конца XVIII века» (1940-1941 гг.) справедливо подчеркивается: «В самых первых шагах военно-феодальной экспансии русского царизма на Кавказ (со II половины XVI в. - М.И.) дана уже в эмбрионе та колонизаторская политика, которую будет проводить русский царизм на Кавказе в XIX-XX веках».¹²¹

Условия Гюлистанского мирного договора были невыгодны Ирану, в связи с чем он долго не мог примириться с ощутимыми потерями и спустя несколько лет решил возобновить войну с Россией. В этом была заинтересована и Англия, которая в 1814 г. подписала с Ираном договор, ставивший его не только в зависимое от Англии положение, но и провоцирующий на войну с Россией.

Борясь между собою за экономическое и политическое преобладание на Востоке, Англия и Франция вместе с тем поддерживали восточные феодальные порядки и феодальных правителей - турецкого султана и иранского шаха, снабжая их необходимыми средствами против общего соперника - России. С помощью английских инструкторов и офицеров Аббас-Мирза, жаждавший реванша, формировал регулярные войска, экипированные британским оружием.

Подготовка к войне Англии и Ирана не исчерпывалась созданием и обучением новых армий. Они стремились развернуть в Азербайджане шпионско-диверсионную деятельность своей агентуры, перед которой ставилась задача после начала войны организовать в Азербайджане мятежи. Для осуществления своих целей шахский двор использовал некоторых бывших ханов Северного Азербайджана, бежавших в

Иран после русской оккупации. Последние, в свою очередь, воспользовавшись нападением шахской армии на Южный Кавказ, хотели восстановить свою власть.

В русских правящих кругах были хорошо осведомлены о том, что «Аббас-Мирза имел в своих руках опасное оружие в лице изгнанных ханов, стремившихся вернуть свои владения. И он спешил воспользоваться этим оружием».¹²² Вызывающее поведение Аббас-Мирзы и нарушение условий Гюлистанского мирного договора вновь привели к военному конфликту между шахским и русским дворами, тем более что в связи с восстанием декабристов (1825 г.) политическая ситуация в России резко обострилась. Иранские правящие круги решили воспользоваться этим событием, вызвавшим волну реакции в России.¹²³

16 июля 1826 года северная часть Азербайджана неожиданно подверглась вторжению 60-тысячной иранской армии под командованием Аббас-Мирзы. Возглавлявший русские войска Ермолов решил первоначально занять оборонительную позицию, так как хорошо осознавал не только малочисленность сосредоточенных на Южном Кавказе военных сил, но и невозможность их обеспечения продовольствием из-за враждебного отношения населения ханств Азербайджана к русским.¹²⁴

С целью восстановления Бакинского ханства и «для возмущения жителей Бакинской провинции» шахский двор направил Гусейн-Гулу-хана Бакинского,¹²⁵ который во главе с трехтысячной иранской конницей переправился через Куру у Джеватской переправы и 26 июля 1826 года разбил роту Апшеронского полка царской армии, захватив богатые са-Яянские рыбные промыслы. Услышав о вступлении Гусейн-Гулу-хана на территорию Бакинской провинции, население Баку и окрестных селений тут же прибыло в лагерь хана и изъявило о своей готовности воевать против русских завоевателей.¹²⁶

В помощь Гусейн-Гулу-хану, не овладевшему крепостью, с моря бакинскую бухту блокировала многочисленная иранская гребная флотилия. Аббас-Мирза издал специальное обращение, в котором обещал награды за переход на сторону Персии.¹²⁷

Следует отметить, что бакинская крепость в это время представляла собой еще довольно укрепленное сооружение, в связи с чем, чтобы внимание коменданта Розена было сосредоточено исключительно на обороне лишь самой крепости, русские сожгли форштадт. Кроме того, опасаясь содействия бакинцев Гусейн-Гулу-хану, Розен выслал из крепости всех жителей, за исключением нескольких стариков и семейства упомянутого Казем-бека, и искусно расположил свои небольшие силы.¹²⁸ Поэтому Аббас-Мирза поспешил дополнительно послать Гусейн-Гулу-хану войска с целью прервать снабжение русских войск, парализовать левый фланг действующей русской армии и отрезать его от центра. Но, несмотря на осаду крепости с моря и с суши, все попытки Гусейн-Гулу-хана захватить ее не увенчались успехом. Гарнизон Баку, упорно отбиваясь от натисков отряда Гусейн-Гулу-хана, совершал вылазки против осаждавших, лагерь которых находился в селении Кешла.¹²⁹ Ради достижения цели любой ценой Гусейн-Гулу-хан даже задумал перерыть канал, снабжавший город извне пресной водой, однако работы по осуществлению этого были начаты поздно.¹³⁰ В конце августа 1826 года на помощь гарнизону подоспели солдаты каспийского морского батальона с острова Сары. А тяжелое поражение иранских войск в битве под Шамхором (3 сентября 1826 г.), под Гянджой (13 сентября 1826 г.)¹³¹ и других местах и их отступление окончательно развязали руки русским войскам в Баку. Высланный генералом Краббе полковник Мищенко с отрядом из 8 рот, 11 орудий и команды донских казаков вынудил иранскую конницу, возглавляемую Гусейн-Гулу-ханом, поспешно отступить за Куру,³² тем более, что он уже был проинформирован о наступательных действиях русских и поражений иранских войск на других фронтах войны.

Таким образом, попытки Гусейн-Гулу-хана восстановить свою власть в Бакинском ханстве оказались безуспешными. Боясь преследования русских войск многие жители Бакинской провинции убежали вместе с ханом в Иран.¹³³

Следует отметить, что некоторые беки, с целью сохранения своих привилегий, выступили на стороне русских войск в составе вооруженных ополчений.¹³⁴

Осенью 1827 года под ударами русских войск иранские войска оставили территорию Нахчыванского и Ирсванского ханств. Театр военных действий переместился в Южный Азербайджан. 13 октября 1827 года Тебриз, 28 января 1828 года Урмия, а 8 февраля того же года город Ардебиль были заняты без боя, и перед русскими войсками открылась дорога на Тегеран. В этих условиях иранские правящие круги вынуждены были запросить мира, который и был заключен в селении Туркменчай (южнее Тебриза) 10 февраля 1828 года.¹³⁵ Заключенный в результате второй русско-иранской войны 1826-1828 гг. Туркменчайский мирный договор окончательно уничтожил надежды бакинского Гусейн-Гулу-хана на восстановление прежних прав.

Согласно Туркменчайскому мирному договору, к России были присоединены территории Нахчыванского и Иреванского ханств. Этот договор зафиксировал полный отказ Ирана от притязаний на Южный Кавказ и положил конец русско-иранским войнам первой трети XIX в.

Третья статья договора, гласившая, что «всей области, именуемой Азербайджан... пребывать в непосредственной власти Российских войск и быть управляемой в исключительную пользу России...»¹³⁶ касалась только Северного Азербайджана, поскольку в результате противодействия британской дипломатии Южный Азербайджан остался под властью Ирана. Таким образом, Туркменчайский мирный договор фактически подтвердил условия Гюлистанского договора.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Бакинское ханство было одним из независимых феодальных государств, образовавшихся в Азербайджане в конце 40-х годов XVIII в. в результате народно-освободительного движения и дальнейшего развития феодальных отношений в стране. Политика централизации, проводимая Надир-шахом путем жесточайших мер и сопровождавшаяся ростом феодальной эксплуатации, не только не остановила, а, наоборот, ускорила взрыв народного негодования в отдельных регионах Иранского государства, и прежде всего в Азербайджане. Если в период правления Сефевидов народные выступления против иранского ига были безуспешны, то мощная волна освободительного движения в годы правления Надир-шаха Афшара положила конец существованию лоскутной Иранской державы и способствовала образованию самостоятельных ханств, в том числе и Бакинского.

Независимое положение Бакинского ханства создавало условия для роста производительных сил и относительного подъема сельского хозяйства, ремесла и торгизли. Сравнительно небольшое по территории, немногочисленное по населению и слабое в военном отношении это ханство выгодно отличалось своим и геополитическим положением, и богатыми природными ресурсами. Нефть, соль, шафран и т.д., являвшиеся основным источником доходов бакинских правителей, и наличие здесь выгодного морского порта, способствовавшего развитию широкой торговли, привлекали внимание завоевателей, в особенности России.

Удобное географическое расположение на волжско-каспийском транзитном пути и наилучший порт превратили Бакинское ханство в торговый центр всего региона, чем и определялся его удельный вес в системе феодально-раздробленного Азербайджана. Наличие удобной и относительно безопасной гавани благоприятствовало перемещению центра восточной торговли во II половине XVIII в. из Ирана в Азербайджан, в частности в город Баку, являвшийся как бы мостом между Западом и Востоком. Через бакинский порт шла оживленная торговля азербайджанского купечества с Россией, Южным Кавказом, Ираном, Турцией и даже далекой Индией.

Таким образом, все эти преимущества Бакинского ханства в конечном итоге способствовали превращению его в объект притязаний со стороны могущественных держав, в том числе и России.

Российское правительство наряду с экономическими выгодами стремилось претворить в жизнь и свои захватнические планы на Южном Кавказе. Русское государство, искавшее новые рынки сбыта и источники сырья, ясно видело выгоду приобретения азербайджанских ханств, в особенности Бакинского, и стремилось не допустить захвата их Ираном или Турцией. Поэтому, воспользовавшись тем, что в конце XVIII - начале XIX вв. бакинские правящие круги вынуждены были обращаться к Русскому государству с просьбой о покровительстве, Россия при первой же возможности осуществила агрессию на Южном Кавказе. Российское правительство, прекрасно понимая, что в основе этих обращений лежит только лишь упорное желание отстоять независимость Бакинского ханства, не хотело упускать свой шанс. И в ходе первой русско-иранской войны (1804-1813 гг.) Бакинское ханство в числе других североазербайджанских ханств было завоевано и ликвидировано Россией.

В стремлении России установить господство в каспийском бассейне и превратить Каспий во внутреннее море России ликвидация Бакинского ханства с центром в Баку имела чуть ли не первостепенное значение. Неслучайно, Гу-сейн-Гулу-хан, оказавший достойное сопротивление русским войскам, сразу был лишен власти, а Бакинское ханство преобразовалось в провинцию во главе с комендантом, являвшимся непосредственным исполнителем и проводником дальнейшей колониальной политики царизма. Даже Гусейн-Гулу-хан, всегда отстаивавший независимость своего ханства, не мог предположить насколько комендантская система управления оказалась «разорительной для доходов государственных, губительной для благосостояния края, благоденствия и духа его обитателей».¹

Однобокий, колониальный характер экономики, выразившийся в использовании Азербайджана исключительно в качестве сырьевого придатка России, переселение армян, заложившее основу межнациональных конфликтов в будущем, и другие факторы явились основополагающими системы, просуществовавшей до 90-х годов XX века.

И сейчас, когда Азербайджан возвращается к своим истокам и вступает на путь независимого развития, надо отдать должное достойному сыну азербайджанского народа Гу-сейн-Гулу-хану в своем стремлении любой ценой сохранить государственную целостность своего ханства.

ПРИМЕЧАНИЯ

ВВЕДЕНИЕ

1. В.Кривенко. Очерки Кавказа. - СПб., 1893, с. 155; С.М.Соловьев. История России с древнейших времен, т. XVII-XVIII, кн. IX.-М., 1963, с.383.
2. В.В.Комаров. Персидская война 1722-1725 гг. Материалы для истории царствования Петра Великого. - Русский вестник, т.68, 1867, с.553-554.
3. В.П.Лысов. Персидский поход Петра I (1722-1723). - М., 1961 и др.
4. Военная история походов россиян в XVIII столетии, т.IV, ч. 2, I-я пол. - СПб., 1823, с.216; С.М.Соловьев. Ук. соч., с. 383-385.
5. Т.Юзефович. Договоры России с Востоком. - СПб., 1869, с. 203-204; АВПР, ф. СРП, оп. 77/5, 1743-1808, д.7, лл. 355 об. - 356.
6. М.Исмаил, М.Багирова. Шекинское ханство (на аз. яз). - Баку, 1997.
7. С.Бронсвский. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. 4.I. -П. -М., 1823.
8. П.Зубов. Картина Кавказского края, принадлежащего России, и сопредельных оному земель, ч.I. - СПб., 1834; ч.IV, 1835; его же. Взгляд на Закавказский край в финансовом и торговом отношении. - Сан Санктпетербургские ведомости, №161, 1834.
9. В.С.Легкобытов. Обзорение российских владений за Кавказом в статистическом, этнографическом, топографическом и финансовом отношении, ч. IV, - СПб., 1836.
10. И.Березин. Путешествие по Дагестану и Закавказью. - Казань, 1849.
11. Н.Ф.Дубровин. Закавказье от 1803-1806 года - СПб., 1866; его же. История войны и владычества русских на Кавказе т. I, III. - СПб., 1886; его же. Поход графа Зубова в Персию. - Военный сборник, №2, 4, 6, 1874.
12. Утверждение русского владычества на Кавказе, т. I. (под ред. В.А.Потто). - Тифлис, 1901.
13. П.Г.Бутков. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг., ч. 1-II. - СПб., 1869.
14. А.К.Бакихаиов. Гюлистан-Ирам. - Баку, 1926.
15. Мирза-Адигезал-бек. Карабаг-наме. - Баку, 1926.
16. Мирза Джамал Джавашпир Карабаги. История Карабаха. - Баку, 1959.
17. И.П.Петрушевский. Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI начале XIX вв. - Л.; 1949; его же. Ранджбары и крепостничество в Азербайджане во второй половине XVIII и первой половине XIX вв. - Науч. архив. Ин-та истории АН Азсрб. Рсс-ки, инв. №540 и др.
18. В.Н.Левиатов. Очерки из истории Азербайджана в XVIII веке. - Баку, 1949.
19. К.А.Пажитнов. Очерки по истории бакинской нефтедобывающей промышленности. - М. -Л., 1940.
20. А.С.Сумбатзаде. Сельское хозяйство Азербайджана в XIX в.-Баку, 1958.
21. О.П.Маркова. Россия, Закавказье и международные отношения в XVIII в. - М., 1966.
22. Г.Б.Абдуллаев. Из истории Северо-Восточного Азербайджана в 60-80-х гг. XVIII в. - Баку, 1958; его же. Азербайджан в XVIII веке и взаимоотношения его с Россией. - Баку, 1965.
23. М.А.Исмаилов. Об участии азербайджанцев в рядах русских войск в русско-иранских и русско-турецких войнах первой трети XIX в. - Труды Ин-та истории и философии АН Азерб. ССР, т. IV, 1954 г.
24. С.Б.Ашурбейли. Очерки истории средневекового Баку (VII - начало XIX в.). - Баку, 1964.
25. Ф.М.Алиев. Города Северного Азербайджана во второй половине XVIII века. - Баку, 1960 /на азерб. яз./; его же. Антииранские выступления и борьба против турецкой оккупации в Азербайджане в первой половине XVIII века. - Баку, 1975.
26. Х.М.Ибрагимбейли. Россия и Азербайджан в первой трети XIX в. - М., 1969; его же. К некоторым военно-политическим вопросам истории присоединения Азербайджана к России в период русско-иранской войны 1804-1813 годов. -Уч. зап. АГУ, серия истории и философии, №5, 1963; М.Р.Арунова и К.З.Ашрафян. Государство Надир-шаха Афшара. - М., 1958; Н.Г.Куканова. Очерки по истории русско-иранских торговых отношений в XVII - первой половине XIX в.: По материалам русских архивов. - Саранск, 1977; Г.Мамедова. Русские консулы об Азербайджане (20-60-е годы XVIII века). - Баку, 1989; Дж.М.Мустафаев. Северные ханства Азербайджана и Россия (конец XVIII и начало XIX в.). - Баку, 1989, и др.
27. М.Чулков. Историческое описание Российской коммерции..., т. 2, кн.2 - М., 1785.
28. С.Д.Бурнашев. Описание областей Адребижанских в Персии и их политического состояния, сделанное прибывающим при его высочестве царе Карталинском Ираклии Теимуразовиче полковником и кавалером Бурнашевым в Тифлисе в 1786 г. - Курск, 1793.

- ^{29.} К.И.Габлиц. Исторический журнал бывшей в 1781 и 1782 гг. на Каспийском море Российской эскадры под командой флота капитана 2-го ранга графа Воиновича, с картою оногo моря. - М., 1809.
- ^{30.} С.Г.Гмелин. Путешествие по России для исследования всех трех царств естества в природе, ч.Ш. - СПб., 1785.
- ^{31.} Маршал фон Биберштейн. Описание провинции, расположенных на левом берегу Каспийского моря между реками Терек и Кура, 1798. Перевод с франц. яз. С. Ашурбейли. НАИИ АН Азерб. Рес-ки, инв. № 466.
- ^{32.} Акты, собранные Кавказской Археографической Комиссией, т. I- XII. - Тифлис, 1866 - 1888.
- ^{33.} Архив государственного совета, т. I. - СПб., 1869; т. II, - СПб., 1888.
- ^{34.} Колониальная политика российского царизма в Азербайджане в 20 - 60-х гг. ХIХв./Под ред. И.П.Петрушевского/, т. I-II.-М.-Л., 1936-1937.

ГЛАВА I

1. Олькэ - территория, пожалованная на разных основаниях - тиуля, т.е, временное или пожизненное владение; союргала, наследственное владение с правом полного налогового иммунитета. Г.Б.Абдуллаев. Азербайджан..., с. 73, 86.
2. Правильно - Салим.
3. С.Г.Гмелин. Ук. Соч., с.82; ср.: М.Чулков. Ук. соч., т. II, кн. 2,с.622.
4. Архив АН СССР, ф.3, оп.34, д.41, л.5. См.: НАИИ АН Азерб. Респ., инв. №3650, с.208.
5. Ф.М.Алиев. Антииранские выступления..., с. 126.
6. А.К.Бакиханов. Ук. соч., с.119.
7. С.Г.Гмелин. Ук.соч., с.261.
8. ГААО, ф. 394, оп.1, 1729, д. 163, лл. 2-2 об.
9. Там же, он. 4, 1737, д. 615, л.7.
10. М.Р.Арунова, К.З.Ашрафян. Ук.соч., с. 147-226.
11. Г.А.Далили. Азербайджанско-русские отношения в азербайджанских и персоязычных документах /1722 г./ /на азерб. яз./, - Баку, 1976, с. 60-61; Ф.М.Алиев. Антииранские выступления..., с. 137-138, 140, 145.
12. АВПР, ф.СРП, оп.77/1, 1741, д.7, л.355.
13. Г.Н.Мамедова. Русские консулы об Азербайджане /20-60-е годы XVIII века/: Автореф. дис... -канд. история, наук. - Баку, 1980, с. 17-19.
14. Ф.М.Алиев. Антииранские выступления..., с. 190-195.
15. В.Н.Левиатов. Оборона крепости «Гелесен-Гересен» против Надир-шаха. - Изв. АН Азерб. ССР, № 6, 1948, с. 95-105; М.А. Исмаилов. Шеки /на азерб. яз./ - Баку, 1982, с. 16-21.
16. А.П.Новосельцев. Из истории классовой борьбы в Азербайджане и Восточной Армении в XVII - XVIII вв. - Исторические записки, № 67, 1960, с.249- 251.
17. Д.Кафтырев. Исторические, географические и статистические сведения о Персии. - СПб., 1829, с.6; М.Р.Арунова, К.З.Ашрафян. Ук. соч., с.254.
18. Ф.М.Алиев. Антииранские выступления..., с.218-219.
19. С.Г.Гмелин. Ук. соч., с. 197.
20. Колониальная политика, ч. 1, с. 136.
21. А.К.Бакиханов. Ук. соч., с. 127.
22. М.Чулков. Ук.соч., т. II, кн.2, с.622-623; Архив АН СССР, ф.3, оп.34, д.41, л.5. См.:НАИИ АН Азерб. Респ., инв. №3650, с.208; С.Б.Ашурбейли. Ук.соч., с.291.
23. М.Г.Бахарлы. Биографический очерк Аббас-Кули-ага Кудси Бакиханова. См: А.К.Бакиханов. Ук.соч., с.1X; И.Я.Лерх. Сведения о втором путешествии в Персию в 1745-1747 гг. - НАИИ АН Азерб. Респ., инв. №490, с.129; С.Б.Ашурбейли. Ук.соч., с.283.
24. 1 верста - немногим более 1 км.
25. К.А.Пажитнов. Ук. соч., с. 19.
26. 1 аршин - 0,711 м.
27. 1 сажень-2,134 м.
28. ЦГВИА, ф. ВУА, 1796, д.18474, ч. I, л.41^{об}-; Маршал фон Биберштейн. Ук.соч., с. 15.
30. С.Г.Гмелин. Ук. соч., с.78.
31. Там же; Дж. Форстер. Путешествие из Бенгалии в Англию (Перевод с франц. С.Б.Ашурбейли). - НАИИ АН Азерб. Респ., инв. № 380, с. 8.

32. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 21665; В.М.Сысоев. Баку прежде и теперь. - Баку, 1928, с. 10.
33. А.В.Саламзаде и др. Проблемы сохранения и реконструкции исторических городов Азербайджана. - Баку, 1979, с.92; С.Г.Гмелин. Ук.соч., с.80.
34. И.Березин. Ук.соч., с.221-225, подробно о Дворце Ширваншахов см.: С.Б.Ашурбейли. История города Баку. Период Средневековья. - Баку, 1992, с. 163-175.; Е.Одинцов. Заметки о Баку-Астраханские губернские ведомости, №28, 1859, с. 198-199, и др.
35. А.В.Саламзаде и др. Проблемы..., с.99.
36. С.Г.Гмелин. Ук.соч., с.81.
37. А.В.Саламзаде. Архитектура Азербайджана XVI- XIX вв. - Баку, 1964, с.118.
38. М.Чулков. Ук.соч., т.II, кн.2, с.529.
39. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18474, ч.1, лл.42-43.
40. ГИА Азерб. Респ., ф.24, оп. I, 1810-1813, д.21, лл. 109-116.
41. Там же.
42. ГИА Азерб.Респ., ф.24, оп.1, 1816, д.51, лл.5-72 об.
43. Там же, лл.2-6; Ф.М.Алиев. К вопросу о городском управлении в Азербайджане во II половине XVIII в.-ДАН Азерб. ССР, т.ХIII, №11, 1957, с.224.
44. ЦГВИА. ф. ВУА, 1796, д. 18474, ч.1, л.42; Маршал фон Биберштейн. Ук. соч., с. 16; ГИА Азерб. Респ., ф.24, оп.1, 1810-1813, д.21, лл. 109-115 об.; С.Бурнашев. Ук.соч., с.10-11.
45. Селения Шихово и Биби-Эйбат входили в предместье Баку и поэтому в перечень не вошли. Названия селения даны по: В.С.Легкобытов. Ук. соч., ч.IV, с.44.
46. ЦГВИА, ф.ВУА, д. 18474, ч.1, л.42.
47. ГИА Азерб.Респ., ф. 24, оп.1, д.21, лл.111-115 об.
48. Там же
49. Там же, лл. 37-38 об.
50. Там же, д.51, лл.27-72 об.
51. Т.Т.Мустафазаде. Азербайджан и русско-турецкие отношения в первой трети XVIII в. - в Баку, 1993, с. 142-143.
52. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 18474, ч.1, л.42. 174
53. ГИА Азерб. Респ., ф.24, оп.1, д.21, лл.109-110.
54. П.Г.Бутков. Ук.соч., ч.II, с.227, 280, 292-293; А.К.Бакиханов. Ук. соч., с. 139-141.
55. В.Н.Иваненко. Ук.соч., с. 136; подробно о ханском управлени см.: Г.Б.Абдуллаев. Азербайджан..., с.105-112.
56. С.Г.Гмелин в своей работе указывает, что наиб есть комендант. См.: С.Г.Гмелин. Ук.соч., с.97-98.
57. Кала-бейи (азерб.) - «бек крепости». Записка о правах беков, агаларов, наибов, старшин, магальных наибов и проч. и о влиянии владельцев на поселян и обязанностях сих последних к помещикам. АКАК, т. VIII, д.354, с.476.
58. Рапорт ген.-м.Гурьева хр.Гудовичу от 7 марта 1808 г. АКАК, т.III, д.666, с.357.
59. ГИА Азерб.Респ., ф.24, оп.1,1816, д. 51, лл.1, 40, 68, 101.
60. В.Н.Иваненко. Ук. соч., с. 61.
61. ЦГВИА, ф. ВУА, 1796, д.18474, ч.2, л.14.
62. Подробно см.: Ф.М.Алиев. Города..., с.60-63.
63. Г.Г.Писаревский. Управление, суд и социальная политика в Азербайджане за время от уничтожения автономии ханств до 60-х годов XIX в.-НАИИ АН Азерб.Рес-ки, инв. №787, с.1.
64. С.Г.Гмелин. Ук. соч., с.84.

ГЛАВА II

§1.

1. К.И.Габлин. Ук.соч.,с.73.
2. Современное название острова Пир-Аллахи-Артем. Б.Ашурбейли. Очерк истории..., с. 198.
3. Воскобойников. Минералогическое описание полуострова Апшерона, составляющего Бакинское ханство. – Горный журнал, кн.9, 1827, с.21-22; И.Эйхвельд. Геогностическое описание гор Грузинского края, или областей, принадлежащих России между Черным и Каспийским морями, с показанием заключающихся в них полезных минералов и состояния горного производства в сем крас существующего. - Горный журнал, кн. 8,1827, с.80; К.А.Пажитнов. Ук. соч., с.21, и др.
4. ГИА Азерб. Респ., ф.24, оп.1, д.161, лл.20-21 об.; д.179, лл. 20-21 об.
5. Цит. по: Г.Радде. Вулканические явления на Кавказе и минеральные богатства края. - Живописная Россия, т.9, СПб. - М., 1883, с.101.

- ^{6.} 1 фут - 30,5 см.; 1 сажень - 2, 134 м. А.Мамедов, Азербайджанское нефтяное хозяйство до отмены откупной системы (1800-1872). - Историк - марксист, кн.4, 1936, с.102.
- ^{7.} 1 пуд - 16 кг, 1 фунт - 410 г. С.Б.Ашурбейли. Очерк истории..., с.267; И.Эйхфельд. Ук.соч., с.80; Воскобойников, Ук.соч., с.27.
- ^{8.} А.Васильев. Добыча нефти на Апшеронском полуострове и современное состояние там бурового дела. - Горный журнал, т. III, 1885, с.409.
- ^{9.} Бурдюк - мешок из шкуры животного (барана или козла), шерстью внутрь; К.А.Пажитнов. Ук.соч., с. 30-31; С.Г.Гмелин. Ук.соч., с.73.
- ^{10.} ГИА Азерб. Респ., ф.24, оп.1, 1825, д. 164 а, л.35; там же, 1820-1822, д.79, лл. 23, 26; д. 161, лл. 20-20 об.
- ^{11.} ГИА Азерб. Респ., ф.24, оп.1, 1820-1822, д.79, л.24; К.А.Пажитнов. Ук.соч., с. 30-31.
- ^{12.} Рапорт члена Совета Главного Управления с.с, Семенова ген. Нейдгарту от 22 декабря 1844 г. АКАК, т. IX, д.550, с.651.
- ^{13.} С.Г.Гмелин. Ук.соч., с.71,73. По сведениям С.Г.Гмелина, батман черной нефти равнялся 15 фунтам, по другим - 20 фунтам.
- ^{14.} Халвар - правильно «харвар» - примерно, 250 кг или 16 пудов. Рапорт ген.-м.Гурьева гр. Гудовичу от 22 августа 1807 г. АКАК, т.III, ч.1, д.663, с.356.
- ^{15.} П.Зубов. Картина Кавказского края., ч. I, с. 44; его же. Взгляд на Закавказский край..., с.635.
- ^{16.} ГИА Азерб. Респ., ф.24, оп.1, д.161, лл. 10-10 об.
- ^{17.} ЦГВИА, ф. ВУА, 1796, д.18474, ч.1, л.36 об.
- ^{18.} Кир-смесь нефти со смолистыми веществами и песком. АВПР, ф. Глав. арх. IV-5", оп.123, 1800-1814, д.3, лл.148 об. - 149; М.Чулков. Ук.соч., т.II, кн.2, с.530.
- ^{19.} Дж.Форстер. ук.соч., с. 13-14, 15; С.Г.Гмелин. Ук.соч., с.71; С.Б.Ашурбейли, Ук.соч., с.265.
- ^{20.} И.Я.Лерх. Путешествие, продолжавшееся от 1733 по 1735 гг. из Москвы до Астрахани, а оттуда по странам, лежащим на западном берегу Каспийского моря. - Новые ежемесячные сочинения, ч.44. -СПб., 1790, с.85.
- ^{21.} Ф.М.Алиев. Города..., с.26.
- ^{22.} АВПР, ф. Глав.арх. IV-5", 1800-1814, оп.123, д.3, лл.148 об. -150,151.
- ^{23.} С.Б.Ашурбейли. Очерк истории..., с.267; «Описание русских соляных промыслов» - Горный журнал, №3, 1862, с.511-512.
- ^{24.} ГИА Азерб. Респ., ф.24, оп.1, Д.21, лл.115 об.-116.
- ^{25.} ГИА Азерб. Респ., ф.24, оп.1, д.51, лл. 5 об.-26 об., 27-72 об.
- ^{26.} ГИА Азерб. Респ.-ки, ф.24, оп.1, д.21, лл.115 об. - 116; Отношение ген. Торماسова к.д.т. с. Гурьеву от 2 августа 1810 г. АКАК, т.1У, д.37, с.38; Ю.А.Гагемейстер. Закавказские очерки. -ЖМВД, ч.10, 1845, с.47.
- ^{27.} «Путешествие профессора Эйхвальда по Каспийскому морю и по Кавказскому краю» - Библиотека для чтения, т.26, 1838 г., с. 156.
- ^{28.} ЦГВИА, ф. ВУА, д.18486, лл. 57-68 об. Цит по: «Краткое описание Дагестанской Персии. Учинено майором Серебровым», с.25.
- ^{29.} АКАК, т.4, док.37, с.37-38.
- ^{30.} АВПР, ф.СРП, оп.77/7, 1768, д. 143, л.66.
- ^{31.} Ф.Энгельс. Письмо Энгельса Марксу в Лондон 6 июня 18543 г. - В кн.: К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч., т.28. - М., 1962, с.221.
- ^{32.} ЦГВИА, ф.ВУА, 1796, д.18474, ч.1, лл.38-40.
- ^{33.} С.Г.Гмелин. Ук.соч., с.82.
- ^{34.} Рапорт директора Астраханской Портовой Таможни н.с, Иванова ген. Торماسову от 25 июня 1809 г. АКАК, т.IV, д.95, с.81, 82; И.Березин. Путешествие..., с. 243-244.
- ^{35.} П.Заболоцкий. Путевые записки из Астрахани чрез Кизляр в Баку в 1835 и 1836 годах. - ЖМВД, ч.29, №9, 1838, с.59; С.Б.Ашурбейли. Очерк истории..., с.268; В.С.Легкобытов. Ук.соч., ч.IV, с.58.
- ^{36.} И.Березин. Путешествие..., с.224.
- ^{37.} С.Броневский. Ук.соч., ч. II, с.395.
- ^{38.} А.В.Саламзаде. О бакинском водопроводе феодального периода. -ДАН Азерб. ССР, т. XII, №3, 1956, с.225-229.
- ^{39.} И.Н.Юсупов. О положении райятов в Азербайджане в конце XVIII в. (на азерб. яз.). - ДАН Азерб. ССР. т. 10, №5, 1954, с.386.
- ^{40.} ЦГАВМФ, ф.172, оп.1, 1782, д.89, л.82 об; В.С.Легкобытов. Ук.соч., ч. IV, с. 59-60.
- ^{41.} ГИА Азерб Респ., ф.24, оп.1, д.51, лл.5 об. - 26 об., 27-72 об; д.47,лл.13-14об.
- ^{42.} К.Габлиц. Ук.соч., с. 109-110.

43. С.Г.Гмелин. Ук. соч., с.87.
44. В.С.Легкобытов. Ук.соч., ч.IV, с.61; Березин. Путешествие..., с.238; Маршал фон Биберштейн. Ук.соч., с.42.
45. В.С.Легкобытов. Ук.соч., ч.IV, с.61.
46. ГИА Азерб. Респ., ф.24, оп.1, д.51, лл.5-72 об.
47. П.Иноходцов. Описание Каспийского моря. - Новые ежемесячные сочинения, март, ч.33, 1789, с. 15-16.
48. В.С.Легкобытов. Ук.соч., ч. IV, с.23-24; С.Б.Ашурбейли Ук.соч., с.268.
49. ЦГВИА, ф. ВУА, 1796, д.18486, л.72; ЦГИА, ф.1268, оп.1, 1842, д.218, л.6; Л.Керимов. Азербайджанский ковер, т.1. - Баку-Л., 1961, с.18.
50. Чувал - большой мешок. И.Березин. Путешествие..., с.62, 244; ЦГИА, ф.1268, оп.1, 1842, д. 218, л. 6.
51. С.Б.Ашурбейли. Ук. соч., с.211.
52. Там же, с.210.
53. Е.А.Пахомов. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. - Баку, 1954, с.42; С.Г.Гмелин. Ук. соч., с.205-206.
54. С.Б.Ашурбейли. Ук. соч., с. 212-213; Газ. «Кавказ», 1858, №7, с.35.
55. М.Х.Гейдаров. К вопросу о ремесленных организациях в городах Азербайджана XVII в. - Изв. АН Азерб. ССР, сер. обществ, наук, №1, 1961, с.36-37.
56. П.Шаншиев. Два слова об амкаре. - Тифлис, 1857, с. 14.
57. С.Б.Ашурбейли. Ук. соч., с. 244.
58. Предписание ген. Ермолова ген.-м. фон Краббе от 15 ноября 1826 г. АКАК, т. VI, ч. I, д. 1333, с.872.; Ф.М.Алиев. Города..., с.75.
59. М.Х.Гейдаров. Города и городское ремесло Азербайджана XII-XVIII веков. - Баку, 1982, с.241.
60. См.: Г.Б.Абдуллаев. Азербайджан..., с.306-307.
61. ГААО, ф. 394, оп.1, д.201, л.34. См.: Г.Б.Абдуллаев. Ук. соч., с.307.
62. И.Я.Лерх. Сведения о втором путешествии в Персию, совершенном в 1745-1747 гг. импер. рос. кол. советником доктором Иоганном Якобом Лерхом, - Перевод Абезгуз М.М., с.54. НАИИ АН Азерб. Респ., инв. №490.
63. И.Я.Лерх. Ук. соч., с.47.
64. Г.Б.Абдуллаев. Ук. соч., с.309.

§2.

65. Мааф персидский термин, по азерб. азад (свободный). И.П.Петрушевский. К вопросу об иммунитете в Азербайджане в XVII-XVIII вв. - Историч. сб., №4, 1935, с. 46-48.
66. С.Г.Гмелин. Ук. соч., с. 60; С.Б. Ашурбейли. Ук. соч., с. 285.
67. ЦГИА Груз. Респ., ф. 2, оп. 1, 1831-1845, д. 2936, л. 209.
68. ГИА Азерб. Респ., ф. 32, оп. 1, 1842, д. 13, л. 47 об.
69. Рапорт полков. Миклашевского гр. Паскевичу от 4 февраля 1830 г. АКАК, т. VII, д. 372, с. 426.
70. С.Д. Бурнашев. Ук. соч., с. 10-11.
71. ЦГАДА, ф. Ермоловых (1406), оп. 1, д. 319. л. 13 об.
72. ЦГИА Груз. Респ., ф. 2, оп. 1, 1800-1802, д. 19, лл. 4-6-6 об., 54-57.
73. ГИА Азерб. Респ., ф. 32, оп. 1, 1842, д. 13, лл. 10 об. - 11.
74. ЦГИА Груз. Респ., ф. 2, оп. 1, 1806, д. 118, лл. 8-8 об.
75. ЦГИА, ф. 1268, оп. 1, 1843, д. 410, л. 50.
76. ЦГИА Груз. Респ., ф. 2, оп. 2, 1340, лл. 79 об. - 80 об.
77. В. Липден. Высшие классы коренного населения Кавказского края и правительственные мероприятия по определению их сословных прав. Тифлис, 1917, с. 27.
78. ЦГИА, ф. 1268, оп. 1, д. 410, л. 45 об.
79. ГИА Азерб. Респ., ф. 30, оп. 1, 1843, д. 9, лл. 10, 13, 64-66.
80. В.Н. Левиатов. Очерки., с. 51, 61.
81. Подробно см.: И.П. Петрушевский. Очерки..., с.87, 184-221, 222-247; его же. К вопросу ..., с. 72; В.Н.Левиатов. Очерки..., с. 26; о сельских общинах см.: С.А.Егиазаров. Исследования по истории учреждений в Закавказье, ч. I: Сельская община.-Казань, 1889.
82. В документе так написано имя Дергях-Гулу-бека.
83. ЦГИА, ф. 1268, оп. 2, 1847, д. 731 б, л. 132 об.
84. Е.А.Пахомов. О сословно-поземельном вопросе в Азербайджане. - Изв. Об-ва обслед и изуч. Азербайджана, №1, 1926, с. 20-21; ГИА Азерб. Респ., ф. 32, оп. 1, 1835, д. 151, л. 4 об.

85. ГИА Азерб. Респ., ф. 32, оп. 1, 1842, д. 13, лл. 10 об. -11.
86. ГИА Груз. Респ., ф. 2, оп. 1, 1823-1835, д. 1524, лл. 6-11, 12, 13, 16-16 об., 17-19,21-23.
87. ЦГИА, ф. 1268, оп. 2, д. 731 б, лл. 131 об.-132.
88. ЦГИА Груз. Респ., ф. 2, оп. 1, 1831, д. 2919, лл. 8 об. - 9, 12-14 об.
89. ЦГИА, ф. 1268, оп 2, д. 731 б, л. 130 об.
90. ЦГИА Груз. Респ., ф. 2, оп. 1, 1823-1835, д. 1524, лл.24 – 24 об. - 25-25 об. - 26.
91. Монастырь - имеется в виду мечеть. ГИА Азерб. Респ., ф. 31, оп.1. 1846, д. 48, лл. 9-10.
92. Там же; ЦГИА Груз. Респ., ф. 2, оп. 1, 1823-1835, д. 1524, л. 26.
93. Т.М.Мусеви. Средневековые документы по истории Баку (на азерб.яз.). - Баку, 1967, с. 74.
94. ГИА Азерб. Респ., ф. 24, оп. 1, 1820-1822, д. 79, л. 11. 95.Райят - от арабского слова «подданный».
- ЦГИА, ф. 1268, оп. 1, д. 16, л. 13.
96. В.Н.Левиатов. Ук. соч., стр. 51, 61.
97. ГИА Азерб. Респ., ф. 24, оп. 1, д. 21, лл. 109-110, 115 об. - 116.
98. ЦГИА, ф. 1268, оп. 1, 1837, д. 16, л. 71.
99. ЦГИА Груз. Респ., ф. 2, оп. 1, 1823-1835, д. 1524, лл. 15-15 об.
100. Там же, лл. 16-16 об.
101. Там же, л. 20; ГИА Азерб. Респ., ф. 55, оп. 1, 1832, д. 34, л. 2; ЦГИА, ф. 1268, оп. 2, 1847, д. 731 б., лл. 131 об. - 132.
102. Об устройстве между мусульманским народонаселением Закавказского края высшего сословия. ч. I, ЦГИА Груз. Респ., ф. 2, оп. 2, д. 1340, л. 61; ЦГИА, ф. 1268, оп. 1, д. 410, лл. 60-60 об.
103. И.П. Петрушевский. Очерки..., с. 317-319; его же. Ранджбары..., с. 59-97.
104. ГИА Азерб. Респ., ф.32, оп.1, 1842, д. 13, л.47 об.; ЦГИА Груз. Респ., ф.416, 1843, д.392, лл.41-46.
105. ГИА Азерб. Респ., ф. 144, оп.1, 1847-1856, д.7а, л.33 об.
106. Там же, лл. 17-38
107. ЦГИА, ф.1268, оп.1, 1842, д.218, л.6
108. Записка ген.-адъют. Сипягина о с.с Сальватори и н.с. Хрипкове, командированных в Закавказский край. - Представлена гр. Паскевичу при рапорте от 19 сентября 1828 г. АКАК, г.VII, д.105, с.130.
109. ГИА Азерб.Респ., ф.24, оп. 1, д.21, лл. 39-40,115 об.-116.
110. Там же, ф. 32, оп.1, 1842, д. 13, л.49; там же ф.144, оп.1, 1847-1856, д.7а, лл. 34,43;
111. Там же, ф.32, оп.1, 1842, д.13, л.65; там же, ф.24, оп.1, д. 21, лл.37-38 об.
112. Там же, ф.24, оп.1, д.21, лл. 37-38 об.
113. Считая I батман равным 20 фунтам. ГИА Азерб. Респ., ф. 32, оп.1, 1842, д.13, л.49.
114. ЦГИА Груз. Респ., ф.2, оп.2, д. 1340, лл. 68 об.-69.
115. Миналун составлял 1 рубль медью. ГИА Азерб. Респ., ф.32, оп.1, 1842, д.13, л.49.
116. ЦГВИА, ф. ВУА, 1796, д.18474, ч.5, л. 13.
117. Рапорт ген. - м.Гурьева гр.Гудовичу от 27 декабря 1806 г. АКАК, т.Ш, д.650, с.351.
118. ГИА Азерб. Респ., ф.32, оп.1, 1842, д.13, лл.49-49 об.
119. С.А.Егиазаров. Исследования..., ч.1, с.293; ГИА Азерб. Респ., ф.144, оп.1, 1847-1856, д.7а, л.44.
120. И.Л.Бахтадзе. Податное обложение государственных крестьян Закавказского края. - Свод материалов по изучению экономического быта государственных крестьян Закавказского края, т.1, ч.3. - Тифлис, 1887, с.33; ГИА Азерб. Респ., ф.32, оп.1, 1842, д.13, л.47 об.; Рапорт члена Совета Главного Управления с. с. Семенова ген. Нейдгардту от 22 декабря 1844 г., г. АКАК, т. IX, д.550, с.654.
121. С.Г.Гмелин. Ук. соч., с.73; С.Б.Ашурбейли. Ук. соч., с.265; М.Чулков. Ук. соч., т.II, кн.2, с. 530-531.
122. С.М.Лисичкин. Очерки по истории развития отечественной нефтяной промышленности. - М.-Л., 1954, с.36.
123. С.А.Егиазаров. Исследования..., с.287.
124. Там же, с.249.
125. Об освобождении от податей в городе было сказано ранее.
126. В.Н.Левиатов. Очерки..., с.61-62.
127. 1 рубль ханским деньгами составлял 5 аббаси; 1 аббаси-20 коп. серебром. АВПР, ф. Глав. арх. 1-13, 1806-1808, д.II, л.38; АВПР, ф. Глав. Арх. 1-13, 1806, д.2, л.184. С.Б.Ашурбейли. Ук. соч., с. 289.
128. АВПР, ф. Глав. арх. 1-10, 1803, д.2., л.180.
129. ГИА Азерб. Респ., ф.24, оп.1, 1810-1813, д.21, лл.39-40; 92-92 об., 109-109 об.-110.
130. ЦГАДА, ф. Ермоловых (1406), оп.1, д.319, л.14.
131. ГИА Азерб. Респ., ф.24, оп.1, д.21, лл. 39-40; там же, д. 47, лл. 13- 4 об.
132. Рапорт ген. - м. Гурьева гр. Гудовичу от 27 декабря 1806 г. АКАК, т.Ш, ч. I, д.650, с.351.
133. ГИА Азерб Респ., ф.24, оп. 1, д.21, лл. 37-38 об., 92-92 об., 109-115 об.

- ^{134.} Письмо н.с.Иваиова к ген. Тормасову от 25 августа 1809 г. АКАК, т.1У д. 865, с.575; ЦГВИА, ф.ВУА, 1812, д. 18479, лл. 7-7 об.
- ^{135.} ГИА Азерб. Респ., ф.24, оп.1, д.81, л.38об.; Ф.М.Алиев. Города..., с.116.
- ^{136.} АВПР, ф. Глав. арх. 1У-5", оп. 123, 1800-1814, д.3, л.148 об.; М.А.Исмаилов. К вопросу..., с.75-104.
- ^{137.} ЦГВИА, ф.52, оп.1/194, 1782, д.263, л.14; ЦГИА Груз. Респ., ф.2, оп.1, д. 1613, л. 42 об.; там же, ф.1, оп.1, д.686, л.2.
- ^{138.} ГИА Азерб. Респ., ф.24, оп.1, 1824-1825, д.161, л.9
- ^{139.} ГИА Азерб. Респ., ф.24, оп.1, д.161, лл.10-10 об.; там же, ф.24, 1820-1822, д. 79, л.24; ЦГИА Груз. Респ., ф.2, оп.1, 1821, д.1613, л.42об.
- ^{140.} С.Г.Гмелин. Ук. соч., с.71; СБАшурбейли. Ук. соч., с.266.
- ^{141.} В документе имя начальника не указано.
- ^{142.} Всеподданнейший рапорт ген. Ртищева от 30 июля 1813 г. АКАК, т.V, ч.II, д.397, с.340.
- ^{143.} ЦГИА Груз.Респ., ф.1, оп.1, д.364, лл.2 об.-3; там же ф.2, оп.1, 1821, д.1613, л.34.
- ^{144.} ГИА Азерб. Респ., ф.24, оп.1, 1824-1825, д.161, л.10; там же д.164, л.9; ЦГИА Груз. Респ., ф.2, оп.1, 1821, д.1613 л.33; ЦГИА, ф.37, оп.25, 1833-1843 д. 1150, л.97 об., 372 об-373.
- ^{145.} ЦГИА, ф.1268, оп.1, д.3, лл.117 об.-178.
- ^{146.} ГИА Азерб. Респ., ф.24, оп.1, 1824-1825, д.161, л.II; там же, д.164 а, л.25.
- ^{147.} ЦГВИА, ф.52, оп.1/194, д.350, ч.9, л.47.
- ^{148.} ЦГИА Груз. Респ., ф.2, оп.1, 1824, д.1620, лл.2 об.-3/3об.
- ^{149.} ЦГИА Груз. Респ., ф.2, оп.1, 1806, д.118, л.10 об., 15; Державин. Азербайджанское рыбное хозяйство. Азербайджанский настольный календарь. 1924-1925 гг. Баку, с.447.
- ^{150.} ЦГИА, ф.1268, оп.1, 1837, д.59, л.1.

§ 3.

- ^{151.} Записка ген.-адъют. Сипягина о с.с. Сальватори и Н.С.Хрипкове: командированных в Закавказский край. - Представлена гр. Паскевичу при рапорте от 19 сентября 1828 г. АКАК, т. VII, д. 105, с. 130.
- ^{152.} Каспийская торговля. - Библиотека для чтения, т.7. -СПб., 1834, с. 107; Г.Б.Абдуллаев. Азербайджан..., с.298-299, 300-301; М.Чулков. Ук. соч., т.II, кн. 2, с. 513.
- ^{153.} М.Чулков. Ук. соч., т.II, кн. 2, с. 521.
- ^{154.} Артемий Араратский. Жизнь А.Араратского, уроженца селения Вагаршапат близ горы Арарата. - СПб., 1813, с. 184-185.
- ^{155.} С.Г.Гмелин. Ук. соч., с.57, 59, 81.
- ^{156.} П.Г.Бутков. Ук. соч., ч. II, с. 391, 583.
- ^{157.} Ф.М.Алиев. Значение Азербайджана для России в каспийской торговле. -Сб. «Ближний и Средний Восток: Бартольдские чтения.» -М., 1980, с.9.
- ^{158.} К.Петриченко. Некоторые сведения о портах Каспийского моря. -Зап.Кавказ. отд. Руск. Техн. Об-ва, т. IV., Тифлис, 1872, с. 248-249.
- ^{159.} ЦГАДА, ф. XXIII разряд, 1793, д.37, л.7; К.Петриченко Каспий, его промышленность и торговля, - Мор.сб., №9, 1862 с. 69.
- ^{160.} ЦГИА Груз. Респ., ф.1505, оп.1, д.52, л.301.
- ^{161.} АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1751, д.3, л.54.
- ^{162.} Дж.Форстер. Ук.соч., с. 15; Дж.Ханвей. Ук.соч., с.264; С.Б.Ашурбейли. Ук.соч., с.220-221.
- ^{163.} С.Б.Ашурбайли. Об истории Сураханского храма огнеоклонников. -Памятники архитектуры Азербайджана, М., 1946, с.52-53; ЦГАДА, ф. Ермоловых, оп. I, 1783, д. 319, лл. 14-17 и др.
- ^{164.} ГААО, ф.394, оп.1, 1762-1775, д.4018, лл. 172-173-173 об.; ГААО, ф. 681, 1777, д.27, лл. 428 об., 433.
- ^{165.} Каспийская торговля..., с. 109.
- ^{166.} ЦГВИА, ф. ВУА, 1796, д. 18486, лл. 57-68 об.
- ^{167.} Архив АН СССР, ф. 99, д. 14, л. 470. Цит. по: Г.Б.Абдуллаев. Азербайджан..., с. 293.
- ^{168.} В.А.Зубов. Общее обозрение торговли с Азией.-Русский архив, №5, 1873, с. 885.
- ^{169.} Архив Государственного Совета, т. II, с. 692-693; АВПР, ф. СРП, оп. 77/7, 1768, д. 143, л. 66; Каспийская торговля, с. 107-109 и др.
- ^{170.} АВПР, ф. СРП, оп. 77/7, 1765, д.134, л. 9.
- ^{171.} Архив Государственного Совета, т.II, с.701; О.П.Маркова. Россия..., с. 79.
- ^{172.} АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1748, д.6, л.364; С.Б.Ашурбейли. Очерки..., с.266.
- ^{173.} П.Зубов. Взгляд на Закавказский край..., с.636.

174. ЦГАДА, ф. Ермоловых, оп.1, 1783, д.319, л. 14; Рапорт ген. - м.Гурьева гр. Гудовичу от 7 марта 1808 г. АКАК, т.Ш, ч.1, д.666, с.357.
175. Доклад Шемахинского военного губернатора, управляющего гражданскою частью, ген. - м. кн. Тархан-Моуравова кн. Барятинскому от 3 августа 1859 г. АКАК, т. XII, д.327, с. 391.
176. С. Броневский. Ук. соч., ч.1, с.225.
177. «Описание российской торговли в Персию производи мой» - Восточные известия, №35, 1815, Спб., с. 282.
178. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1757, д. 1, лл. 6-6 об.; подробно см.: Г.Б.Абдуллаев. Азербайджан., с.315-327, 337-342; Г.Н.Мамедова. Ук. соч., с. 64-67.
179. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1757, д. 2, лл. 105-105об.; там же, д.4, лл. 82-82 об.
180. Там же, д. 2, л. 13 об., 86-86 об.
181. Там же, д. 1, л. 35 об.; См.: Г.Н.Мамедова. Ук. соч., с. 68-69.
182. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1758, д. 2, л. 62 об.
183. Там же, д.1, лл. 7 об.-10 об.; там же 1756, д. 2, л. 129-129 об.-130.
184. Там же, 1759, д. 4, лл. 109-110, 114-114 об.
185. Там же, 1757, д. 1, лл. 6-6 об.; там же, оп. 77/7, 1765, д. 134, лл. 1-1 об.-2
186. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1757, д. 2, л. 43 об.
187. Там же, 1758, д. 4, л. 104
188. Там же, 1759, д. 3, лл. 12-12 об., 14-14 об.-15.
189. Там же, оп. 77/5, 1743-1808, д. 7, лл. 375-375 об.
190. ГААО, ф.394, оп. 1, 1762-1775, д. 4018, лл. 115-115 об.-116; АВПР, ф. СРП, оп. 77/7, 1765, д.132, л.1; подробно о деятельности М.Сулякова см.: В.А.Уляницкий. Ук. соч., ч. I, с. 601-603; Г.Б.Абдуллаев. Азербайджан..., с. 344-355; Г.Н.Мамедова. Ук. соч., 22-24.
191. АВПР, ф. СРП, оп. 77/7, 1765, д. 134, л. 13 об.
192. С.Броневский. Ук. соч., ч. I, с.208.
193. В.А.Уляницкий. Ук. соч., ч. I, с. 606.
194. ГААО, ф. 394, оп. 1, 1765, д. 2698, л.4.
195. АВПР, ф. СРП, оп. 77/5, 1728-1803, д. 4, лл. 14-17-17 об
196. Там же, оп. 77/7, 1765, д. 134, л. 8 об. - 9.
197. Там же, лл. 16 об., 46-46 об.; ГААО, ф. 394, оп.1 (доп.), 1767, д. 228, л.36.
198. АВПР, ф. СРП, оп. 77/7, 1767, д. 141, лл. 7-7об.
199. Г.Н.Мамедова. Ук. соч., с.81.
200. АВПР, ф. СРП, оп. 77/7, 1767, д. 139, лл. 1-9 об.; там же, 1769, д. 145, л. 5 об.
201. Там же, 1768, д. 143, л. 87 об.; ГААО, ф.394, оп. 1(доп.), 1767, д.228, лл. 29-29 об.
202. АВПР, ф. СРП, оп. 77/7, 1767, д. 139, лл. 4-6-9 об.; ГААО, ф. 394, оп.1, д. 228, лл. 23-25 об.
203. Там же, 1768, д. 143, лл. 34-34 об.
204. Там же, л. 66.
205. Там же, л. 98.
206. Там же, оп. 276, д. 638, л. 19. Подробно см.: Г.Б.Абдуллаев. Азербайджан..., с. 353.
207. АВПР, ф. СРП, оп. 77/7, 1769, д. 145, лл. 4-5-5 об., 37 об.-38.
208. ГААО, ф. 394, оп. 1, 1767, д. 163, лл. 3-3 об.; Г.Н.Мамедова. Ук. соч., с.23-24
209. О.П.Маркова. Россия., с. 74-98; А.И.Юхт. Торговля России со странами Востока во II половине XVIII в. и армянское купечество. - Историко-филологический журнал, № 2, 1981, с. 86.
210. Подробно см.: О.П.Маркова. Ук. соч., с.84-89, 91.
211. Донлук - материал на платье.
212. ГААО, ф.394, оп. 1, 1762-1775, д. 4018, лл. 187-187 об.
213. Там же. Фамилия купца искажена писарями, вероятно, Сеидсултанов.
214. Там же, лл. 168-174.
215. Там же, 1781, д. 5509, лл. 24-30, 34-64, 125-130.
216. ЦГАВМФ, ф. 256, оп. 22, 1784, д.33, л. 193; Ф.М.Алиев. Города., с. 101-102.
217. ГААО, ф. 394, оп. 1, 1781, д. 5509, лл. 34-64.
218. Там же, лл. 24-30, 34-64.
219. Там же, лл. 125-130, 131-139.
220. Там же, лл. 29 об. - 30.
221. Там же, лл. 103-108.
222. Л.Саркисова. К истории шелкоткацкого промысла и торговли шелком в Шемахе. - НАИИ АН Азерб. Респ., инв. №395, с. 3.

223. Архив Государственного Совета, т. II, с. 692-693; АВПР, ф. СРП, оп. 77/7, 1768, д. 143, л. 66; Каспийская торговля, с. 107-108; П.Зубов. Картина Кавказского края., ч. I, с.206; И.Г.Дренякин. Описание Ширвана. 1796. - История, география, этнография Дагестана. - М., 1958, с. 170; и др.
224. Восточныя известия, 1815, №36, с. 283; №37, с. 294. См.: Дж. М. Мустафаев. Ук. соч., с. 40.
225. О.П.Маркова. Ук. соч., с. 86; ЦГАДА, ф. 1261, оп. 6, д. 945, лл. 241 об.-242; д.948, лл. 118 об.-119; д. 949, лл. 65 об.-66. См.: Дж. М. Мустафаев. Ук.соч., с. 55.
226. ЦГАДА, ф. 1261, оп. 6, д. 948, лл. 160 об.-161. См.: Дж. М. Мустафаев. Ук. соч., с. 56.
227. ГААО, ф. 394, оп. 1, д. 4018, лл 90-91-91 об.
228. ЦГАДА, ф. 1261, оп. 6, д. 945, лл. 261 об-268; там же, ф. 276, оп 3, д. 576, лл.1, 10. См.: Дж.М.Мустафаев. Ук. соч., с. 57, 58.
229. ЦГАДА, ф. Ермоловых, оп. 1, 1783, д. 319, л. 13 об.
230. АВПР, ф. СРП, оп. 77/6, 1755-1796, д. 477, л. 110, 165; ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, 1781, д. 237, ч. 2, л. 49 об.; д. 416, ч. I, л. 126., ГААО, ф. 394, оп. 1 (доп.), 1765, д. 201, лл. 571-574; Полный свод законов Российской империи (далее -ПСЗ), т. VIII. - СПб., 1830, с. 614-620.
231. К.И.Габлиц. Ук. соч., с. XXV, 102-104; ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, 1783, д. 288, лл. 13-13 об. 71; подробно см.: Г.Б.Абдуллаев. Азербайджан, с. 102-103; Ф.М. Алиев. Города..., с. 100-101.
232. ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, 1784, д. 331, ч. 6, лл. 1-1 об.
233. АВПР, ф. Глав. арх. 1-10, 1803, д. 2, лл. 104-105 об.; ЦГАВМФ, ф. 172, оп. 1, д. 91, лл. 125-127 об.
234. О.П.Маркова. Русско-иранская торговля в последние десятилетия XVIII века. - Уч. зап. Ин-та востоковед. АН Азерб. ССР, т. I, 1959, с. 108; ПСЗ, т. 27. - СПб., 1830, с. 107.
235. АВПР, ф. Глав. арх. 1-10, 1803, д. 2, лл. 89-90 об.
236. Имеется в виду три судна. АВПР, ф. Глав. арх. 1-10, 1803, д. 2, лл. 104-104 об.
237. Там же, лл. 105-105 об.
238. Там же, лл. 76-80.
239. Н.Ф.Дубровин. История войны..., т. III, с. 193. Ластовые суда - мелкие портовые плавучие средства: баржи, плашкоуты и т.п.
240. ЦГВИА, ф. ВУА, 1796, д. 2801, л. 7; П.Г. Бутков. Ук. соч., ч. II, с. 418-420; С.Б.Ашурбейли. Очерк истории..., с.278.
241. ЦГАМВФ, ф. 227, оп. 1, 1797, д. 62, л. 264; П.Зубов. Общее обозрение торговли с Азией. - Русский архив, вып. V, 1873, с. 888.
242. ГААО, ф.476, оп.1 1793, д.484, лл.48-49, 56 об.-57.
243. АВПР, ф.СРП, оп.77/6 1782-1798, д.484, лл 457 об.-458.
244. ГААО, ф. 476, оп.1. д.484, л. 56об.
245. Подробно см. главу III.
246. АВПР, ф. СРП, оп.77/6, 1796-1800, д.473, лл. 463-463 об., 465; там же, ф. Глав. арх. 1-6, 1800-1810, д.1, лл. 23-24.
247. Там же; там же, ф.СРП, оп.77/6,1782-1798, д.484, лл.377-368 об.
248. ЦГАВМФ, ф.198, оп.1, 1799, д.67, лл.180-180 об., 185-185 об., 187-187 об., 188-188 об.; АВПР, ф.СРП, оп 77/6, 1796-1800, д.473, лл.406 об.-407.
249. АВПР, ф.СРП, оп.77/6, 1796-1800, д.473, лл.222-223-223 об., 243, 252, 328, 378-378 об.; ЦГАВМФ, ф.198, оп.1, 1800, д.74, лл.186 об.-187.
250. АВПР, ф. Глав. арх.1-6, 1800-1810, д.1, лл. 23 об., 26 об.
251. ЦГАВМФ, ф.227, оп.1, д.71, л.57.
252. АВПР, ф.СРП, оп.77/6, 1796-1800, д.473, л. 329 об.
253. Там же, л. 277 об.-278.
254. Там же, л. 285 об.
255. ЦГАВМФ, ф.198, оп.1 д.59, лл.131-132, 135, 136; д. 66, лл.337-337 об.; АВПР, ф.СРП, оп.77/6, 1799-1800, д.490, лл.362-373; ЦГИА Груз.Респ., ф 2, оп.1., 1801-1803, д.II, лл. 93-93 об.; Всеподданнейший рапорт ген.-лейт. Кнорринга от 11 апреля 1800 г. АКАК, т.1, ч.2, д.885, с.639.
256. АВПР, ф. Глав.арх.1-6, 1800-1810, д.1, л. 2об.
257. ЦГАДА, ф. 276, оп.1, д.656, лл. I об.-2. См.: Дж.М.Мустафаев. Ук. соч., с.64-65.
258. АВПР, ф. Глав.арх.1-6, 1800-1810, д.1, лл.23-24.
259. Там же, 23-27об.
260. ЦГИА Груз. Респ., ф.2, оп.1, 1801-1803, д.II, лл.61-63 об.; там же, 1800-1802, д.19, лл.4-6-6 об.,19-19 об., 38.
261. Там же, лл.38 об.-39; ЦГВИА ф. ВУА, 1802, д. 6164, ч.23, лл. 35 об.-36.
262. ЦГИА Груз.Респ., ф.2, оп. I, 1800-1802, д.19, лл.54-57.
263. АВПР, ф.СРП, оп.77/6, 1782-1798, д. 484, лл. 377-378.

- ^{264.} С.Г.Гмелин. Ук.соч., с.54; С.Б.Ашурбейли. Ук. соч., с.290.
- ^{265.} АВПР, ф. Глав.арх., 1-6, 1800-1810, д.1, л.24.
- ^{266.} Там же, ф. Глав. арх. IV-5», оп. 123, 1800-1814, д. 3, лл.271 об.-273-273 об.; ЦГВИА, ф. ВУА, 1802, д. 6164, ч. 23, лл. 34-35 об.
- ^{267.} АВПР, ф. Глав. арх. IV-5», 1800-1814, оп.123, д.3, лл. 271 об.- 272-272 об.-273.
- ^{268.} Дж.М.Мустафаев. Ук.соч., с.67.
- ^{269.} Е.А.Пахомов. Монетные клады Азербайджана и других республик, краев и областей Кавказа. Вып. V, Баку 1954 г. с.42.
- ^{270.} ЦГАДА, ф. Ермоловых, оп 1, 1783, д.3 19, л. 14; Рапорт ген-м Гурьева гр. Гудовичу от 16 мая 1807 г. АКАК, т. III, ч II, д.661, с.355; С.Б.Ашурбейли Ук.соч., с.289.
- ^{271.} АВПР, ф. СРП оп. 77/7, 1769, д.145, л.13 об.; В.С.Легкобытов. Ук.соч., с.78.
- ^{272.} С.Г.Гмелин. Ук.соч., с.206.
- ^{273.} А.П.Новосельцев. Города Азербайджана и Восточной Армении в ХУ11-ХУ111 вв. - История СССР, №1, 1959, с Л 00.
- ^{274.} С.Г.Гмелин. Ук.соч., с.206.
- ^{275.} Архив Государственного Совета, т. II, с.693; «Описание...»-Восточные известия, № 35, 1815, с.282.
- ^{276.} К.Воронкевич-Бассанец. Описание мер, весов и монет Закавказского края приведением их к русским и французским мерам, и разными примечаниями о местном их употреблении и взаимных отношениях. - ЖМВД, №8. ч.37, 1840, с.380, 384, 386-387, 389, 394, 401, 405-406, 413.
- ^{277.} В.С.Легкобытов. Ук.соч., с.78.

ГЛАВА III

- ^{1.} Подробно см.: Г.Б.Абдуллаев. Азербайджан...; Ф.М.Алиев. Антииранские выступления...; Т.Т.Мустафазаде. Азербайджан и русско-турецкие отношения в первой трети XVIII в. -Баку, 1993 г.
- ^{2.} С.М.Алиев. Междоусобные войны и борьба за верховную власть в Иране после распада империи Надир-шаха. - В сб.: Иран. История и культура в средние века и новое время. - М., 1980, с. 27-66; Г.А.Далили. Южные ханства Азербайджана (во второй половине XVIII века) (на азерб. языке) - Баку, 1979, с. 20, 108-112; История Азербайджана, т. I, Баку, 1958, с. 335.
- ^{3.} ГААО, ф. 394, оп. 4, 1748, д. 100, лл. 241, 246-246 об.; д 101, лл.15-22; Ф.М.Алиев. Ук. соч., с. 219-221.
- ^{4.} Там же, оп. 1 (доп.), 1749, д. 90, лл. 204-205-205 об.
- ^{5.} АВПР, ф СРП, оп. 77/1, 1749, д. 5, лл. 51, 53-53 об.
- ^{6.} ГААО, ф. 394, оп. 1 (доп.), 1749, д.90, лл. 296-296 об. - 297.
- ^{7.} Там же, лл.302а, 303-303 об.; АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1749, д. 13, лл. 45-45 об., 51 об.-52; Ф.М.Алиев. Ук. соч., с. 227.
- ^{8.} В архивном документе имя юзбаши не указано.
- ^{9.} ГААО, ф. 394, оп. 1 (доп.), 1749, д. 90, лл. 302-303-303 об.
- ^{10.} АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1749, д. 7, л. 62 об.
- ^{11.} Там же, лл. 3 об. 4.
- ^{12.} Там же, 1750, д. 8, лл. 78-78 об.
- ^{13.} ГААО, ф. 394, оп. 1 (доп.), 1749, д. 90, лл. 45-45 об. 46, 204-205-205 об.; Ф.М.Алиев. Ук. соч., с. 228-229.
- ^{14.} АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1749, д. 5, лл. 122, 123.
- ^{15.} ГААО, ф. 394, оп 1 (доп.), 1749, д. 90, лл. 461-461 об.; .М.Алиев. Ук. соч., с. 230.
- ^{16.} ГААО, ф. 394, оп. 1 (доп.), д. 90, л. 461-461 об.
- ^{17.} Там же.
- ^{18.} АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1753, д. 3.. лл. 227-227 об. - 228.
- ^{19.} Там же.
- ^{20.} Там же, 1750, д. 6, л. 304.
- ^{21.} Там же, 1753, д. 4, л. 16 об.
- ^{22.} Там же, 1756, д. 2, л. 43 об.
- ^{23.} ЦГВИА, ф. ВУА, 1796, д. 18486, лл.3-4; Г.Б.Абдуллаев. Из истории Северо-Восточного Азербайджана..., с. 36.
- ^{24.} АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1757, д. 2, лл. 62-62 об.; Г.Н.Мамедова. Ук. соч., с. 88, 89.
- ^{25.} АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1757, д. 2, лл. 35 об., 89 об. - 90.
- ^{26.} Там же, 1753, д. 4, л. 16
- ^{27.} Г.Н.Мамедова. Ук. соч., с. 91.
- ^{28.} АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1757, д. 2, л. 94-94 об.

29. Там же, 1763, д. 1, л. 94 об.
30. Там же.
31. Г.Н.Мамедова. Ук. автореф., с. 17.
32. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1753, д. 4, лл. 16 об.-17.
33. Там же, 1750, д. 6, л. 455.
34. Об Эльтоне см. подробно: Ф.М.Алиев. Города Азербайджана в I половине XVIII в. (на азерб. яз.). - Баку, 1964, с.98-117; Л.И.Юнусова. Торговая экспансия Англии в бассейне Каспия в I половине XVIII века. - Баку, 1988 г., с. 126.
35. И.Я.Лерх. Сведения о втором путешествии в Персию, совершенном в 1745-1747 гг. имп. росс. колл. советником Иоганном Якобом Лерхом (Перевод Абедгуз М.М.) - НАИИ АН Азерб. Респ., инв. 490.
36. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1750, д. 6, л. 455 об.
37. Там же.
38. Ф.М.Алиев. Города Азербайджана в I половине XVIII в., с.115.
39. И.Я.Лерх. Ук. соч., с.54; С.Б.Ашурбейли. Ук.соч., с. 291.
40. И.Я.Лерх. Ук. соч., с.47.
41. Там же, с. 48.
42. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1751, д. 3, лл. 12-13 об.
43. Там же, л. 13 об.
44. И.Я.Лерх. Ук. соч., с.48.
45. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1751, д. 3, лл. 160 об. -161.
46. Там же, лл. 161-161 об.
47. В источнике Адиль шах дастся под именем Исмаила. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1753 д. 3, лл. 70, 161; д. 4, л. 14.
48. Там же, 1755, д. 5, л. 91 об.
49. В.Н.Левиатов. Очерки..., с. 129-130; Г.Б.Абдуллаев. Азербайджан..., с. 186-187, 205.
50. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1758, д. 2, лл. 39, 62 об.; Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа (далее - СМОМПК), вып. 46 - Махачкала, 1929, с. 88.
51. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1764, д. 86, лл. 3 об.-4.
52. Там же, 1767, д. 141, лл. 27-27 об. - 28; подробно см.: Г.Б.Абдуллаев. Ук. соч., с. 214-221.
53. ЦГВИА, ф. ВУА, 1796, д. 18474, л. 50; Г.Б.Абдуллаев. Ук. соч., с.209.
54. П.Г.Бугков. Ук.соч., ч. I, с. 251.
55. С.Д.Бурнашев. Ук. соч., с. 10.
56. ВПР, ф. СРП, оп. 77/7, 1764, д. 86, лл. 3 об. - 4.
57. С.Г.Гмелин. Ук. соч., с. 83.
58. АВПР, ф. СРП, оп. 77/7, 1768, д. 143, л. 66.
59. Там же, л. 66 об.
60. Там же, 1770, д. 148, л. 52 об.; С.Г.Гмелин. Ук. соч., с. 77.
61. АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1770, д.148, л. 52 об.
62. С.Г.Гмелин. Ук. соч., с. 83-84; С.Б.Ашурбейли. Ук. соч., с. 293.
63. А.Г.Бакиханов. Ук. соч., с. 135.
64. С.Г.Гмелин. Ук. соч., с. 83-84; С.Б.Ашурбейли. Ук. соч., с. 293.
65. С.Б.Ашурбейли. Ук. соч., с. 292.
66. Искендер-Бек Гаджинский. Ук. соч., с. 191; Г.Б.Абдуллаев. Ук. соч., с. 520-522.
67. Г.Б.Абдуллаев. Из истории Северо-Восточного Азербайджана..., с. 71-74; Г.Э.Алкадари. Асари-Дагссган. - Махачкала, 1929, с. 82.
68. СМОМПК, вып. 46, с. 92; Из истории Бакинского ханства. - Каспий, №48, 1895; С.Б.Ашурбейли. Ук. соч., с. 294.
69. АВПР, ф. СРП, оп. 77/5, 1765-1797. д. 15, лл. 126-126 об.; С.Б.Ашурбейли. Ук. соч., с. 294.
70. ГААО, ф. 394, оп. I, 1781, д. 5353, л. 260 об.
71. ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, 1781, д. 241 л. 15.
72. Там же, д. 217 лл. 37-37 об.
73. Там же, л. 37 об.
74. АВПР, ф. СРП, оп. 77/6, 1755-1796, д. 477, лл. 109 об. - 110.
75. ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 33 I, ч. 9, л. 45 об.
76. ГААО, ф. 394, оп. I, д. 5383, л. 262.
77. А.П.Берже. Граф Войнович в Персии в 1781 году. -Русская старина, т. XXXII, 1881, с. 450; А.Штылько. Волжско-каспийское судоходство в старину. - СПб., 1896, с. 51; ЦГВИА, ф. 52, оп 1/194, д. 408. ч. I, лл. 113-115.

- ^{78.} АВПР, ф. СРП, оп. 77/5, 1765-1797, д. 15, лл. 134-135; А.С.Экспедиция графа Войновича к восточному берегу Каспия. 1781-1782 гг. - Морской сб., т. IV, №9, 1850, с. 235; Грамоты и другие исторические документы XVIII столетия, относящиеся до Грузии, т. II, вып. 2 (с 1769 по 1801 гг.) (Под ред. А.А.Цагарели). -СПб., 1902, с. 22-23; К.И.Габлиц. Ук. соч., с. 103-104; подробно см.: Г.Б.Абдуллаев. Из истории Северо-Восточного Азербайджана., с. 102-103.
- ^{79.} ЦГВИА, ф. 52. оп. 203, д. 32, лл. 159-169 - НАИИ АН Азерб. Респ., инв. № 1795 (1782-1785 гг.)
- ^{80.} ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, 1782, д. 263, л. 75.
- ^{81.} Там же, л. 104.
- ^{82.} Там же, л. 103 об.
- ^{83.} Там же, 1783-1784, д. 286, ч. 1, лл. 183, 187-187 об.
- ^{84.} Прощение Мирза Мухаммед-хана бакинского генералу Торماسову. АКАК, т. IV, д. 861, с. 573.
- ^{85.} ЦГВИА, ф. 52, оп. 1/194, д. 366, ч. II, л. 27 об., 28-28 об.
- ^{86.} Там же, 1783-1784, д.286, ч.1, л.92; д.286, ч. II, л.48.
- ^{87.} АВПР, ф. СРП, оп.77/7, 1764, д.86, лл.15 об.-16 об.
- ^{88.} ЦГВИА, ф.52, оп. 1/194, 1785, д.350, ч.II, л.46.
- ^{89.} Там же, 1780-1791, д.72, лл.228 об.-229.
- ^{90.} Там же, д.416, ч.1, лл. 92-93.
- ^{91.} А.К.Бакиханов. Ук. соч., с.139-140; П.Г.Бутков. Ук.соч., Ч.II, с.280; А.Г.Серсбров. Историко-этнографическое описание Дагестана. 1796 г. - В кн.: История, география и этнография Дагестана. XVIII-XIX вв. (Под ред. М.О.Косвена и Х.М.Хашаева). - М., 1958, с.189.
- ^{92.} ЦГВИА, ф. ВУА, 1796, д.18486, л.16; П.Г.Бутков. Ук.соч., ч.II, с.280.
- ^{93.} АВПР, ф.СРП, оп.77/1, 1791-1796, д.1, л. 14.
- ^{94.} Там же, л. 14 об.; Всеподданнейший рапорт генерал-аншефа Гудовича от 7 ноября 1791 года. - Кавказский сб., т.XVIII. - Тифлис, 1897, с.417.
- ^{95.} Всеподданнейший рапорт..., с.418; С.Б.Ашурбейли. Ук. соч., с.297.
- ^{96.} АВПР, ф.СРП, оп.77/5. 1791, д.2, л.221; П.Г.Бутков. Ук.соч., ч.II, с.292-293; Всеподданнейший рапорт..., с.419.
- ^{97.} АВПР, ф.СРП, оп.77/I, 1791-1796 гг., д.1, лл.15 об.-16.
- ^{98.} Там же, оп.77/6, 1782-1798, д.484, лл.448-448 об.; П.Г.Бутков. Ук. соч., ч.II, с.293;
- ^{99.} АВПР, ф.СРП, оп.77/I, 1791-1796, д.1, л. 19.
- ^{100.} А.К.Бакиханов. Ук. соч., с. 141.
- ^{101.} П.Г.Бутков. Ук. соч., ч.II, с.286-287; Архив Государственного Совета, т.1, ч.II, с.793.
- ^{102.} АВПР, ф.СРП, оп. 77/I, 1791-179611., д.1, л.27.
- ^{103.} ГААО, ф.476, оп.1, 1792, д. 484, лл. 29 об., 75-75 об.; Т.Г. Бутков. Ук.соч., ч.II, с.293;
- ^{104.} ГААО, ф.476, оп.1, 1792, д.484, лл.20 об., 63, 75-75 об.; В.М.Сысоев. Баку прежде и теперь. - Баку, 1928, с.8.
- ^{105.} ПС 3, т.23. - СПб., 1830, №17118, с.425-426.; С.Б.Ашурбейли. Ук. соч., с.299.
- ^{106.} АВПР, ф.СРП, оп.77/5, 1765-1797, д.15, лл. 148-149, 152 об., 180 об. - 181; Н.Ф.Дубровин. Поход графа В.А.Зубова в Персию в 1796 году. - Военный сб., №2, 1874, с. 194; Архив АН СССР, ф.99, оп.2, д. 14, лл.6-8. См.: НАИИ АН Азерб. Респ., инв. №3650, с. 183-186.
- ^{107.} ЦГВИА, ф.ВУА, 1796, д.18486, лл.16 об. - 17; С.Б.Ашурбейли. Ук. соч., с.299-300.
- ^{108.} П.Г.Бутков. Ук. соч., ч.II, с.295-296; Архив Государственного Совета, т.I, ч.II, с.797.
- ^{109.} П.Г.Бутков. Ук. соч., ч.II, с.296-298; Архив АН СССР, ф.99, оп.2, д.14. См.: НАИИ АН Азерб. Респ., инв. №3650, с. 102.
- ^{110.} Архив АН СССР, ф.99, оп.2, д.14. См.: НАИИ АН Азерб. Респ., инв. №3650, с.57.
- ^{111.} АВПР, ф. СРП, оп.77/1, 1791-1796, д.1, лл.32, об.- 33.
- ^{112.} Подробно см.: П.Г.Бутков. Ук. соч., ч.II, с.296-297; С.Б.Ашурбейли. Очерк истории., с.300-301.
- ^{113.} АВПР, ф.СРП оп.77Я, 1791-1796, д.1, л.8; Архив АН СССР, ф.99, оп.2, д.14, лл.131-132. См.: НАИИ АН Азерб. Респ., инв. №3650, с. 112-113.
- ^{114.} О.П.Маркова. Россия., с.286-287.
- ^{115.} Н.Ф.Дубровин. Поход - Военный сб., №2, с. 207-208; С. В. Шостакович. Из истории английской агрессии на Ближнем и Среднем Востоке. - Уч. зап. Иркут. Госуд. Пе-даг. ин-та, вып. XI, 1955, с. 126-127.
- ^{116.} Архив АН СССР, ф.99, оп.2, д.14, лл.55-56. См.: НАИИ АН Азерб. Респ., инв. №3650, с.76. 196
- ^{117.} П.Г.Бутков. Ук. соч., ч.II, с.296-298.
- ^{118.} Архив АН СССР, ф.99, оп.2, д.14, лл. 47-48, 57. См.: НАИИ АН Азерб. Респ., инв. №3650, с.69, 77.
- ^{119.} Н.Ф.Дубровин. Поход... - Военный сб., №2, с.217; В.Н. Левиатов. Очерки., с. 173-174.
- ^{120.} Н.Ф.Дубровин. История войны., т.III, с.60-61.

- ^{121.} АВПР, ф.СРП, оп.77/6, 1796-1800, д.473, лл.6, 146, 158 б; Архив Государственного Совета, т.1, ч.П, с.799-800.
- ^{122.} АВПР, ф.СРП, оп.77/6, 1796-1800, д.473, лл.13 об. - 14-14 об.- 15.
- ^{123.} Там же, лл. 14 об.- 15-15 об.
- ^{124.} Там же, л. 144 а.
- ^{125.} Там же, лл. 146, 158 б и др.
- ^{126.} Там же, л.7.
- ^{127.} Там же,лл. 146, 154.
- ^{128.} Там же, л. 147.
- ^{129.} Там же, л. 168.
- ^{130.} Там же, 1796, д. 159, л. 203.
- ^{131.} Там же, 1796-1800, д.473, л.276.
- ^{132.} Н.Ф.Дубровин. Поход... - Военный сб., №4, с. 197; АВПР, ф.СРП. оп.77/5, 1722-1796, д.2, л.325.
- ^{133.} АВПР, ф.СРП, оп.77/5, 1722-1796, д.2, л.369 об.; А.М.Грибовский. Записки о императрице Екатерине Великой. - М., 1864, с.64.
- ^{134.} АВПР, ф.СРП, оп.77Я, 1791-1796, д.1, л. 53 об.
- ^{135.} Там же, оп.77/6, 1796-1800, д.473, л.276 об.
- ^{136.} Там же.
- ^{137.} Архив АН СССР, ф.99, оп.2, д.14. См.: НАИИ АН Азерб. Респ., инв. № 3650, с. 125.
- ^{138.} Там же, с.311-312, 315.
- ^{139.} Н.Ф.Дубровин. Поход... - Военный сб., №4, с.204.
- ^{140.} П.Г.Бутков. Ук. соч., ч.Н. с.387; С.Б.Ашурбейли. Ук.соч., с.302.
- ^{141.} Архив АН СССР, ф.99, оп.2, д. 14. См.: НАИИ АН Азерб. Респ., инв. №3650, с. 315-316.
- ^{142.} АВПР, ф.СРП, оп.77Д, 1791-1796, д.1, л.70.
- ^{143.} Дж.М.Мустафасв. Ук. соч., с.91.
- ^{144.} СМОМПК, вып.46, с.104; П.Г.Бутков. Ук.соч., ч.П, с.389; «Письма Екатерины Второй к барону Гримму». - Русский архив, кн. 3, №10, 1878, с.236.
- ^{145.} Н.Ф.Дубровин. Иггория войны..., т.П, с. 134.
- ^{146.} Дж.М.Мустафаев. Ук. соч., с. 91.
- ^{147.} АВПР, ф.СРП, оп. 77/7, 1796, д. 158, л. 185.
- ^{148.} История царствования императора Александра I и России в его время, т. I. - СПб., 1869, с. 284-285.
- ^{149.} АВПР, ф. СРП, оп. 77/6, 1796-1800, д. 473, л.99.
- ^{150.} Там же, оп. 77/1, 1791-1796, д. 1, лл. 57 об.-58; Н.Ф.Дубровин. Поход... - Военный сб., №6, с. 198; ПСЗ, т. XXIV. - СПб., 1830, с. 505-506.
- ^{151.} ЦГВИА, ф. ВУА, 1796, д. 2801, лл. 7-7 об.
- ^{152.} Р.С.Ланин. Внешняя политика Павла I в 1796-1798 гг. - Уч. зап. ЛГУ, серия истор. наук, вып. 10, 1941, с. 3.
- ^{153.} Астраханский порт с 1783 по 1827 год, с. 3; Документы, относящиеся к царствованию императора Павла I (1796-1801 гг.). - В кн.: материалы для истории русского флота, ч. XVI. - СПб., 1902, с. 117; ЦГАВМФ, ф. 527, оп. 1, д.62, л. 264; ф. 212, оп. 2, д. 847, л. 297.
- ^{154.} В 1796 г. Ага-Мухаммед-хан, прибыв в Тегеран, принял титул шаха. См.: А.К.Бакиханов. Ук. соч., с. 147.
- ^{155.} П.Г.Бутков. Ук. соч., ч. П, с. 429-431; А.К.Бакиханов. Ук. соч., с.
- ^{156.} АВПР, ф. СРП, оп. 77/6, 1797-1800, д. 489, л. 5а.
- ^{157.} ЦГВИА, ф. 482, 1796-1817, д. 143, лл. 10 об. - 11; Г.Э.Алкадари. Ук. соч., с. 108.
- ^{158.} АВПР, ф. СРП, 1744-1801, д. 8. См.: НАИИ АН Азерб. Респ., инв. №3612, с. 52 об. - 53 об.
- ^{159.} ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6164, ч. 23, лл. 18-19 об.
- ^{160.} П.Г.Бутков. Ук. соч., ч. 2, с. 435.
- ^{161.} АВПР, ф. СРП, оп. 77/1, 1796, д.2, лл. 5 об. - 6; П.Г.Бутков. Ук. соч., ч. И, с. 371-372.
- ^{162.} АВПР, ф. СРП, оп. 77/6, 1796-1800, д.473, л. 465; там же, ф. Глав. арх. 1-6, 1800-1810, д.1, лл. 23-24.
- ^{163.} Там же, ф. СРП, оп. 77/6, 1796-1800, д. 473, лл. 451-452 об., 454-454 об., 458-458 об., 460-461-461 об.
- ^{164.} См. подробно во II главе.
- ^{165.} АВПР, ф. СРП, оп. 77/6, 1796-1800, д. 473, л. 257.
- ^{166.} Там же, лл. 297 об.-298.
- ^{167.} Там же, лл. 329 об. - 330 об
- ^{168.} Там же, л. 331.
- ^{169.} Там же, лл. 332-332 об.

170. См. подробно во II главе.
171. ЦГИА Груз. Респ., ф. 2, оп. 2, д. 11, л. 93 об.
172. Всеподданнейший рапорт ген.-лейт. Кнорриша от 11 апреля 1800 года. АКАК, т. I, ч. II, д. 962, с. 677-678; С.Б.Ашурбейли. Очерк истории..., с. 306.
173. АВПР, ф. Глав. арх. 1-6, 1800-1810, д. 1, лл. 1-1 об., 5 об.-8 об.
174. Дж.М.Мустафаев. Ук. соч., с. 107.
175. АКАК, т. I, д. 34, с. 36.
176. ПСЗ, т. 26, с. 764-765. См.: Дж.М.Мустафаев, Ук. соч., с. 107.

ГЛАВА IV

1. АВПР, ф. Глав. арх. 1-6, 1800-1810, д. 1, лл. 191-192.
2. Там же, лл. 18, 20, 199 об.-2()1 об., 204.
3. Там же, лл. 20, 199 об.-200, 201-201 об., 204-204 об., 230.
4. Там же, ф. СРП, оп. 77/5, 1743-1808, д. 7, л. 13.
5. Там же, ф. Глав. арх. 1-6, 1800-1810, д. 1, лл. 29-29 об.
6. Там же, ф. СРП, оп. 77/5, 1743-1808, д. 7, лл. 14-14 об. -15.
7. АВПР, ф. Глав. арх. 1-6, 1800-1810, д. 1, л. 86.
8. Там же, лл. 24 об.-25.
9. Там же, лл. 23-28 об.
10. См. подробно во II главе.
11. АВПР, ф. Глав. арх. 1-6, 1800-1810, д. 1, лл. 23, 25-25 об.
12. Там же, лл. 152-152 об., 268.
13. Там же, лл. 268 об.-269.
14. Там же, лл. 27 об.-28 об., 268 об.-269.
15. Там же, лл. 9-66, 79-80; ПСЗ, т. XXVI.-СПб., 1830, с. 763-767; ЦГИА Груз. Респ., ф. 2, оп. 1, д. II, л. 67.
16. ЦГВИА, ф. ВУА, 1802, д. 6165, ч. 3, лл. 53-53 об.
17. Там же.
18. Там же, лл. 229-229 об.
19. История Азербайджана, т. II. - Баку, 1960, с. 2.
20. АВПР, ф. СРП, оп. 77/5, 1743-1808, д. 7, л. 38.
21. Очерки истории Дагестана, т. I. -Махачкала., 1957, с. 183-184; Н.Ф.Дубровин. Закавказье, с. 481-492; Дж.М.Мустафаев. Ук. соч., с. 112.
22. Дж.М.Мустафаев. Ук. соч., с. 109.
23. АВПР, ф. СРП, оп. 77/5, 1743-1808, д. 7, лл. 39 об.-40.
24. Там же, лл. 38-38 об.
25. Там же, ф. Глав. арх. 1-6, 1800-1810, д. 1, лл. 190-190 об.
26. ЦГВИА, ф. ВУА, 1797-1802, д. 6164, ч. 23, лл. 23-23 об.
27. Рапорт ген.-лейт. Репина ген. Торماسову от 29 июля 1809 г. АКАК, т. IV, д. 994, с. 642; Н.К.Керемов. Путешествие Гудси. - М., 1977, с. 10.
28. АВПР, ф. Глав. арх. 1-13, 1803-1806, д. 9, лл. 57 об. -58; Списки населенных мест Российской империи по Кавказскому краю, т. XIV. Тифлис, 1870, с. 81; Баку и его окрестности. - Тифлис, 1889, с. 16.
29. Исторический очерк владычества русских за Кавказом, ч. II - ЦГИА Груз. Респ., ф. 2, оп. 1, д. 12150, лл. 6-6 об.
30. АВПР, ф. Глав. арх. 1-10, 1803, д. 2, л. 56.
31. Там же, л. 69 об.; там же, ф. Глав. арх. 1-13, 1803-1806, д. 9, лл. 32-32 об.
32. Там же, ф. Глав. арх. 1-10, 1803, д. 2, лл. 72-73, 80 об.-82.
33. ЦГАДА, ф. Ермоловых (1406), оп 1, д. 264, лл. 6-6 об.
34. Всеподданнейший рапорт кн. Цицианова от 31 марта 1803 г. АКАК, т. II, д. 1498, с. 729.
35. Там же; Н.Ф.Дубровин. Закавказье..., с. 107.
36. АВПР, ф. Глав. арх. 1-10, 1803, д. 2, л. 54 об.
37. ЦГИА Груз. Респ., ф. 2, оп. 1, д. 12150, ч. II, лл. 33-33 об.; АВПР, ф. Глав. арх. 1-10, 1803, д. 2, лл. 63-65-65 об.; Там же, ф. Глав. арх. 1-13, 1803-1806, д. 9, лл. 105-106-106 об.
38. АКАК, т. IV, д. 994, с. 642; Н.К.Керемов. Ук. соч., с. 10; С.Б.Ашурбейли. Ук. соч., с. 308.
39. АВПР, ф. Глав. арх. 1-6, 1800-1810, д. 1, лл. 190-190 об.
40. Там же, ф. Глав. арх. 1-13, 1801-1814, д. 5, лл. 28-28 об., 29-29 об., 32-33; Всеподданнейший рапорт кн. Цицианова от 19 июля 1803 г. АКАК, т. II, д. 1504, с. 733.

41. АВПР, ф. Глав. арх. 1-10, 1803, д. 2, лл. 83-83 об.; там же, ф. Глав. арх. 1-13, 1801-1814, д.5, лл. 31-31 об. - 32.
42. Там же, ф. Глав. арх. 1-10, 1803, д. 2, л. 83.
43. Там же, ф. Глав. арх. 1-13, 1801-1814, д.5, лл. 32-32 об. - 33, 34-34 об.
44. История Азербайджана, т. II, с.3.
45. Там же, с. 4; «Покоренный Кавказ: Очерки исторического прошлого и современного положения Кавказа». - Спб., 1904, с. 306, 320.
46. Высочайшее повеление кн. Цицианову от 26 октября 1803 г. АКАК, т. II, д. 720, с. 359-360; С.Б.Ашурбейли. Ук. соч., с. 310.
47. АВПР, ф. Глав. арх. 1-10, 1803, д. 2, л. 84; Всеподданнейший рапорт кн. Цицианова от 19 июля 1803 г. АКАК, т. II, д. 1504, с. 733.
48. АВПР, ф. Глав. арх. 1-10, 1803, д. 2, лл. 88-90 об.
49. Там же, ф. Глав. арх. 1-13, 1801-1814, д. 5, лл. 31-31 об. - 32.
50. Там же, ф. Глав. арх. 1-10, 1803, д. 2, л. 115 об.
51. Там же, ф. Глав. арх. 1-13, 1801-1814, д. 5, лл. 32 об.-33.
52. ЦГИА Груз. Респ., ф. 2, оп. 1, д. II, лл. 287-287 об.
53. П.Г.Бутков. Ук. соч., ч. II, с.371.
54. ЦГИА Груз. Респ., ф. 2, оп. 1, д. 2, л. 287 об.
55. Там же, л. 288.
56. АВПР, ф. Глав. арх. 1-13, 1803-1806, д. 9, лл. 36 об.-37; Отношение гр. Воронцова к кн. Цицианову от 23 сентября 1803 г. АКАК, т. II, д. 1506, с. 734-735.
57. История Азербайджана, т. II, с. 5.
58. ЦГВИА, ф. ВУА, 1805, д. 4258, ч. 1, л. 216; Н.Ф.Дубровин. Закавказье..., с. 437.
59. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4258, ч. 2, лл. 219 об.-220 об.
60. ЦГИА, Груз. Респ., ф. 2, оп. 1, д. 12150, ч. II, л. 76 об.
61. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 4258, ч. 2, л. 206.
62. ЦГИА Груз. Респ., ф. 2, оп. 1, д. 12150, ч. II, л. 310.
63. ЦГВИА, ф. ВУА, 1805-1806, д. 6164, ч. 51, лл. 22 об.-23.
64. В.Потто. Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. Т. 1, вып. 3. - Спб., 1887 г., с. 397.
65. Там же.
66. ЦГАВМФ, ф. 166, оп. 1, 1805, д. 831, лл. 7-13; «Экспедиция на персидские берега Каспийского моря в 1805 году». - Славянин, ч. XVI, № 19, с. 5-18, 20-22; В.Потто. Ук. соч., с. 397.
67. ЦГВИА, ф. ВУА, 1805-1806, д. 6164, ч. 51, лл. 29-30; ЦГИА Груз. Респ., ф. 2, оп. 1, д. 12150, ч. II, л. 77 об.
68. Утверждение русского владычества на Кавказе, т. I, с. 227; Предложение кн. Цицианова ген.-м. Завалишину от 24 сентября 1805 г. АКАК, т. II, д. 1511, с. 738.
69. ЦГИА Груз. Респ., ф. 2, оп. 1, д. 12150, ч. II, лл. 79 об. - 80.
70. Н.Ф.Дубровин. Закавказье..., с. 471.
71. АВПР, ф. Глав. арх. 1-10, 1803, д. 2, лл. 137-137 об.
72. Там же, л. 138.
73. Н.Ф.Дубровин. Закавказье..., с. 474.
74. Всеподданнейший рапорт кн. Цицианова от 27 ноября 1805 г. АКАК, т. II, д. 1518, с. 743; Утверждение русского владычества на Кавказе, т. I, с. 228.
75. Всеподданнейший рапорт кн. Цицианова от 27 декабря 1805 г. АКАК, т. II, д. 1519, с. 744; История Азербайджана, т. II, с. 9-10.
76. История царствования императора Александра I и России в его время, т. 3. - Спб., 1869 г., с. 129.
77. ЦГИА Груз. Респ., ф. 2, оп. 1, д. 12150, ч. II, л. 81 об.; П.Г.Бутков Ук. соч., ч. II, с. 383; С.Б.Ашурбейли. Ук. соч., с. 311.
78. ЦГИА, Груз. Респ., ф. 2, оп. 1, д. 12150, ч. II, лл. 81 об.
79. Там же, л. 326 об.
80. Н.Ф.Дубровин. Закавказье, с. 477-478; Предсмертное письмо Цицианова Гусейн-Кули хану. - Газ. «Кавказ», № 7, 1846, с. 28; История царствования..., с. 129-130.
81. ЦГИА Груз. Респ., ф. 2, оп. 1, д. 12150, ч. II, л. 82 об.; ЦГВИА, ф. 482, 1806, д. 16, л. 5.
82. ЦГИА Груз. Респ., ф. 2, оп. 1, д. 12150, л. 82.
83. Там же; История царствования..., с. 129-130.
84. Там же.

85. ЦГВИА, ф. ВУА, 1805-1806, д.6164, ч.51, лл. 31об.-32 об.; П.Г.Бутков. Ук. соч., ч. II, с. 383; Мирза Джамал Джаваншир Карабаги. Ук. соч., с. 95-96; «Астраханский порт...», с. 11-12; А.В.Висковатов. Князь Павел Дмитриевич Цицианов.- Кавказский календарь на 1848 г.- Тифлис, 1847, с. 167-168; и др.
86. Е.И.Козубекый. История города Дербента. - Темир хан Шура, 1906, с.129.
87. ЦГИА Груз. Респ., ф.2, оп. 1, д.12150, ч.II, лл. 82 об.-83; Н.Ф.Дубровин. Закавказье..., с.479; и др.
88. Утверждение русского владычества на Кавказе, т.1, с.232-233.
89. Мирза Адигезал-бек. Ук. соч., с.34.
90. А.К.Бакиханов. Ук. соч., с. 155.
91. ЦГВИА, ф. 482, 1796-1817, д. 143, л.17.
92. Там же, ф. ВУА, 1805-1806, д. 6164, ч. 51, л.3.
93. Мирза Адигезал-бск. Ук. соч., с. 107.
94. Там же, с. 34.
95. ЦГИА Груз. Респ., ф. 2, оп. 1, 1806, д.118, лл. 5-5 об., 25-25 об.
96. ЦГВИА, ф. ВУА, 1800-1806, ч. 95, л. 16; там же, д. 4258, ч. 1, лл. 206 об. - 207-207 об.; С.Броневский. Ук. соч., ч.II, с. 398; История царствования..., т. I, с. 130; М.Острогорский. Завоевание Кавказа. - СПб., 1880, с. 18; и др.
97. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6164, ч. 51, л. 4 об.
98. АВПР, ф. Глав. арх. 1-13, 1806, д. 2, лл. 98, 99.
99. ЦГВИА, ф. ВУА, 1806, д. 4259, лл. 233-233 об.
100. Там же, д. 4258, л. 224.
101. АВПР, ф. Глав. арх. 1-13, 1806, д. 2, л. 61-61 об., 85-85 об.
102. ЦГВИА, ф. ВУА, д. 6173, лл. 6 об. - 7.
103. АВПР, ф. Глав. арх. 1-13, 1806, д. 2, лл. 87 об. - 88.
104. ЦГВИА, ф. 482, 1796-1817, д. 143, л. 18.
105. Там же, л. 18 об.; А.К.Бакиханов. Ук. соч., с. 156; С.Б.Ашурбейли. Ук. соч., с. 313.
106. Утверждение русского владычества на Кавказе. т.1. -Тифлис, 1901, с. 258.
107. Там же.
108. АВПР, ф. Глав. арх. 1-10, 1803, д. 2, л. 198-198 об.
109. Там же, ф. Глав. арх. 1-13, 1804, д. 3, лл.116 об.117; Утверждение..., т.1, с.258.
110. АВПР, ф. Глав. арх. 1-10, 1803, д. 2, л. 182-182 об.
111. ЦГИА Груз. Респ., ф.2, оп.1, 1806, д. 118, л.31.
112. Там же, 1813, д. 389, лл. 2 об.-3 об.
113. АВПР, ф. Глав. арх. 1-10, 1803, д. 2, л. 198 об.
114. Там же, л. 162 об.; Обвещание гр. Гудовича почетным бекам и всем жителям как г. Баку, так и селениям бывшего Бакинского ханства от 31 октября 1806 г. АКАК, т. III, ч.1, д.644, с.349.
115. ЦГВИА, ф. 482, 1796-1817, д. 143, л. 19 об.; А.К.Бакиханов. Ук. соч., с. 156.
116. АВПР, ф. Глав. арх. 1-13, 1806-1808, д. II, лл. 155-155 об.
117. История Азербайджана, т. II, с. 17-19.
118. Там же, с. 19-20.
119. ЦГВИА, ф. 482, д. 143, л.24; Т.Юзефович. Ук. соч., с. 210-213; ПСЗ, г. XXXIX - СПб., 1830, с. 641-645; А.И.Медведев. Персия. - СПб., 1909, с. 39-40; и др.
120. К.Маркс. Восточный вопрос. - Маркс и Энгельс. Соч., т.Х, с.219. См.: М.А.Полиевктов. Экспансия русского царизма на Кавказ до кон. XVIII в. «(неизданная рукопись) ЦГИА Груз. Респ., ф. 1505, оп. 1, д. 153.
121. ЦГИА Груз. Респ. 1505, оп, д. 153, л.49.
122. Утверждение..., т.4, ч II, с. 122.
123. История Азербайджана, т. II, с. 33-35.
124. Там же, с.35; А.И.Медведев. Ук. соч., с.44.
125. ЦГВИА, ф. ВУА, 1826, д. 4294, ч. II, л.25.
126. Х.М.Ибрагимбейли. Россия..., с.179; Э.Б.Пашаев. Завершение завоевания Северного Азербайджана царской Россией (на азерб. языке) - Автореф. дис... канд. исторических наук. - Баку, 1996 г., с. 25.
127. Материалы к истории Персидской войны 1826-1828. - В кн.: Кавказский сборник, т. XXVII. - Тифлис, 1908, с. 106.
128. Утверждение..., т. 4, ч. II, с. 127.; В.Потто. Кавказская война... Т.3, вып. 1, с.108-109.
129. Материалы к истории..., с. 41-42.
130. Утверждение..., т.4, ч. II, с.128.
131. Х.М.Ибрагимбейли. Россия..., с.180; История Азербайджана, т. II, с. 38.
132. ЦГВИА, ф. ВУА, 1826, д. 4294, ч. 2, л.71.

^{133.} Э.Б.Пашаев. Ук. соч., с. 26.

^{134.} Х.М.Ибрагимбейли. Страницы истории боевого содружества русского и кавказских народов (1853-1856 гг.). - Баку, 1970, с.57; его же. Россия..., с. 180. Бакинская конница была распущена 6 ноября 1831 г. ЦГВИА, ф. ВУА, 1831-1832, д. 6259, лл. 248-249.

^{135.} История Азербайджана, т. II, с. 40-44; А.С.Сумбатзаде. Сельское хозяйство..., с. 13.

^{136.} ЦГИА Груз. Респ., ф. 11, оп. 1, 1828, д. II, лл. 129-129 об.; Т. Юзефович. Ук. Соч., с. 214-217.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. История Азербайджана (с древнейших времен до начала XX века). – Баку, 1995 г., с. 288.

XÜLASƏ

XVIII əsrin ortalarında Azərbaycan ərazisində müstəqil feodal dövlətlərindən birinin - Bakı xanlığının yaranması feodal münasibətlərinin obyektiv inkişaf prosesinin nəticəsi idi.

Vilayətlər arasında əlaqələrin pozulması və genişlənən xalq azadlıq mübarizəsi nəticəsində İran dövlətinin dərin iqtisadi və siyasi böhran keçirməsi Nadir şahın imperiyasının dayaqlarını sarsıtdı və Azərbaycan ərazisində İran hökmranlığının tamamilə ləğv olunmasına və burada müstəqil xanlıqların, o cümlədən Bakı xanlığının yaranmasına gətirib çıxardı.

Öz ərazisinə və əhalisinin sayına görə nisbətən kiçik olan bu xanlıq coğrafi-siyasi mövqeyinə və zəngin təbii sərvətlərinə (neft, duz, zəfəran) görə əhəmiyyətli dərəcədə fərqlənirdi.

Volqa-Xəzər tranzit yolu üstündəki əlverişli coğrafi vəziyyəti və paytaxtı Bakıda ən yaxşı limanın olması xanlığı bütün regionun ticarət mərkəzinə çevirmişdi və feodal pərakəndəliyinin hökm sürdüyü Azərbaycanda onun xüsusi çəkisi də bununla müəyyən edilirdi. Nisbətən təhlükəsiz limanın mövcudluğu XVIII əsrin ikinci yarısında Şərqi ticarətinin mərkəzinin İrandan Azərbaycana, xüsusilə Qərblə Şərqi arasında bir növ körpü olan Bakıya keçməsinə əlverişli imkan yaratdı.

Bakı xanlığının bu üstünlükləri onun istər Azərbaycanın digər xanlıqları, istərsə də Rusiya və İran kimi güclü dövlətlər tərəfindən iddia obyektinə çevrilməsinə səbəb olurdu. Eyni zamanda Rusiyanın Cənubi Qafqazdakı işğalçılıq planlarında Bakı xanlığının xüsusi yer tutması XVIII əsrin sonu - XIX əsrin əvvəlində xanlığın hakim dairələrinin himayə olunmaq üçün etdikləri müraciətlərdən Rusiyanın öz ekspansiyaçı niyyətlərini həyata keçirərkən bir pərdə kimi istifadə etməsini şərtləndirirdi.

Rusiya öz əsas rəqibi olan İranla, - onu məhv etmədən özünün başlıca məqsədinə - Xəzər hövzəsinin qeyri-məhdud sahibinə çevrilə bilməzdi, - müharibənin (1804-1813-cü illər) gedişində Bakı xanlığını və Azərbaycanın şimalındakı digər xanlıqları işğal edib ləğv etdi. Sonuncu hökmdar - bakılı Hüseynqulu xanın layiqli müqavimət göstərməsinə baxmayaraq, Bakı xanlığının müqəddəratı digər Şimali Azərbaycan xanlıqlarına bənzər həll olundu.

SUMMARY

The formation of the khanate of Baku, one of the independent feudal states of Azerbaijan, in the middle of the XVIII-th century was the result of the objective process of feudal relations development.

A deep economic and political crises, which had stricken the Iranian state, due to isolation of its regions and activation of the national liberation movement, had completely blown up the foundations of Nadir Shakh's Empire and led to elimination of Iranian supremacy in Azerbaijan and formation of independent khanates here, including the khanate of Baku. With comparatively small territory and population, the khanate was notable for both its geopolitical position and natural resources (oil, salt, safron and others). Convenient geographical position on the Volga-Caspian transit route and the best port in the capital - Baku transformed the khanate into a center of commerce of the whole region, thus determining its role in the system of feudally Azerbaijan. The harbour of Baku, relatively safe, was favourable to the shift of the eastern trade centre from Iran to Azerbaijan in the second half of the XVIII-th century, particularly to Baku, that played a kind of a bridge between West and East.

The advantages of the khanate of Baku, however, facilitated to its transformation into a subject of pretension of two other khanates in Azerbaijan and of great powers, which were Russia and Iran. In its turn the special significance of the khanate of Baku in Russia's invadory plans in Southern Caucasus stipulated that Russia used Baku ruling circles protection applications at the end of the XVIII - beginning of the XIX c.c. as a pretext to realize its policy of expansion.

Among other Northern Azerbaijan khanats the khanate of Baku was captured and eliminated by Russia during the war with its main rival, (from 1804 to 1813), without whose destroying it was impossible to achieve its principle goal - to become a plenary master of the Caspian basin. Even despite the decent struggle of Hussein Gulu, khan of Baku, the last ruler, did not help the khanate of Baku to escape the fate of other khanates in Northern Azerbaijan.

İSKƏNDƏROVA MƏRZİYƏ SABİR QIZI.

Вакı ханlığı.

Çaşıođlu. Вакı, 1999. (rus dilində)

**МАРЗИЯ ИСКЕНДЕРОВА
БАКИНСКОЕ ХАНСТВО**

Директор издательства: *Э.А. Алиев*

Директор типографии: *С.О. Мустафаев*

Редактор: *Ф. С. Ахмедов*

Технический редактор: *В.И. Керимов*

Сдано в набор 03.09.99. Подписано в печать 02.11.99.

Формат 60x90 ¹/₆ Усл. п. л. 13,25. Бумага офсетная.

Заказ № 207. Тираж 500 экз. Цена договорная.

Типография «Чашыоглы»